
ПОВЕСТЬ
О СЕРОМ МИРЕ
GraVerden
18+

Nike GraVerden

Повесть о Сером мире

https://litres.ru/74683194
SelfPub; 2026

Аннотация

Море разделяет Север и Юг. Но никогда не было преградой для тех, кто приходит с мечом.

Из года в год северные корабли достигают чужих берегов. Одни возвращаются домой с добычей и славой. Другие остаются, намереваясь превратить завоёванные земли в собственные владения.

Но судьбы королевств решаются не только на полях сражений.

За стенами замков заключаются непрочные союзы, зреют заговоры и разгорается борьба за власть. Правители пытаются сохранить свои престолы, наследники мечтают о величии, а простые люди оказываются заложниками чужих амбиций.

Здесь дружба не всегда выдерживает испытание верностью, любовь не спасает от жестокости, а победа порой требует куда больших жертв, чем поражение.

У каждого своя правда. У каждого своя цель. И каждому предстоит узнать, чего стоят его убеждения, когда привычный мир начинает рушиться.

Ведь история запоминает королей и завоевателей. Но складывается из судеб тех, кто жил, любил, предавал и погибал под их знамёнами.

Содержание

Акт I. Северные ветра 7
Глава 1. Наследники 7
Глава 2. Узы крови 56
Глава 3. Путь воина 92
Метель 103
Глава 4. Сражение с тенью 130
Глава 5. Турнир наследников 172
Первое испытание 202
Первое испытание. Продолжение 210
Второе испытание 228
Последнее испытание 248
Глава 6. Перед дальними берегами 268
Акт II. Союз спасения 304
Глава 7. Коронация 304
Накануне коронации 306
Глава 8. Серость мира 351
Конец ознакомительного фрагмента. 363

Nike GraVerden
Повесть о Сером мире

Повесть О Сером Мире
GraVerden

Оглавление
Акт I. Северные ветра
Глава 1. Наследники
Глава 2. Узы крови
Глава 3. Путь воина
Глава 4. Сражение с тенью
Глава 5. Турнир наследников
Глава 6. Перед дальними берегами
Акт II. Союз спасения
Глава 7. Коронация
Глава 8. Серость мира
Глава 9. Поединок со смертью
Глава 10. Огненная завеса
Глава 11. Морская бездна
Глава 12. И явится тьма
Глава 13. Лагерь победителей
Глава 14. Во тьме

Оглавление

Глава 15. Пророчество
Глава 16. Порочная страсть
Глава 17. Короли не правят вечно
Глава 18. Последствия
Глава 19. Кровавая дань
Глава 20. Ветра перемен
Глава 21. Смертельная истина
Глава 22. Последнее слово
Глава 23. Новый союз
Глава 24. Повстанец
Глава 25. Цена свободы
Глава 26. Цена договора
Глава 27. Корона Северной души
Глава 28. Кровавый замысел

Акт I. Северные ветра

Глава 1. Наследники

1453 год

Северная душа

«И внезапно наступит эта беспощадная серость, окутывая Лимскол своими ужасами, погружая в пучину отчуждения. Она проникнет в самые глубины, схватит за руку и неотвратимо затянет в свои объятия».

Под светом полной луны заснеженные просторы Лимскола приобретали призрачные очертания. Бледное сияние ложилось на промёрзшую землю, отражалось от ледяных склонов и терялось среди бескрайних равнин. Там, где некогда могла бы колоситься пшеница, теперь простиралась холодная пустошь. С небольшого холма открывался вид на горные склоны, скованные льдами уже многие столетия. Казалось, само время остановилось в этих краях, оставив их наедине с нескончаемой зимой.

После разделения Лимскола жизнь на северных землях изменилась навсегда. Почва перестала приносить прежние урожаи, морозы становились всё суровее, а долгие зимы уносили жизни тех, кто не сумел к ним приспособиться. Однако местные жители, которых за пределами материка именовали

варварами, не покинули родных земель. Они научились выживать среди снегов, добывать пропитание в суровых условиях и возводить жилища, способные противостоять беспощадным ветрам.

Северная душа делилась на четыре части, каждая из которых имела собственные обычаи и предназначение. Южные земли славились продовольственными запасами, позволявшими прокормить население в особенно тяжёлые зимы. На Севере, в Стольгриме, жили искусные кораблестроители, чьи суда могли преодолевать бушующие моря. Восточные и Западные владения некогда обеспечивали соседей строительными материалами и необходимыми ресурсами. Но после кровопролитной битвы пяти конунгов эти земли превратились в руины, так и не сумев полностью вернуть прежнее величие.

Когда-то северяне составляли единый народ. Их объединяли обычаи, вера и общая борьба за выживание. Но жестокая война положила конец былому единству. С тех пор между правителями сохранялась вражда, которую не могли окончательно погасить даже долгие годы относительного мира.

У прибрежных склонов Южной части возвышался Скаггерак — древняя крепость, окружённая высокими стенами. Каменную кладку укрепляли глиняным раствором, а само расположение крепости на холмистой местности позволяло её защитникам заблаговременно замечать приближение

неприятеля. За долгие годы Скаггерак выдержал немало нападений. Не один военачальник мечтал захватить его стены и присвоить себе трон, однако крепость по-прежнему оставалась во владении рода Хардсеймов.

Правил этими землями конунг Фридрих Хардсейм — северянин, чьё имя было известно далеко за пределами Скаггерака. Долгие годы он распоряжался судьбами своих подданных, заключал союзы, вёл войны и заботился о сохранении владений. У него было четверо сыновей: Рассел, Кастер, Эйрик и Март. В ту холодную ночь все они спали, укрывшись тяжёлыми звериными шкурами. Лишь их отец продолжал бодрствовать.

Фридрих находился в своём излюбленном тронном зале. Впрочем, залом это помещение можно было назвать лишь из уважения к его хозяину. Оно больше напоминало огромный деревянный амбар: высокие потолки, потемневшие балки, широкие стены, вдоль которых стояли жаровни. В дальнем конце возвышался деревянный трон — грубо изготовленный стул с высокой спинкой, скрипевший при каждом движении своего владельца. На потрескавшихся ступенях неподалёку расположился Афрод — давний друг и советник конунга, известный как Хранитель Разлома, разделявшего Южную и Северную части материка.

Афрод неспешно пил вино из бычьего рога и время от времени поглядывал на Фридриха. Тот предпочитал прохладный эль. Напиток давно стал для конунга привычным спо-

собом заглушить тревожные мысли, хотя порой лишь усиливал его раздражительность. Именно после нескольких кружек Фридрих особенно охотно заводил разговоры о войнах, политике и будущем Северной души. В эту ночь речь зашла о предстоящем собрании конунгов.

— Скоро вновь состоится совет в Земной Обители, — произнёс Афрод, внимательно наблюдая за старым другом. — Ты обязан присутствовать на нём, конунг.

Земная Обитель издавна считалась одной из важнейших цитаделей материка. Каждый год туда съезжались правители северных владений, чтобы обсудить общие бедствия, распределение припасов и вопросы безопасности. Даже взаимная ненависть не всегда мешала конунгам собираться за одним столом. Эта традиция пережила и войну пяти правителей, после которой Восток и Запад лежали в развалинах. Их города впоследствии отстроили, но вернуть прежнее могущество оказалось гораздо труднее.

Причин для нового совета хватало. Климат становился всё суровее, а население Северной души зависело от тёплого течения, приходившего с Юга. Благодаря ему прибрежные воды не покрывались сплошным льдом. Исчезни это течение — и жизнь на материке оказалась бы под угрозой. Но Фридриха тревожило не только выживание. Он желал вернуть Северной душе былое могущество. И всё чаще видел единственный путь к этому в завоевательном походе.

— Пока я не желаю говорить об этом, — ответил конунг.

— Очередной съезд не принесёт нам пользы. Мы будем спорить о припасах, жаловаться на морозы и снова разъедемся ни с чем. Северу нужны новые рубежи. Следует созвать ярлов, построить корабли и отправиться в долгожданный поход. Наш народ должен вновь обрести цель.

Фридрих провёл пальцами по поседевшей бороде и удобнее устроился на троне. Его взгляд остановился на алых знамёнах, развешанных вдоль стен. На каждом красовался белый ворон — предвестник войны. При свете жаровен изображения казались почти живыми, а тени от языков пламени скользили по деревянным балкам. Конунг сделал ещё несколько глотков эля и подпёр голову сжатой в кулак рукой.

— В Стольгриме по-прежнему строят лучшие корабли на Севере, — заметил Афрод. — Их суда выдерживают даже самые жестокие штормы. Почему бы не обратиться к Винтеру Варсандру? Можно предложить ему участие в походе. Дополнительные воины нам не помешают. — Фридрих поморщился.

— Не уверен. За свои корабли Винтер потребует слишком высокую цену. Он не из тех, кто помогает соседям без выгоды. Корыстный ублюдок.

Он опустошил рог и протянул его Афроду. Хранитель молча поднялся и вновь наполнил сосуд элем. Он слишком хорошо знал привычки своего старого друга, чтобы пытаться отобрать у него выпивку посреди ночного разговора.

— Всё может сложиться иначе, — произнёс Афрод, воз-

вращаясь на место. — Кстати, приглашение на совет ты так и не получил?

— Не получил, — коротко ответил Фридрих. — Думаю, Винтер попросту страшится меня. Разве нет?

В его голосе прозвучала насмешка, но Афрод заметил, что конунг ожидает ответа всерьёз. Фридрих был пьян. Всего полчаса назад он опустошил очередной бочонок, и теперь хмель всё сильнее затуманивал его рассудок. Раздражение сменялось самодовольством, а затем вновь уступало место тяжёлой, почти беспричинной тоске. Десять лет назад умерла Агнесс — его супруга, мать четверых сыновей.

Фридрих любил её так, как, возможно, не любил никого другого. Она была рядом в годы его возвышения, разделяла с ним тревоги и радости, встречала после походов и умела успокоить тогда, когда даже самые преданные советники предпочитали молчать. Но однажды суровые морозы принесли лихорадку, от которой не сумели спасти её ни лекари, ни молитвы. С тех пор Фридрих словно утратил часть самого себя.

Он пытался найти утешение в государственных делах, охоте, военных замыслах и выпивке. Однако ничто не могло заменить Агнесс. Воспоминания о ней преследовали его даже во сне, а пробуждение всякий раз возвращало к действительности, в которой её больше не существовало. По Скаггераку ходили слухи, будто ещё при жизни супруги конунг содержал нескольких наложниц и имел от них незаконно-

рождённых детей. Сам Фридрих яростно отрицал подобные разговоры. Но его подданные знали, что за величием правителя скрывался непростой нрав. Его нельзя было назвать безупречным мужем или заботливым отцом. Особенно тяжело приходилось одному из средних сыновей, на которого конунг нередко обрушивал гнев за малейшую провинность. Опьянение лишь усиливало жестокость Фридриха: тогда он мог наказать даже за неосторожно сказанное слово.

И всё же за пределами семейных покоев Хардсейма почитали как легендарного правителя. Он сумел удержать Скаггерак в годы тяжёлых испытаний и заслужил славу мудрого конунга. Для многих северян его решения оставались непререкаемыми, хотя те, кто знал Фридриха близко, давно замечали перемены в его характере.

— Не думаю, что Винтер страшится тебя, — наконец ответил Афрод. — Фридрих хотел возразить, но лишь невнятно пробормотал что-то себе под нос. Вскоре его голова склонилась набок. Пальцы ослабли, и рог едва не выскользнул из руки.

Хранитель некоторое время сидел неподвижно, наблюдая за уснувшим другом. Перед ним был всё тот же Фридрих Хардсейм — человек, способный повести тысячи северян на войну. Но годы, утраты и собственные слабости оставили на нём след, который уже невозможно было скрыть ни громкими речами, ни былой славой. Афрод осторожно поднялся со ступеней и направился к выходу. Тяжёлая дверь закрылась

за его спиной. Снаружи бушевала метель. Хранитель плотнее запахнул одежду и исчез среди заснеженных улиц Скаггерака.

Рассвет застал Фридриха там же, где он провёл минувшую ночь. Конунг проснулся на деревянном троне с тяжёлой головой и неприятной сухостью во рту. Несколько мгновений он сидел неподвижно, пытаясь вспомнить, когда успел уснуть. В жаровнях давно погас огонь, а холод, проникший в зал сквозь щели между досками, заставил его поёжиться. Фридрих медленно поднялся. Затёкшая спина отозвалась болью, и он недовольно поморщился, опираясь ладонью о подлокотник. Пустой рог валялся у подножия трона. Афрод, должно быть, покинул крепость ещё ночью, оставив старого друга наедине с его мыслями.

Подойдя к узкому окну, конунг неожиданно остановился. Над Скаггераком поднималось солнце. Бледные лучи пробивались сквозь редкие облака, ложились на заснеженные крыши и отражались от ледяной глади моря. После нескольких недель непроглядной серости это зрелище казалось почти забытым. Даже ветер, обычно безжалостно терзавший крепостные стены, на короткое время стих.

Фридрих приоткрыл створку. Морозный воздух коснулся его лица, забрался под ворот рубахи и немного отрезвил. Конунг прикрыл глаза, подставляя лицо слабому солнечному теплу. На мгновение ему показалось, будто он снова оказался в тех далёких временах, когда утро не приносило с со-

бой горечи. Когда Агнесс ещё была жива. Он невольно сжал пальцы на деревянной раме.

Сколько зим миновало с её смерти? Десять. Целых десять лет, за которые успели подрасти сыновья, изменились союзники и враги, состарились верные воины. Но стоило Фридриху закрыть глаза, как перед ним возникало знакомое лицо супруги — её улыбка, светлый взгляд, непокорные пряди волос, выбивавшиеся из причёски. Воспоминания приходили без спроса. Он помнил её голос лучше, чем слова многих людей, с которыми разговаривал накануне. Помнил, как Агнесс встречала его после долгих походов и как умела одним прикосновением унять гнев, с которым не справлялись ни советники, ни собственные сыновья. Теперь от прежней жизни остались только воспоминания. Фридрих отвернулся от окна и направился к выходу.

Во дворе уже просыпался Скаггерак. Слуги спешили к хозяйственным постройкам, стражники сменяли друг друга у ворот, а из кузницы доносились первые удары молота. Несколько воинов приветствовали конунга, склонив головы. Он ответил коротким кивком и продолжил путь. Ему хотелось побыть одному.

Пройдя вдоль крепостной стены, Фридрих спустился к пристани. Море встретило его размеренным шумом волн. Вдоль берега стояли рыбацкие лодки, покрытые тонким слоем инея. Чуть дальше покачивались на воде длинные корабли, на которых северяне уходили в торговые плавания и во-

енные походы. Конунг остановился у самой кромки берега.

Он всегда любил море. Здесь легче было забыть о бесконечных спорах ярлов, недовольстве соседних правителей и обязанностях, которые не оставляли ему покоя даже ночью. Стоило взглянуть на далёкий горизонт, и в памяти оживали годы молодости — бескрайние воды, ветер в парусах, крики воинов и земли, которых прежде не касалась нога северянина. Тогда ему казалось, что впереди целая вечность. Теперь же каждый прожитый год напоминал о том, насколько быстро уходит время.

— Солнце… — негромко произнёс Фридрих. — Впервые за несколько недель.

Он коснулся пульсирующего виска и провёл пальцами по поседевшей бороде. Когда-то Агнесс любила такие утра. Даже среди суровой северной зимы она умела находить нечто прекрасное: солнечный луч на оконном стекле, первые признаки оттепели, запах моря после долгой метели. Фридрих никогда не понимал, как ей это удавалось. А теперь отчаянно желал хотя бы однажды увидеть мир её глазами.

— Агнесс… — прошептал он. — Моя милая Агнесс…

Ветер усилился, взметнув полы его плаща. Конунг не шелохнулся. Он продолжал смотреть на море, пока перед глазами не исчезли последние образы минувшего. Вместо них вновь возникли холодные воды, заснеженные берега и корабли, ожидавшие своего часа. Фридрих тяжело вздохнул. Он давно привык к одиночеству, но так и не научился его при-

нимать. Обернувшись в сторону крепости, конунг заметил вдали своего младшего сына.

*** ***

Март Хардсейм проснулся с первыми лучами солнца. Впрочем, покидать тёплую постель ему совершенно не хотелось. За ночь комната успела остыть, и мальчик ещё некоторое время лежал под тяжёлыми звериными шкурами, прислушиваясь к завыванию ветра за окном. Марту исполнилось десять лет.

Родители назвали его в честь Марта Великого — прославленного воина Северной души, погибшего во времена первых завоеваний. Фридрих надеялся, что младший сын однажды оправдает столь громкое имя, хотя сам мальчик не испытывал особенного желания прославиться на поле боя. Среди жителей Скаггерака Март пользовался необыкновенной любовью. Он редко отказывал в помощи тем, кто обращался к нему, охотно разговаривал со слугами и не считал собственное происхождение причиной смотреть на других свысока. Там, где его братья нередко предпочитали решать споры силой, младший Хардсейм пытался разобраться в причинах ссоры. Порой подобная справедливость оказывалась совершенно неуместной, особенно в глазах отца.

Март обладал худощавым телосложением, длинными светлыми волосами и выразительными серыми глазами. Одежда на нём почти всегда была великовата: то ли слуги

никак не могли подобрать подходящий размер, то ли мальчик слишком быстро вырастал из прежних рубах и кафтанов. Здоровьем он тоже не отличался. Частые недомогания напоминали Фридриху об Агнесс, которая при жизни нередко страдала от болезней.

Но слабость тела не мешала Марту проявлять удивительное упорство в учёбе. Он любил старинные предания, охотно изучал чужеземные языки и мог часами просиживать над книгами, позабыв о времени. Его занимало всё, что выходило за пределы привычной жизни Скаггерака: история древних народов, происхождение северных обычаев, рассказы о далёких континентах и события, о которых старики предпочитали говорить вполголоса.

В отличие от братьев, Март не мечтал о троне. Он видел, какой ценой отцу доставалась власть. Слышал его ночные крики, когда тот, напившись эля, звал покойную супругу. Иногда мальчик становился свидетелем жестоких наказаний, которым Фридрих подвергал одного из сыновей. Подобные воспоминания оставляли в нём неприятный осадок. Март любил отца, но боялся однажды стать на него похожим.

Ему казалось странным, что взрослые люди так отчаянно стремятся получить власть, если ради неё приходится причинять боль даже собственным близким. Конечно, он понимал, что принадлежность к роду Хардсеймов рано или поздно заставит его взяться за оружие. Но пока предпочитал отдалять этот день, насколько позволяли обстоятельства. Куда

больше его привлекали занятия с Афродом.

Когда Марту исполнилось пять лет, Фридрих доверил младшего сына попечению Хранителя Разлома. Старый мастер научил мальчика читать и писать, познакомил с историей Северной души, а затем принялся обучать языкам народов, живущих за Северным морем. С тех пор поездки к Афроду стали для Марта привычной частью жизни.

Каждое утро, если погода позволяла, он отправлялся к Разлому верхом на небольшом сером пони. Несколько вооружённых северян сопровождали принца, оберегая его от опасностей, которые могли подстерегать путника за пределами крепостных стен. Путь предстоял нелёгкий. Разлом находился в глубине снежных земель, неподалёку от устья реки, разделявшей материк. Дорога пролегала среди промёрзших равнин и сугробов, в которых порой увязали даже сильные лошади. Ветер свободно гулял между холмами, обжигал открытые участки кожи и забирался под самые тёплые одежды.

Но Марта подобные трудности не останавливали. Он давно привык к северным морозам и научился различать перемены погоды по цвету неба, направлению ветра и тому, как снег ложился на склоны. В ясные дни вдали можно было разглядеть ледяные плато, замёрзшие озёра и горные вершины, терявшиеся среди облаков. Всё это казалось мальчику удивительным. Он нередко спрашивал Афрода, каким был Лимскол до разделения, когда на этих землях ещё росли деревья, а реки не скрывались под многолетними льдами.

Хранитель отвечал не на каждый вопрос. И это лишь усиливало любопытство маленького принца. В то утро Март вновь отправился к своему наставнику. Солнце ненадолго показалось из-за серых облаков, озарив заснеженную дорогу. Под копытами пони поскрипывал плотный снег. Воины следовали позади, негромко переговариваясь между собой. Вскоре впереди показалось небольшое возвышение, на котором стояло жилище Афрода. Дом Хранителя выглядел так, словно пережил не одну сотню зим. Его крыша заметно просела под тяжестью снега, изгородь покосилась, а деревянные доски местами потемнели от сырости и времени. Крыльцо жалобно скрипело при каждом шаге. Позади располагались небольшой двор, сарай для скота и теплица, в которой Афрод пытался выращивать растения, способные пережить северные морозы.

Март всегда удивлялся, почему столь уважаемый человек предпочитал жить в подобной ветхости. Но Афрод никогда не жаловался на свой дом. Спешившись, мальчик передал поводья одному из сопровождавших его воинов и поднялся на крыльцо. Не успел он постучать, как дверь отворилась. На пороге стоял Афрод.

— Вот и ты, маленький принц, — произнёс Хранитель с приветливой улыбкой. — Проходи. — Март переступил порог и принялся стягивать шерстяные варежки.

— Почему ты так рано уехал? — спросил он, не скрывая разочарования. — Я надеялся, что сегодня мы будем зани-

маться в тронном зале. Но мне сказали, что ты покинул крепость ещё ночью. — Афрод прикрыл за ним дверь.

— У Хранителя есть свои обязанности, маленький принц. Скоро состоится съезд конунгов Северной души. Мне необходимо подготовиться.

Март недовольно поджал губы, но спорить не стал. Он знал, что наставник редко говорит о собственных делах без необходимости. К тому же предстоящий совет интересовал мальчика гораздо меньше, чем истории, которые Афрод рассказывал во время занятий. Старый мастер повидал немало земель за пределами Северной души. Он знал обычаи чужих народов, помнил древние предания и обладал знаниями, которые невозможно было отыскать даже в богатых собраниях книг.

Особое место в его рассказах занимал Создатель — Тот, Кому, по вере Афрода, Лимскол был обязан своим существованием. Хранитель учил, что когда-то все жители материка говорили на одном языке. Они жили в достатке, возделывали землю, разводили скот и не знали тех бедствий, которые впоследствии обрушились на их потомков.

Но прежний мир исчез. Согласно древним преданиям, гнев Создателя обрушился на Лимскол вместе с Огненным светилом, упавшим с небес. Земли раскололись на четыре части, а люди утратили память о прежней жизни и общем языке. Оказавшись разделёнными, они постепенно создали новые наречия и обычаи. Голод и нужда превратили сосе-

дей во врагов. Каждый народ стремился завладеть тем, чего недоставало ему самому: плодородной землёй, водой, древесиной, железом или запасами пищи. Так начались войны, которым не было видно конца.

Афрод нередко повторял, что самым страшным врагом лимов оказалось вовсе не чудовище, пришедшее из древних легенд. Им стал другой лим. Март долго размышлял над этими словами. Ему хотелось верить, что когда-нибудь люди сумеют вновь жить без постоянного страха перед соседями. Но чем больше он узнавал историю Северной души, тем труднее становилось представить подобное будущее. Мальчик подошёл к письменному столу, на котором лежали старые книги и свитки.

— Ну что, Афрод? — спросил он, вновь оживившись. — Чем займёмся сегодня? — Хранитель улыбнулся. Он достал из шкафа несколько запылённых свитков, осторожно положил их перед учеником и придвинул стул.

— Сегодня, маленький принц, мы изучим Повесть О Сером Мире.

*** ***

В одной из таверн Скаггерака, неподалёку от торговой площади, царило привычное оживление. За грубыми деревянными столами сидели моряки, наёмники и местные ремесленники, желавшие согреться после долгого рабочего

дня. Кто-то спорил о цене на меха, другие вспоминали минувшие походы, а несколько пьяных северян затянули старую песню, постоянно сбиваясь со слов. Под низким потолком клубился дым от трубок. Воздух пропитался запахами эля, жареного мяса и мокрой шерсти.

На стенах висели звериные черепа, потемневшие от времени щиты и несколько картин, изображавших давно забытые сражения. Деревянные столы покрывали глубокие царапины, оставленные ножами посетителей, а половицы жалобно скрипели под тяжёлыми сапогами. Среди собравшихся находился Эйрик Хардсейм — один из сыновей конунга Фридриха. В отличие от братьев, которые проводили дни за обучением и воинскими упражнениями, Эйрик предпочитал общество выпивки и доступных женщин. Деньги, полученные от отца, исчезали из его кошелька с удивительной быстротой. Он редко задумывался о завтрашнем дне, считая, что принадлежность к правящему роду избавляет его от необходимости заботиться о собственном будущем.

По крайней мере, именно так он объяснял свою беспечность окружающим. Эйрик был высоким и худощавым юношей с густыми тёмными волосами, небрежно падавшими на лоб. Его багровая кожаная одежда давно утратила прежний блеск. Под глазами залегли тени, а покрасневший взгляд выдавал человека, который слишком редко встречал утро трезвым. Он сидел у стойки, опираясь локтями о потемневшее дерево, и задумчиво вращал почти пустую кружку.

Неподалёку двое моряков обсуждали предстоящий поход.

— Говорят, старый Хардсейм вновь собирает корабли, — произнёс один из них. — Неужто решил перед смертью завоевать весь Юг?

— Сначала пусть договорится с другими конунгами, — усмехнулся второй. — Одному ему далеко не уплыть.

— А сыновья? Разве они не отправятся с ним?

— Рассел наверняка. Кастер тоже рвётся в бой. А вот третий… —Моряк бросил короткий взгляд на Эйрика и замолчал. Его собеседник хмыкнул.

Эйрик прекрасно расслышал каждое слово. Он хотел обернуться, высказать обоим всё, что думал об их дерзости, но лишь крепче сжал кружку. Спорить с пьяными моряками означало выставить себя ещё большим посмешищем. Вместо этого он потребовал у трактирщика новую порцию эля. В последнее время Эйрик всё чаще замечал, как окружающие сравнивают его с братьями. Рассела уважали за рассудительность, Кастера — за упорство и воинские способности, а маленького Марта любили за доброту и любознательность.

Самого же Эйрика, казалось, не воспринимали всерьёз. Он убеждал себя, что чужое мнение ничего не значит. Но всякий раз, когда слышал собственное имя, произнесённое с насмешкой, внутри поднималось раздражение, от которого не спасала даже выпивка.

— Ещё одну, — буркнул он, пододвигая кружку трактирщику. — Тот недовольно взглянул на юношу.

— Сначала расплатись за прежние. — Эйрик принялся шарить по карманам, но обнаружил лишь несколько медных монет.

— Завтра принесу.

— Ты и вчера так говорил.

— Ты знаешь, кто мой отец?

— Знаю, господин Хардсейм. Но твой отец не оплачивает каждый выпитый тобой бочонок. — Эйрик раздражённо выдохнул. Он уже собирался ответить, когда рядом с ним раздался незнакомый голос:

— Налейте ему. И мне заодно.

На деревянную стойку легла серебряная монета. Эйрик повернул голову. Рядом сидел высокий мужчина в тёмном плаще, скрывавшем большую часть его лица. Из-под мехового воротника виднелась крепкая шея, а широкие плечи выдавали человека, привыкшего носить доспехи. На поясе незнакомца висел длинный меч, а в руке он держал старинный кинжал с искусной гравировкой на рукояти. Мужчина выглядел чужаком. И всё же держался так уверенно, словно находился в собственном доме.

— Щедро с вашей стороны, — заметил Эйрик, разглядывая серебро. — И что же позабыл здесь столь далёкий путник?

— Любопытный вопрос, Эйрик Хардсейм. — Незнакомец едва заметно улыбнулся.

— Мы знакомы? — Юноша замер.

— Пока нет.

— Тогда откуда тебе известно моё имя?

— Трудно не узнать сына конунга, о котором говорит половина Скаггерака. — Эйрик недовольно поморщился в ответ на произнесенное.

— Надеюсь, исключительно хорошее.

— Боюсь, не всегда. — Незнакомец придвинул к себе кружку, которую только что поставил трактирщик.

— Впрочем, слухи меня мало интересуют. Я искал именно тебя.

— Меня? — Эйрик усмехнулся. — А ты уверен, что не ошибся? Быть может, перед тобой вовсе не Хардсейм, а обыкновенный пьяница, которому повезло родиться с похожим лицом.

— В таком случае этот пьяница удивительно похож на третьего сына Фридриха. — Эйрик внезапно перестал улыбаться.

— Ты слишком много обо мне знаешь.

— Ровно столько, сколько необходимо. — Со слабой ухмылкой на лице – сказал незнакомец. — Несколько мгновений они молчали. Эйрик попытался рассмотреть лицо собеседника, но тот сидел спиной к свету, и черты его оставались скрытыми в тени.

— Тогда, полагаю, пришло время узнать твоё имя, — произнёс юноша. — Не люблю разговаривать с людьми, которые знают обо мне больше, чем я о них. — Незнакомец неспеш-

но отпил эля.

— Моё имя пока мало кому известно в Скаггераке. Но однажды, возможно, его услышат далеко за пределами Северной души.

— Звучит весьма самоуверенно.

— Уверенность полезна человеку, который намерен чего-то добиться. — Мужчина слегка расправил плечи.

— Цезак Ортен. Сводный брат ярла Меркури Ортена. И, если тебе угодно, один из людей, выполняющих его поручения. — Эйрик невольно перевёл взгляд на меч, висевший у пояса незнакомца. Фамилия Ортен была ему хорошо знакома.

Фридрих не раз предупреждал сыновей, что представителям этого рода нельзя доверять. Он считал Ортенов опасными противниками, способными нарушить любое соглашение, если того потребует собственная выгода. И теперь один из них сидел рядом с Эйриком, угощал его элем и говорил так, будто пришёл на дружескую встречу.

— Вот оно что, — протянул юноша. — Значит, ты из Ортенов.

— Тебя это беспокоит?

— Мой отец не слишком жалует твою семью.

— Мне известно. — Цезак отодвинул край плаща, открывая рукоять длинного меча. Эйрик насторожился.

— Если ты пришёл убить меня, — произнёс он, стараясь сохранить насмешливый тон, — то хотя бы позволь допить

кружку. — Ортен рассмеялся.

— В твоём убийстве нет необходимости.

— Рад слышать.

— Напротив, Эйрик. Ты можешь оказаться весьма полезным человеком. — Эти слова заставили юношу внимательнее взглянуть на собеседника. Он давно не слышал, чтобы кто-нибудь говорил о нём подобным образом.

— Продолжай, — коротко ответил Эйрик. — Цезак поставил кружку на стойку.

— Насколько мне известно, твой отец собирается отправиться в поход на Южные континенты.

— И что с того?

— Мой ярл желает присоединиться к нему.

— Меркури Ортен хочет сражаться под знаменем Фридриха? — Эйрик усмехнулся. — Неужели Север настолько изменился, пока я пил?

— Не под его знаменем. Вместе с ним.

— Большая разница.

— Для людей, которые понимают политику, — огромная. — Эйрик нахмурился, но промолчал.

— Меркури располагает значительным войском, — продолжил Цезак. — Около десяти тысяч северян готовы выступить по его приказу. Такое подкрепление пригодилось бы любому конунгу, мечтающему о завоеваниях.

— Тогда почему бы тебе не отправиться прямо к моему отцу?

— Потому что твой отец злопамятен. — Эйрик невольно усмехнулся в ответ.

— Здесь ты прав. — Эйрик невольно усмехнулся в ответ.

— Он не забудет прежних разногласий. Даже если предложение принесёт пользу Скаггераку, Фридрих может отвергнуть его только потому, что оно исходит от Ортена.

— И ты решил, что я сумею его переубедить?

— Не совсем. — Цезак подался вперёд.

— Я наслышан о ваших разногласиях.

— Кто тебе об этом рассказал? — Эйрик отвёл взгляд.

— Разве это имеет значение?

— Для меня — имеет.

— Тогда скажем так: твой отец не слишком заботится о том, чтобы семейные ссоры оставались за стенами крепости.

Юноша почувствовал, как раздражение сменяется тревогой. Он вдруг вспомнил моряков, сидевших неподалёку, их насмешливые взгляды и разговоры о братьях. Ему стало неприятно от мысли, что даже чужеземные ярлы знают о его положении в собственной семье.

— И что же ты предлагаешь? — спросил он. — Какой мне от этого прок? Всё равно отец вряд ли возьмёт меня в поход. Он считает, что я ни на что не способен.

— А ты сам так считаешь?

— Нет.

— Тогда почему позволяешь другим решать твою судьбу?

— Осторожнее, Ортен. Я не настолько пьян, чтобы не по-

нимать, к чему ты клонишь. — Эйрик медленно повернулся к нему.

— Вот и прекрасно. — Цезак поднялся с табурета, поправляя меховую накидку.

— Полагаю, мы сумеем найти соглашение, которое удовлетворит и тебя, и моего ярла. Но обсуждать подобные дела в таверне, где у каждого второго слишком длинный язык, было бы неразумно.

— Значит, ты пришёл лишь затем, чтобы заинтриговать меня?

— Я пришёл убедиться, что слухи о тебе не совсем правдивы.

— И каков твой вывод? — Ортен задержал на нём взгляд.

— Ты гораздо внимательнее, чем желаешь казаться. — Эйрик не нашёлся с ответом.

— Мы ещё встретимся, — продолжил Цезак. — Не сомневайся. Нам известны твои желания, Эйрик Хардсейм. Возможно, мы даже сумеем помочь тебе осуществить некоторые из них.

Он бросил трактирщику ещё одну монету и направился к выходу. Юноша проводил его взглядом. Тяжёлая дверь отворилась, впустив в помещение порыв ледяного ветра, а затем вновь захлопнулась. Цезак исчез за порогом, оставив после себя недопитую кружку и множество вопросов. Эйрик ещё некоторое время сидел неподвижно. В памяти всплыли слова Фридриха: «Ортены — наши враги. Никогда не заключай-

те с ними сделок. Обходите их стороной».

Отец повторял это не единожды. Но разве сам Фридрих всегда поступал разумно? Разве не он отказывался прислушиваться к собственным сыновьям, требуя от них лишь беспрекословного подчинения? Эйрик посмотрел на серебряную монету, оставленную незнакомцем. Впервые за долгое время кто-то разговаривал с ним не как с бесполезным пьяницей, а как с человеком, способным повлиять на судьбу целого похода. Он понимал, что подобное внимание не бывает бескорыстным. И всё же мысль о том, что Меркури Ортену может понадобиться именно он, оказалась неожиданно приятной. Эйрик допил остатки эля, поднялся с табурета и, слегка покачиваясь, направился к выходу.

На улице его встретил морозный ветер. Юноша плотнее запахнул потёртый кафтан и зашагал к крепости, стараясь не думать о том, что отец сказал бы, узнав о состоявшемся разговоре.

*** ***

Редкие солнечные лучи пробивались сквозь тяжёлые облака, озаряя заснеженное тренировочное поле Скаггерака. Морозный ветер поднимал с земли мелкую снежную пыль, заставляя воинов плотнее запахивать плащи. Впрочем, для семнадцатилетнего Кастера Хардсейма холод давно перестал быть причиной отказываться от занятий.

Он стоял посреди утоптанной площадки, сжимая в ру-

ках тренировочный меч. Его светлые волосы растрепались, на лбу выступила испарина, а грудь тяжело вздымалась после продолжительных упражнений. Напротив расположился Вельтон Резорский — опытный воин, которому Фридрих доверил обучение одного из своих сыновей.

— Ещё раз, — потребовал Кастер, переводя дыхание.

— Ты уже едва держишь меч.

— Значит, тебе будет проще победить. — Вельтон усмехнулся и поднял оружие. Кастер немедленно бросился вперёд. Первый удар пришёлся на клинок наставника. Второй Вельтон отвёл в сторону, вынуждая юношу изменить положение ног. Кастер попытался обойти его справа, но опытный воин предугадал движение и коротким толчком заставил ученика отступить.

— Не спеши, — произнёс Резорский. — Ты раскрываешься после каждого удара.

— Зато не стою на месте.

— Иногда это полезнее, чем бросаться на чужой меч. — Кастер стиснул зубы.

Он вновь атаковал, на этот раз осторожнее. Несколько ударов последовали один за другим. Вельтон отступил на шаг, затем резко изменил направление клинка и выбил оружие из рук юноши. Меч упал в снег. Кастер замер.

— Ты опять отвлёкся, — заметил наставник.

— Я видел возможность ударить.

— Видел то, что я позволил тебе увидеть.

Юноша недовольно посмотрел на него, но спорить не стал. Подняв меч, он стряхнул с рукояти снег и вернулся на прежнее место. Вельтон наблюдал за ним с едва заметным одобрением. Кастер был упрям. Иногда настолько, что это мешало ему прислушиваться даже к самым разумным советам. Но в отличие от многих молодых северян он не искал оправданий поражению. Каждый проигранный поединок лишь усиливал его желание стать лучше. Когда-то он обучался у Афрода вместе с братьями. Хранитель пытался привить юноше любовь к истории, языкам и древним преданиям, однако Кастера куда сильнее занимали воинские упражнения. Ему хотелось держать в руках меч, изучать тактику сражений и однажды отправиться в настоящий поход. Возможно, дело было не только в любви к оружию. Сколько Кастер себя помнил, он пытался заслужить уважение Фридриха.

В детстве ему казалось, что достаточно выучить очередной урок, выполнить приказ или победить в состязании, чтобы отец наконец взглянул на него с гордостью. Но старания редко приносили желаемый результат. За ошибки следовали наказания, за возражения — побои, а за успехи конунг обычно не находил даже доброго слова. После смерти Агнесс всё стало ещё хуже. Мать была единственным человеком, рядом с которым Кастер не чувствовал необходимости постоянно что-то доказывать. Она могла обнять его после неудачи, выслушать жалобу и напомнить, что он остаётся её сыном независимо от того, сколько побед одержал. Фридрих подобных

слов не произносил.

И всё же Кастер продолжал стремиться к его признанию, словно однажды совершённый подвиг мог заставить отца забыть обо всём, что прежде вызывало в нём презрение. Вельтон первым нарушил молчание.

— На сегодня достаточно. Ты устал.

— Ещё один поединок.

— Нет.

— Я могу продолжать.

— В этом я не сомневаюсь. Но сейчас ты начнёшь повторять ошибки, а не исправлять их.

Кастер хотел возразить, однако, заметив непреклонное выражение лица наставника, лишь тяжело выдохнул. Он убрал меч и направился к краю площадки. Вдали, за невысокими холмами, простирались заснеженные земли Скаггерака. Где-то там тренировался Рассел, старший брат Кастера. Тот предпочитал заниматься в одиночестве и редко нуждался в чьих-либо наставлениях. Кастер уважал его умения. Но всякий раз, когда слышал очередную похвалу в адрес Рассела, невольно задавался вопросом, сумеет ли когда-нибудь добиться подобного отношения к себе.

— Сегодня отличная погода, не так ли, Вельтон? — спросил он, стараясь отдышаться. — Наставник поднял голову.

— Лучше вчерашней. Ветер немного стих.

— И солнце показалось.

— Ненадолго, полагаю. — Вельтон посмотрел на облака,

медленно ползущие над крепостными стенами.

— Знаешь, я подумал, что нам стоит воспользоваться этим утром. Отправимся на пристань. Пора закрепить твои навыки в морском деле. — Кастер повернулся к нему.

— Сегодня? — Кастер повернулся к нему.

— А почему нет? В ближайшие дни погода может испортиться. Потренируемся вязать узлы, вспомним устройство корабля. В походе тебе пригодится не только умение размахивать мечом.

— Наконец-то! — Юноша заметно оживился.

— Никогда не думал, что обычные корабельные узлы способны вызвать у тебя столько радости. — Вельтон усмехнулся.

— Дело не в узлах.

— А в чём же? — Кастер посмотрел в сторону моря.

— В походе. — Он произнёс это слово с таким воодушевлением, будто уже видел перед собой корабли, готовые покинуть гавань.

— Я столько времени ждал, когда отец вновь соберёт войско. Если мне удастся победить на турнире, он наверняка возьмёт меня с собой.

— Не обязательно.

— Почему?

— Потому что решение принимает Фридрих. — Кастер нахмурился.

— Ты думаешь, я недостаточно хорош?

— Я этого не говорил.

— Но подумал. — Вельтон покачал головой.

— Ты слышишь только то, что хочешь услышать. — Юноша отвернулся.

Ему хотелось верить, что предстоящий турнир наконец изменит отношение отца. Победа позволила бы доказать, что он уже не ребёнок, которого можно безнаказанно унижать перед братьями и слугами. Он представлял, как Фридрих поднимется с трона, объявит его достойным воином и разрешит отправиться в поход. Кастер понимал, что это всего лишь мечта. Но отказаться от неё не мог.

— Я докажу всем, что достоин быть наследником Скаггерака, — произнёс он. — Побежу на турнире, отправлюсь с отцом на Юг. А когда вернусь, никто больше не посмеет смотреть на меня свысока.

Вельтон некоторое время молчал. Он хорошо знал, насколько опасными бывают подобные обещания. Когда-то и сам Резорский мечтал о славе. Он сражался за Северную душу, проливал кровь на чужих землях и верил, что верность своему народу непременно будет вознаграждена. Но годы службы не принесли ему того счастья, на которое он рассчитывал. Война забрала слишком многое. Во время Битвы пяти конунгов погибли его жена и оба сына; младший тогда был ещё новорождённым. После их смерти Вельтон окончательно утратил прежнюю веру в славу и награды. После этого Вельтон перестал искать утешение в вере, отказался от но-

вых походов и не пожелал вновь обзавестись семьёй. В Скаггераке его считали одним из лучших воинов. Сам же он давно перестал видеть в этом особенный повод для гордости.

— Послушай меня, Кастер, — негромко произнёс наставник. — Победа на турнире ещё не делает человека достойным правителем.

— Я и не говорил, что делает.

— Тогда почему считаешь, что именно она заставит твоего отца изменить мнение? — Кастер замолчал. Вопрос оказался неприятнее, чем он ожидал.

— Потому что он уважает сильных, — наконец ответил юноша.

— А ты?

— Что я?

— Ты тоже уважаешь человека только за его силу? — Кастер пожал плечами.

— Слабый не сможет защитить свои земли.

— А сильный не всегда пожелает их защищать. — Юноша нахмурился ещё сильнее. — Ему не нравилось, когда наставник начинал рассуждать подобно Афроду. Казалось, взрослые намеренно усложняли самые очевидные вещи.

— Ты хочешь сказать, что мне не следует стремиться к победе?

— Я хочу сказать, что тебе следует понимать, ради чего ты к ней стремишься. — Кастер сжал пальцы.

— Ради своего будущего.

— Только своего? — Юноша не ответил.

Он смотрел на снежные холмы, за которыми простирались земли его отца, и чувствовал, как внутри вновь поднимается раздражение. Почему каждый разговор о его мечтах непременно заканчивался сомнениями? Почему никто не мог просто признать, что он способен добиться желаемого? Вельтон тяжело вздохнул.

— К сожалению, не все мечты сбываются, юный Кастер. — Эти слова задели сильнее прежних.

— Нет уж, Вельтон, — резко ответил Хардсейм. — Это твои мечты не сбылись. А мои обязательно сбудутся.

Наставник не отвёл взгляда. Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга. Кастер первым отвернулся. Он понимал, что произнёс жестокие слова. Вельтон редко говорил о погибшей семье, но юноша прекрасно знал, какую боль причиняли ему воспоминания о прошлом. На короткое мгновение Кастеру захотелось извиниться. Однако гордость не позволила.

— Ты прав, — добавил он уже спокойнее. — Пора заняться делом. Незачем терять драгоценное время. — Он направился к выходу с тренировочного поля.

Вельтон остался стоять на месте. Старый воин проводил ученика задумчивым взглядом, затем поднял с земли забытый деревянный щит и медленно последовал за ним. Кастер шагал впереди, стараясь не оборачиваться. Я ещё всем докажу, — повторял он про себя. И больше всего на свете хотел,

чтобы однажды эти слова услышал его отец.

Дорога к пристани пролегала через торговую площадь, где с самого утра кипела жизнь. Торговцы громко расхваливали товары, рыбаки разгружали улов, а женщины, закутавшись в шерстяные платки, спорили о цене на сушёную рыбу. Из кузницы доносился звон молота, смешивавшийся с криками чаек. Кастер шёл впереди, изредка поглядывая на Вельтона. После неприятного разговора на тренировочном поле они почти не обменивались словами. Юноша несколько раз собирался заговорить, но всякий раз передумывал. Извинения давались ему труднее, чем поединки. Особенно когда приходилось признавать собственную неправоту.

— Ты ведь не сердишься? — наконец спросил он. — Вельтон посмотрел на ученика.

— А должен?

— Не знаю.

— Тогда и я не знаю. — Кастер недовольно выдохнул.

— Ты мог бы просто ответить.

— Мог бы. — Наставник продолжил идти.

Юноша покачал головой, но уголки его губ невольно дрогнули. Иногда Вельтон раздражал его не меньше Афрода. Когда они добрались до пристани, солнце уже скрылось за облаками. Над заливом поднимался лёгкий туман, а у причалов покачивались рыбацкие лодки и торговые суда. Несколько больших кораблей стояли дальше, ожидая окончания ремонта. Кастер остановился, любуясь их высокими мачтами.

— Представляешь, Вельтон, — произнёс он, — однажды я поведу один из таких кораблей на Юг.

— Для начала научись правильно крепить парус.

— Ты умеешь испортить любую мечту.

— Зато умею сохранять корабли на плаву. — Они подошли к небольшому судну, на котором несколько моряков занимались снастями. Вельтон взял толстую верёвку и протянул её ученику.

— Покажи, что помнишь. — Кастер принялся вязать узел. Первые движения дались легко, однако вскоре верёвка запуталась. Юноша нахмурился, распустил неудачное плетение и начал заново.

— Слишком торопишься, — заметил наставник.

— Ты сегодня только это и повторяешь.

— Потому что ты сегодня только это и делаешь. — Кастер хотел возразить, но внезапно раздавшийся грохот заставил обоих обернуться.

Неподалёку молодой работник пытался перенести тяжёлый деревянный ящик. На обледеневших досках его нога поскользнулась, и груз вырвался из рук. Ящик рухнул на настил, рассыпав несколько железных деталей. Парень упал следом.

— Чтоб тебя! — закричал пожилой моряк, стоявший у борта. — Ты совсем безрукий?! — Несколько работников рассмеялись. Юноша попытался подняться, но поморщился от боли. Его ладонь была рассечена о торчащий из доски

гвоздь.

— Простите, — пробормотал он. — Я сейчас всё соберу.

— Сначала научись ходить, недотёпа! — Кастер некоторое время наблюдал за происходящим. Затем положил верёвку на борт и направился к упавшему работнику.

— Давай руку. — Тот поднял голову. — Узнав принца, он заметно побледнел.

— Господин Хардсейм…

— Руку, говорю. — Кастер помог ему подняться.

— Сильно ушибся?

— Нет, господин. Только ладонь… — Кастер посмотрел на окровавленные пальцы.

— Тогда нечего хвататься за железо. Перевяжи сначала.

— Но я должен собрать груз.

— Соберём. — Юноша растерянно моргнул.

— Мы? — Кастер уже присел возле рассыпанных деталей.

— Ты плохо слышишь? — Работник поспешно опустился рядом. Пожилой моряк недовольно нахмурился.

— Господин Хардсейм, не стоит вам пачкать руки. Парень сам виноват.

— Он упал. — Кастер поднял на него глаза.

— Именно.

— И ты никогда не падал? — Моряк замолчал. Кастер вернулся к работе. Вдвоём они собрали железные детали и уложили их обратно в ящик. Когда всё было закончено, юноша попытался поднять груз, но Кастер остановил его.

— Оставь. С такой рукой далеко не унесёшь. — Он подозвал другого работника и попросил помочь отнести ящик. Только после этого повернулся к пострадавшему.

— Как тебя зовут?

— Ольвар, господин.

— Давно здесь работаешь, Ольвар?

— Третью неделю.

— Тогда ещё научишься не падать. — Парень смущённо улыбнулся.

— Благодарю вас. — Кастер пожал плечами.

— Не за что. — Он уже собирался уйти, когда Ольвар тихо добавил:

— Я думал, вы рассердитесь. — Принц остановился.

— За что?

— За мою неуклюжесть. — Кастер посмотрел на его окровавленную ладонь, затем на разбросанные по пристани канаты.

— В море любой человек может ошибиться, — ответил он. — Главное, чтобы рядом оказался тот, кто поможет ему подняться. Он произнёс это без особой торжественности, словно речь шла о чём-то совершенно очевидном. Ольвар благодарно склонил голову. Кастер вернулся к Вельтону. — Наставник стоял возле судна, держа в руках ту самую верёвку.

— Ну что? — спросил юноша. — Продолжим?

— Продолжим. — Вельтон протянул ему снасть. Кастер

вновь принялся вязать узел. На этот раз он действовал медленнее, внимательно следя за каждым движением. Некоторое время они молчали.

— Знаешь, — наконец произнёс наставник, — иногда ты напоминаешь мне своего отца..

— Правда? — Руки Кастера замерли. — В его голосе прозвучала надежда, которую он не сумел скрыть. Вельтон заметил это.

— Когда он был моложе, — продолжил воин, — Фридрих тоже не проходил мимо человека, которому требовалась помощь. Кастер опустил взгляд на верёвку.

— Сейчас он вряд ли стал бы возиться с каким-то работником.

— Возможно.

— Значит, я на него не похож. — Вельтон немного помолчал.

— Ты похож на него больше, чем думаешь. Но тебе вовсе не обязательно становиться таким же. — Кастер нахмурился.

— Не понимаю.

— Со временем поймёшь.

— Опять твои загадки. — Юноша покачал головой.

— Лучше покажи узел. — Вельтон усмехнулся. — Кастер поднял верёвку. На этот раз всё получилось правильно.

— Вот видишь, — сказал наставник. — Когда перестаёшь торопиться, у тебя выходит гораздо лучше. — Кастер улыбнулся.

— Значит, сегодня я всё-таки чему-то научился.

— Надеюсь, не только вязать узлы. — Они продолжили занятие. Над заливом сгущались облака, ветер крепчал, и корабли у причалов мерно покачивались на волнах.

А неподалёку молодой работник по имени Ольвар, перевязав ладонь, ещё долго поглядывал на светловолосого принца, который помог ему подняться. Не потому, что тот был сыном конунга. А потому, что впервые за долгое время кто-то из знатных людей отнёсся к нему как к равному.

К вечеру солнце окончательно утратило дневное тепло. Его бледный круг медленно опускался к горизонту, пока серые облака не скрыли последние лучи. Над Скаггераком вновь сгущались сумерки, и в окнах крепости одно за другим загорались огни. Сыновья Фридриха возвращались домой. Для каждого из них минувший день сложился по-своему. Одни провели его за обучением и упражнениями, другие предпочли занятиям шумные таверны, где за кружкой эля время проходило незаметно. Сам конунг уже ожидал семью. Вечером ему предстояло сообщить сыновьям нечто важное, поэтому слугам было приказано собрать всех в медовом зале к ужину. Однако исполнить распоряжение оказалось не так просто. Младший из Хардсеймов, десятилетний Март, наотрез отказался покидать свою комнату.

Когда служанки в очередной раз постучали в дверь, мальчик велел им уходить, а затем придвинул к двери тяжёлый деревянный стул. Убедившись, что больше никто не сможет

войти без его разрешения, он вернулся к кровати и забрался под тёплое меховое одеяло. Ужин его совершенно не интересовал. Перед ним лежала небольшая тетрадь в буром переплёте, сделанном из плотного пергамента. Её страницы были испещрены странными знаками, которые Март старательно выводил углём и чернилами.

Некоторые напоминали руны, другие походили на переплетения тонких ветвей или очертания незнакомых звёзд. Мальчик не знал их значения. Более того, он не помнил, чтобы когда-нибудь изучал подобные символы. И всё же они были ему знакомы. Впервые Март увидел их во сне. С тех пор непонятные знаки являлись ему всё чаще, особенно под утро, когда сон становился беспокойным, а граница между увиденным и действительностью казалась удивительно тонкой. Проснувшись, он торопился зарисовать всё, что сумел запомнить. Иногда получалось лишь несколько неровных линий. Порой ему удавалось воспроизвести целые последовательности знаков, хотя уже через несколько минут он не мог объяснить, откуда они взялись.

Сегодня, во время занятия у Афрода, Март заметил нечто любопытное. На первых страницах старого альманаха, который показывал ему Хранитель, встречались похожие изображения. Афрод рассказывал о древней истории Лимскола, о временах, когда мир ещё не был разделён на четыре части. Мальчик слушал внимательно, но мысли его то и дело возвращались к знакомым очертаниям на пожелтевших страни-

цах. Он хотел спросить учителя об их значении, однако не решился. Возможно, Афрод счёл бы всё обыкновенной детской выдумкой.

А возможно, наоборот, заинтересовался бы настолько, что принялся расспрашивать о снах. Ни того ни другого Март пока не желал. Он провёл пальцем по одному из рисунков и задумался. Первые Лимы… Так называл их Афрод. Мальчик ещё не понимал, насколько древними были эти знаки и почему они являлись ему по ночам. Но сходство казалось слишком явным, чтобы считать его случайностью. Март перевернул страницу и принялся рисовать вновь. Вскоре в дверь постучали. Он раздражённо поднял голову.

— Я уже сказал, что не пойду! — За дверью послышались шаги, а затем знакомый голос:

— Март, открой.

— Кто там? — Мальчик насторожился.

— Рассел. — Март вздохнул и отложил тетрадь.

— Что тебе нужно?

— Поговорить. Открой, пожалуйста. — Ручка двери повернулась, но створка упёрлась в придвинутый стул.

— Заперто, — сообщил Март.

— Это я уже заметил.

— Тогда зачем дёргаешь? — За дверью на мгновение воцарилось молчание.

— Март, — терпеливо произнёс Рассел, — я не собираюсь ломать дверь. Просто впусти меня.

Мальчик нехотя выбрался из-под одеяла. Ему пришлось приложить немало усилий, чтобы отодвинуть стул. Наконец дверь приоткрылась, и на пороге появился старший брат. Рассел вошёл, окинул взглядом комнату и покачал головой.

— Ты устроил здесь настоящую осаду.

— Зато никто не мешал.

— Кроме меня.

— Именно. — Рассел едва заметно улыбнулся.

Март уже вернулся на кровать и натянул одеяло до пояса, словно надеялся таким образом показать, что разговор окончен. Старший брат присел рядом. Он был первенцем Фридриха Хардсейма, и именно на него конунг возлагал самые большие надежды. Рассел с детства привык к ответственности, хотя далеко не всегда справлялся с ней так хорошо, как ожидал отец. Ему ещё предстояло многому научиться. Однако Фридрих уже видел в нём будущего правителя Скаггерака.

Сам Рассел воспринимал положение наследника не только как привилегию. Он понимал, что однажды ему придётся отвечать за земли, людей и решения, от которых будут зависеть чужие жизни. Но порой куда труднее государственных забот оказывались самые обыкновенные семейные разногласия. Братья редко соглашались друг с другом. Кастер стремился доказать своё превосходство, Эйрик всё чаще избегал обязанностей, а Март предпочитал обществу семьи книги и разговоры с Афродом. Расселу хотелось, чтобы они остава-

лись близки. Впрочем, он не всегда понимал, как этого добиться.

— Послушай, — начал он. — Не стоит огорчать отца. Пойдём со мной. — Март промолчал.

— Ты ведь ещё не ужинал?

— Не хочу.

— Тебе нужно поесть.

— Я не голоден. — Рассел посмотрел на брата.

— Ты всё ещё сердишься из-за турнира?

— Я тоже хочу участвовать. — Март нахмурился.

— Знаю.

— Тогда почему мне нельзя?

— Потому что тебе десять лет.

— И что?

— А то, что отец не позволит тебе выйти против взрослых воинов. — Мальчик отвернулся.— Я мог бы хотя бы попробовать.

— И получить удар, после которого не сумел бы подняться?

— Ты говоришь совсем как отец.

— Возможно, потому что в этом вопросе он прав. — Рассел вздохнул, устремив свой взгляд куда-то в сторону.

Март ничего не ответил. Он взял тетрадь и вновь склонился над рисунками, всем своим видом показывая, что разговор ему наскучил. Рассел некоторое время наблюдал за ним. Взъерошенные светлые волосы младшего брата торчали во

все стороны. Казалось, мальчик с самого утра даже не вспомнил о гребне, настолько был увлечён занятиями.

— Что это у тебя? — спросил Рассел.

— Ничего.

— Если ничего, зачем тогда рисуешь?

— Просто так. — Старший брат протянул руку и забрал тетрадь. Март мгновенно выпрямился.

— Отдай!

— Подожди.

— Это моё! — Он попытался дотянуться до тетради, но Рассел поднял её выше.

— Успокойся. Я не собираюсь её рвать.

— Тогда верни! — В голосе Марта прозвучало неподдельное беспокойство. — Рассел заметил это, но истолковал по-своему. Ему показалось, что младший брат просто упрямится, как делал всякий раз, когда кто-нибудь вмешивался в его занятия.

— Давай договоримся, — предложил он. — Ты спускаешься со мной к ужину, а я возвращаю тетрадь.

— Это нечестно!

— Возможно. Но иначе ты так и просидишь здесь до ночи. — Март сердито сжал губы в ответ. Его пугала не столько сама потеря тетради, сколько возможность того, что Рассел откроет её и начнёт задавать вопросы. Как объяснить брату рисунки, происхождения которых он сам не понимал? Как рассказать о снах, не вызвав насмешек? Мальчик протянул

руку.

— Обещаешь вернуть?

— Обещаю.

— И не будешь смотреть? — Рассел приподнял бровь.

— Что же ты там такое скрываешь?

— Ничего! — Март отвернулся.

— Тогда почему не разрешаешь? — Некоторое время после он молчал, затем обречённо вздохнул.

— Ладно. Я пойду.

— Вот и прекрасно. — Мальчик нехотя поднялся с кровати, потёр сонные глаза и направился к выходу. Рассел последовал за ним, но у самой двери остановился. Тетрадь всё ещё оставалась в его руках. Любопытство оказалось сильнее обещания. Он открыл её на первой попавшейся странице. Несколько мгновений Рассел разглядывал странные символы, аккуратно выведенные рукой Марта. Среди них встречались повторяющиеся знаки, однако ни один не напоминал ему привычные письмена. Он перевернул страницу. Затем ещё одну. Что за нелепица? Рассел нахмурился. Он не увидел в рисунках ничего, кроме детского увлечения непонятными узорами. Закрыв тетрадь, юноша положил её на письменный стол. О случившемся он решил не спрашивать. В конце концов, у каждого из братьев имелись собственные странности. А сейчас его куда больше заботил предстоящий разговор с отцом.

Март спустился в медовый зал без особого желания. В

просторном помещении уже горели светильники. На длинном столе стояли блюда с жареным мясом, хлебом и овощами, а в тяжёлых кувшинах ожидали своего часа напитки. Во главе стола сидел Фридрих. Лицо конунга было суровым, и даже издали Март понял, что предстоящий ужин вряд ли окажется приятным. Он молча занял своё место, не потрудившись извиниться за опоздание. Отец проводил его тяжёлым взглядом, но ничего не сказал. Вскоре появился Рассел.

— Приветствую, семейство! — с лёгкой улыбкой произнёс Эйрик, возвращаясь домой и присаживаясь за стол. — Фридрих был зол на своего отпрыска. Эйрик представлял собой самого настоящего разгильдяя, и отец презирал его за чрезмерную лень и беспечность. Из-за этого между ними постоянно вспыхивали ссоры. И всё же, как бы конунг ни сердился, он неизменно вытаскивал сына из передряг, в которые тот умудрялся попадать. А вот всю накопившуюся злобу Фридрих нередко вымещал на Кастере, даже если тот не совершил ничего предосудительного.

— Где ты был весь день? — сурово спросил конунг, отламывая ножку зажаренного кролика и впиваясь зубами в нежное мясо. Эйрик, казалось, ничуть не смутился.

— Мой жизненный путь не знает границ, отец. Сегодня я изучал строение женского тела. Исключительно в исследовательских целях. — Он невозмутимо принялся накладывать еду на глиняную тарелку. Между братьями пробежал смешок. Даже Кастер, до этого молча наблюдавший за происхо-

дящим, не сумел удержаться от улыбки. Но Фридрих не разделил их веселья. Старый конунг с такой силой ударил кулаком по столу, что глиняная посуда подпрыгнула, а вино выплеснулось из одного из кубков. Смех мгновенно оборвался.

— Вам кажется это смешным?! — взревел Фридрих, обводя сыновей яростным взглядом.

— Какие слухи пустят жители Скаггерака о сыновьях своего правителя? Кто последует за вами в бой? Скажите-ка мне! — Никто не решился ответить. Это было ожидаемо. Зал погрузился в тишину. Нависло напряжение. Холодное, немного мрачное. И только суровый говор конунга оборвал эту тишину.

— Нужно было закопать вас в яме, пока вы были ещё неокрепшими, слепыми щенками! — продолжал конунг. — Мне стыдно за собственных сыновей! Вы порочите моё имя!

Кастер опустил взгляд. Ещё совсем недавно он представлял, как одержит победу на предстоящем турнире, как отец наконец признает его достойным воином. Теперь же все эти мечты казались жалкими и бессмысленными. Даже когда виноват Эйрик, достаётся всем, — с горечью подумал юноша.

— Никто из вас не достоин участвовать в турнире! — Фридрих вновь ударил по столу. — А уж о походе и речи быть не может! — Эти слова вызвали возмущение. Кастер резко поднял голову. Рассел попытался что-то возразить, а Эйрик лишь презрительно усмехнулся, словно подобный исход нисколько его не удивил.

— Но отец… — начал старший сын.

— Молчать! — Голос Фридриха прокатился по медовому залу, заставив вздрогнуть даже прислуживавших у стен девушек. — Конунг тяжело дышал. Его лицо побагровело, а пальцы всё ещё сжимались в кулаки.

— А теперь пошли вон! С глаз моих долой! — Сыновья затихли. Никто больше не пытался спорить. — Рассел первым поднялся из-за стола. За ним последовал Кастер, стараясь не встречаться с отцом взглядом. Март поспешно выбрался из-за своего места, испуганно оглядываясь на братьев. Эйрик уходил последним. У самой двери он остановился. Некоторое время юноша стоял неподвижно, словно раздумывая, стоит ли произносить слова, давно накопившиеся у него на душе. Затем медленно обернулся.

— А я и не собирался идти в этот поход с тобой. — Фридрих поднял на него тяжёлый взгляд.

— Что ты сказал?

— Ты прекрасно слышал. — Эйрик усмехнулся, но на этот раз в его улыбке не было прежнего веселья.

— Ты перестал быть моим отцом ещё с тех пор, как умерла наша мать. — Конунг застыл.

— Замолчи, — глухо произнёс он. — Но Эйрик уже не мог остановиться.

— Если бы ты доверился лекарям, а не верил в выдуманного Создателя, всё могло закончиться иначе! — Его голос дрогнул от злости. — Но тебе было проще молиться, чем

признать, что ты ничего не можешь сделать! — Фридрих медленно поднялся из-за стола.

— Я сказал, замолчи. — Повторил Фридрих, но уже в более грубой форме. Ненависть воцарилась в его глазах. Яркая, без проблесков.

— О, великий и ужасный Фридрих Хардсейм! — с горькой насмешкой воскликнул Эйрик.

— Ты вымещаешь на нас свою злобу, винишь нас в собственных ошибках! Но мы-то знаем правду, не так ли? — Слова повисли в воздухе. На мгновение показалось, что старый конунг бросится на сына. Его руки дрожали, а в глазах вспыхнула прежняя ярость. Однако Фридрих не двинулся с места. — Эйрик ещё несколько мгновений смотрел на отца, затем отвернулся и покинул медовый зал. Тяжёлая дверь захлопнулась. Наступила тишина. Фридрих медленно опустился в кресло. Слова сына оставили тяжёлый осадок на душе старого конунга. Он отложил столовые приборы и уставился перед собой, словно уже не замечал ни накрытого стола, ни угасающего огня в светильниках. В памяти вновь возникло лицо Агнесс. Он вспомнил её улыбку, нежный голос, тепло рук. Вспомнил те дни, когда крепость ещё не казалась ему холодной и пустой, а возвращение домой приносило радость, а не тоску. Как давно всё это было. Фридрих протянул тяжёлую руку к кувшину, наполненному свежим элем, и налил себе почти полный кубок. Он понимал, что, вымещая злобу на сыновьях, ничего не добьётся. Понимал, что с каж-

дым годом лишь отдаляется от них.

Но другого подхода старый Хардсейм не знал. Когда-то он и сам клялся, что никогда не станет похожим на собственного отца. Теперь же, глядя на своих сыновей, всё чаще узнавал в себе человека, которого некогда боялся. Конунг осушил кубок и отодвинулся от стола. Его большие, покрытые шрамами руки легли на деревянные подлокотники.

— Уже ничего не вернуть, моя милая Агнесс… — прошептал он. — Фридрих закрыл глаза. — Ничего… — Он тяжело выдохнул.

— Я старался… Старался отвести время, чтобы ещё немного побыть с тобой. Но… жизнь жестока… — Голос его едва слышно дрогнул.

— Серый мир жесток… — По обветренной щеке, испещрённой старыми шрамами и скрытой седой бородой, медленно покатилась слеза. Впервые за этот вечер Фридрих Хардсейм остался совершенно один. И теперь ему не на кого было обратить свою ярость.

Глава 2. Узы крови

Северная душа.

Прошло несколько дней после памятного семейного ужина. За это время Северную душу накрыла жестокая метель, а в крепости Хардсеймов воцарилось непривычное молчание. Сыновья старались лишний раз не попадаться отцу на глаза, да и сам конунг редко покидал свои покои.

Бушующий шторм свирепствовал на просторах морской глади. Огромные волны, словно разъярённые великаны, обрушивались на каменные утёсы пристани Скаггерака. Пенные брызги взлетали так высоко, что достигали стен могучей крепости. Весь Север оказался во власти беспощадной вьюги, и казалось, будто сама природа обрушила свой гнев на земли Северной души. В кабинете конунга было тепло. Пламя в камине потрескивало, разгоняя холод, проникавший сквозь узкие оконные проёмы. На стенах висели охотничьи трофеи — головы могучих зверей, которых Фридрих некогда одолел собственными руками.

В углу комнаты стоял массивный дубовый стол, украшенный резными орнаментами. На нём лежала большая карта, изготовленная из дорогого пергамента и натянутая на деревянную раму. Очертания земель, морские пути и названия владений были нанесены с необычайной точностью. Фри-

дрих сидел перед ней, задумчиво рассматривая Южные континенты.

Он уже не первый день размышлял о предстоящем походе. Собрание конунгов приближалось, и старому Хардсейму предстояло убедить других правителей поддержать его замысел. Но мысли его то и дело возвращались к недавнему семейному ужину. Слова Эйрика не давали покоя. Фридрих пытался забыть о случившемся, однако стоило ему остаться одному, как в памяти вновь возникало лицо покойной Агнесс. Он вспоминал обвинения сына, собственную ярость и испуганные взгляды остальных детей. Конунг потянулся к кубку, стоявшему возле карты, но не успел сделать глоток. В дверь негромко постучали.

— Отец, — послышался голос Рассела. — Можно? — Фридрих некоторое время молчал, но после ответил:

— Да, заходи.

Дверь отворилась. Старший сын вошёл в кабинет, остановившись неподалёку от письменного стола. Конунг поспешно убрал почти пустую бутылку под стол, после чего поднялся с кресла и допил остатки напитка из кубка.

— Что привело тебя ко мне в такую непогоду? — спросил он. — Рассел завёл руки за спину.

— Я пришёл извиниться за наше с братьями неподобающее поведение. Мы не должны были так вести себя. Особенно в столь важный для тебя день. — Юноша говорил спокойно, хотя в его голосе чувствовалась грусть. Фридрих внима-

тельно посмотрел на первенца.

— Не стоит извиняться, — произнёс он, с трудом выдавив улыбку. — Тем более по таким мелочам. — Он обошёл кресло и остановился позади него, положив ладони на кожаную спинку. Рассел не спешил уходить.

— И всё же меня тяготит сказанное тобой в тот вечер, — продолжил он. — Твои слова о походе, неизвестность с турниром… Каждый день я размышляю обо всём произошедшем. Со стыдом вспоминаю тот ужин, и это не может не печалить меня. — Фридрих заметно опустил взгляд. — Всё своё детство я готовился к этому мгновению, — говорил Рассел. — Постоянно тренировался, изучал воинское дело, пока Эйрик с Мартом играли друг с другом. А всё почему? Потому что знал: однажды на мои плечи ляжет огромная ответственность. — Он ненадолго замолчал. За окном взвыла метель. Ветер ударил в ставни, заставив их жалобно заскрипеть.

— Я всегда мечтал проявить себя в первом настоящем бою, отец, — продолжил юноша. — Хотел доказать, что достоин твоего доверия. Что смогу однажды повести наших людей за собой. — Рассел поднял голубые глаза на конунга.

— Но теперь я не знаю, что меня ожидает. — Ему было трудно произносить эти слова.

Он привык считать себя ответственным не только за собственные поступки, но и за поведение младших братьев. Ещё перед смертью Агнесс он обещал матери присматривать за

ними, помогать им и не позволять семейным разногласиям разрушить то, что она так любила. Рассел старался сдержать обещание. Однако с каждым годом это становилось всё труднее. Эйрик отдалялся от семьи, Кастер всё чаще вступал в споры, а Март предпочитал одиночество и занятия у Афрода. Рассел понимал, что не способен отвечать за каждый их поступок. И всё же в глубине души винил себя за случившееся.

— Я понимаю тебя, сын мой. Понимаю. — Фридрих тяжело вздохнул. Он немного отодвинул кресло от стола.

— Присаживайся. — Рассел послушно занял место отца. Старый Хардсейм остался стоять рядом. Некоторое время он смотрел на пламя в камине, словно собирался с мыслями.

— Знаешь, — наконец произнёс конунг, — когда-то мой отец тоже злился на меня и моих братьев. После каждой подобной выходки я клялся себе, что никогда не стану таким, как он. — Фридрих невесело усмехнулся.

— Но теперь, когда я сам состарился, понимаю, что всё не так просто. — Он повернулся к сыну.

— Быть отцом гораздо труднее, чем мне когда-то казалось. — Рассел молчал.

— Я совершил немало ошибок, — продолжил конунг. — И, боюсь, ещё совершу. Но поверь, сын мой, я не желаю вам зла. — Эти слова прозвучали непривычно тихо.

Фридрих редко признавал собственную неправоту. Обычно он предпочитал отдавать приказы, а не объяснять причи-

ны своих решений. Рассел смотрел на отца, не решаясь перебить.

— Прости и ты меня, сын, — наконец произнёс старый Хардсейм. — Юноша удивлённо поднял голову. — Несколько мгновений оба молчали. За стенами крепости продолжал бушевать шторм.

— Конечно, я возьму сыновей в поход, — добавил Фридрих, возвращаясь к привычному деловому тону. — Но только двоих.

— Двоих?

— Один из вас должен остаться в Скаггераке. Нельзя отправляться на другой край мира, оставив родные земли без правителя. — Рассел задумчиво кивнул.

— Значит, турнир всё же состоится?

— Разумеется. — Конунг положил руку на плечо сына.

— Поэтому готовься как следует. Я хочу увидеть, чему ты научился за эти годы. — Лицо Рассела просветлело. Он не ожидал, что разговор завершится подобным образом. Ещё недавно юноша опасался, что отец окончательно отказался от мысли взять сыновей в поход. Теперь же перед ним вновь открывалась возможность, к которой он готовился с самого детства. Ему не терпелось сообщить новость братьям. Но прежде Рассел хотел узнать ещё кое-что.

— А куда мы отправимся? — спросил он. — Или ты пока не решил? — Фридрих подошёл к столу и указал пальцем на очертания одного из континентов.

— Полагаю, мы двинемся в земли Франбурга. — Рассел наклонился над картой.

— Почему именно туда?

— Франбург значительно богаче Астроса. Кроме того, его правители не располагают флотом, способным противостоять нашим войскам. — Конунг медленно провёл пальцем вдоль побережья.

— Если всё сложится удачно, мы сумеем высадить людей прежде, чем южане успеют собрать достаточно сил для обороны. — Рассел внимательно рассматривал карту. В детстве он часто слушал рассказы о далёких землях Франбурга, его богатствах и могущественных правителях. Тогда всё это казалось ему частью старинных преданий. Теперь же он мог увидеть эти земли собственными глазами.

— Это отличная новость, — произнёс юноша. — Ещё в детстве я мечтал отправиться именно туда. — Он ненадолго задумался. — Не то что мой дядя.

— Не будем о нём. — Фридрих нахмурился. В голосе конунга прозвучала такая неприязнь, что Рассел предпочёл не продолжать разговор. Фридрих выпрямился.

— Ступай. Остальные, должно быть, уже извелись от неизвестности. — Он слабо улыбнулся. — Передай братьям, чтобы готовились к турниру!

— Спасибо, отец. — Рассел поднялся из-за стола. Юноша склонил голову и направился к выходу. У самой двери он ещё раз обернулся. Фридрих стоял возле карты, задумчиво

глядя на изображённые земли. На мгновение Расселу захотелось сказать что-нибудь ещё, но он передумал. Отец впервые за долгое время говорил с ним спокойно. И этого пока было достаточно. Дверь закрылась. Оставшись один, Фридрих медленно свернул карту и убрал её в тумбу. Затем подошёл к окну. За стеклом бушевала жестокая метель. Снежные вихри проносились над крепостными стенами, скрывая от глаз очертания города. Конунг долго смотрел в темноту. Мысли его вновь обратились к грядущему походу. Он прекрасно понимал, что завоевание Южных континентов потребует немалых жертв. Но теперь, когда решение было почти принято, отступать Фридрих не собирался. На его лице появилась едва заметная усмешка.

— Что ж, Люксен… — тихо прошептал старый Хардсейм. — Я уже жажду нашей встречи.

Спустя некоторое время Рассел Хардсейм, испытывая глубокую радость после разговора с отцом, достиг главного зала поместья, где его братья уже собрались и ожидали его прибытия. Юноша вышел из коридора с широкой улыбкой, обнажившей его белоснежные зубы. Он переглянулся с остальными, однако вскоре заметил, что Эйрика вновь нигде не было.

— А где же наш брат? — спросил Рассел, оглядываясь по сторонам.

— Как всегда — неизвестно, — недовольно произнёс Кастер, облокотившись о деревянный столб. Его руки были

скрещены на груди, а во взгляде читалось раздражение. Казалось, юноша всё ещё не мог забыть недавний семейный ужин и унижения, которые ему пришлось выслушать от отца.

— Тогда хочу сообщить тебе кое-что, Кастер, — произнёс Рассел, поворачиваясь к нему лицом. — Наш отец всё же проведёт турнир, который и определит, кто из нас сможет отправиться в долгожданный поход. Кастер ехидно ухмыльнулся.

— А я, знаешь ли, не слишком удивлён. — Он отвёл взгляд в сторону Марта, недовольно сидевшего за столом, а затем вновь посмотрел на старшего брата.

— Фридрих не настолько глуп, чтобы не повести сыновей в первый бой. Где же ещё нам проявить храбрость, если не в кровавом сражении с ненавистными южанами? — Кастер помедлил. — Только мне до сих пор неизвестен смысл этого глупого турнира. Забрать реликвию, которую мы получали из поколения в поколение? Глупо. Всем и так известно, что в поход отправимся лишь мы с тобой. Март ещё слишком мал, а Эйрик — просто глупец, ничего не осознающий. Рассел покачал головой.

— Мне кажется, всё предельно просто. Отец желает убедиться, что мы получили достаточно навыков, чтобы справиться с грядущими испытаниями. В этом нет ничего удивительного. — Он слегка усмехнулся.

— Тем не менее надеюсь, ты многому научился у Вельтона. Может, тогда хотя бы не проиграешь пьянице Эйрику.

Улыбка мгновенно исчезла с лица Кастера.

— Не сомневайся, — буркнул он, резко приблизившись к брату. — Научился. — Между ними вспыхнуло напряжение. — Кастер стоял почти вплотную к Расселу, сжимая кулаки. Он терпеть не мог, когда кто-нибудь сомневался в его способностях. Особенно если сомнения исходили от старшего брата, которому отец неизменно отдавал предпочтение. Рассел не отступил, но и не стал отвечать грубостью.

— Тише, тише, — произнёс он, слегка отстраняясь. — Проявишь свой гнев на турнире. Здесь он ни к чему.

— А ты не указывай мне, — огрызнулся Кастер. — Сам разберусь. — Он отвернулся и отошёл к противоположной стороне зала. Март тем временем почти не обращая внимания на стычку братьев, просто направился в покои. Решение отца несколько оскорбило маленького принца. Он тоже желал отправиться в поход, но в силу своего возраста не мог рассчитывать на участие в турнире. Белокурый мальчишка сидел за столом, продолжая выводить в тетради таинственные руны, смысл которых оставался ему неизвестен. Впрочем, Кастер полагал, что и в Скаггераке найдётся немало дел. Ведь родные земли должны будут остаться на попечении одного из сыновей Фридриха. И, вероятнее всего, этим сыном окажется Эйрик. Вот это меня и пугает, — подумал Кастер. Как бы он не потерял весь Скаггерак. Рассел, заметив его задумчивость, вновь усмехнулся.

— Так проиграй ему и останешься править. — Кастер

обернулся.

— Нет уж. Я хочу мозолить глаза и тебе, и нашему отцу. Забрать ваши трофеи и получить славу, которой здесь не сыскать.

— Посмотрим, — коротко ответил Рассел. Он всё ещё улыбался, но Кастер уже не разделял его веселья.

Под покровом обнажённой лесной опушки, где деревья, скованные вечной мерзлотой, казались мёртвыми, осторожно прокладывал себе путь Эйрик Хардсейм. Его высокий, стройный силуэт выделялся на фоне белоснежных сугробов. Тёмные волосы падали на плечи, частично скрывая лицо от ледяного ветра. На губах юноши временами появлялась загадочная улыбка, словно он знал нечто такое, о чём остальным пока не следовало догадываться. Едва избавившись от неприятных последствий недавнего ночного пира, Эйрик вновь отправился в таверну. Там его ожидал незнакомец, облачённый в грубую медвежью шкуру. Мужчина передал послание от господина Цезака, в котором были указаны место и время встречи. Кроме того, от юного Хардсейма требовалось соблюдать полную тайну. Вспомнив последний разговор с отцом, Эйрик недолго раздумывал над приглашением. Теперь он направлялся в лес, к старому белому дубу. Когда-то, ещё при жизни матери, Эйрик часто проводил здесь время вместе с братьями. Каждая тропинка, каждый поваленный ствол были ему знакомы. Тогда эти места казались безопасными, а зимние прогулки приносили одну

лишь радость. Но с тех пор многое изменилось. Остановившись, юноша заметил небольшую дружину, состоявшую из грозных воинов с покрытыми инеем бородами. На плечах северян лежали волчьи шкуры, а у поясов висели длинные клинки. Воины стояли рядом со своим господином.

Цезак Ортен ожидал его у старого дуба. Серые глаза мужчины внимательно следили за приближающимся Хардсеймом. В руках он держал тяжёлый топор, украшенный искусной гравировкой, изображавшей деяния его предков. Длинная борода была убрана серебряными украшениями в виде вороньих перьев. Небольшая метель постепенно заметала следы Эйрика. Цезак потёр ладони, пытаясь согреться, и приветственно кивнул.

— Я рад, что ты всё же решился явиться сюда. Да ещё и почти в трезвом состоянии. — Он ухмыльнулся. Позади него послышались ехидные смешки варваров.

— О чём ты хотел поговорить? — Эйрик нахмурился. Он невольно огляделся по сторонам. Пальцы стоявших неподалёку воинов плотно обхватывали рукояти мечей. Казалось, они были готовы в любой миг обнажить оружие. Но против кого?

— Не я, а мы, — поправил Цезак. — Мой брат и я хотим предложить тебе нашу помощь. — Он неспешно двинулся вокруг юного Хардсейма. Эйрик внимательно следил за каждым его шагом.

— Помощь в чём?

— В том, что мы прекрасно видим, насколько сложные отношения сложились между тобой и отцом. Конунг Фридрих давно изжил себя. Нам кажется, ему уже пора на покой. — Цезак остановился.

— И самое главное — мы готовы помочь тебе стать следующим конунгом Скаггерака. — Эйрик недоумённо посмотрел на него. Несколько мгновений он даже не находил слов. Ортен заметил его растерянность и продолжил:

— Я объясню. Наверняка старик Фридрих вскоре умрёт. Отправится бороздить просторы Серого мира. Посему мы с ярлом Меркури заинтересованы в том, чтобы на троне Скаггерака восседал наш общий союзник. Тот, с кем можно иметь дело. — Он широко развёл руки.

— Наши рубежи огромны. Мы хотим лучшего будущего для континента, который постепенно гибнет от распрей, оставленных твоим отцом. Северная душа должна вновь стать единым целым. Под правлением одного короля — Меркури Ортена. — Цезак приблизился к Эйрику почти вплотную.

— Мы вновь соединим все части континента. Надеюсь, ты понимаешь, о чём именно я говорю? — Эйрик отвёл взгляд. Предложение оказалось неожиданным. Ещё недавно он сидел в таверне, не зная, чем занять очередной день, а теперь ему предлагали стать правителем Скаггерака. На мгновение юноша представил себя на отцовском троне. Представил, как люди склоняют перед ним головы, как братья вынуждены

признавать его власть. Но приятные мысли быстро уступили место сомнениям.

— Допустим, — медленно произнёс он. — Но с чего вы взяли, что я предам собственного отца? — Цезак промолчал.

— Да и потом, всем давно известно, кто станет его преемником, — продолжил Эйрик. — Рассел. Старший сын. Фридрих уже объявил его наследником.

— Это не столь важно, милейший друг, — невозмутимо ответил Ортен. — Существуют различные способы избавиться от наследника. — Эйрик напрягся. Цезак заметил это, но не изменил тона.

— К тому же не все сыновья жалуют своего отца. Разве ты настолько сильно любишь Фридриха? Сомневаюсь. Или мне лучше обратиться к Кастеру, который давно питает к нему ненависть?

— И всё же мне не совсем понятно, почему вы выбрали именно меня.

— Всё просто, мальчишка. — Цезак усмехнулся.

— Ты ведь не глупец. Наверняка замечаешь, насколько яростен твой брат Кастер. А это нам совершенно ни к чему. Мы должны быть уверены в будущем правителе. — Он внимательно посмотрел на Эйрика.

— В свою очередь, мы поможем тебе, Эйрик Хардсейм, стать конунгом Скаггерака, когда начнётся борьба за трон. — Речь Цезака звучала убедительно. Эйрик понимал его намерения, но всё ещё не мог избавиться от сомнений. Почему

именно он? Почему не Кастер, который куда больше подходил на роль воина и правителя? Словно прочитав его мысли, Ортен продолжил:

— Кастер не тот, кто сможет помочь нам. Мы давно наблюдаем за всеми сыновьями Фридриха. Долго выбирали подходящего человека. — Эйрик промолчал. Предложение интересовало его всё сильнее. Он сможет доказать братьям, что они ошибались на его счёт. Сможет показать отцу, что тот напрасно считал его бесполезным разгильдяем. Но какой ценой? Ответ на этот вопрос юноша уже начинал понимать.

— Ну так что? — нетерпеливо спросил Цезак. — Ты согласен? — Эйрик не ответил.

В его душе разгоралась борьба. Он не мог просто взять и предать собственного отца. Несмотря на постоянные ссоры, Фридрих оставался человеком, давшим ему жизнь. Но воспоминания о жестоких словах конунга, об унижениях и несправедливости не позволяли с лёгкостью отказаться от предложения.

— Ну же? — повторил северянин. — Эйрик продолжал молчать. Его взгляд был прикован к снегу, медленно падавшему с серого неба. Юноша хоть и был пьяницей, но глупцом себя не считал. Он прекрасно понимал, к чему приведёт борьба за трон. Рано или поздно ему придётся избавиться от старших братьев. Когда-то одна эта мысль показалась бы чудовищной. Теперь же Эйрик пытался убедить себя, что давно отстранился от семьи. Что прежняя братская любовь

исчезла, уступив место ненависти. Но принять подобное решение оказалось куда труднее, чем он ожидал. На мгновение его охватил страх. Холодный воздух обжигал горло. Эйрик стиснул зубы, пытаясь унять дрожь, и вновь посмотрел на Цезака. Наконец он едва заметно кивнул.

— Что мне нужно сделать? — Ортен в ответ широко улыбнулся. Он переглянулся со своими воинами, затем подошёл к юноше и похлопал его по плечу.

— Для начала проиграй турнир, который состоится в ближайшие дни. Затем, когда Фридрих отправится в поход, мы снова встретимся с тобой. Не сомневайся. — Цезак бросил к ногам Эйрика небольшой мешочек, наполненный золотыми червонцами.

После этого развернулся и вместе со своей дружиной скрылся в лесной чаще. Эйрик ещё некоторое время стоял неподвижно. Затем нагнулся, поднял мешочек и спрятал его в карман. Оглядевшись по сторонам, юноша направился обратно в Скаггерак. Снег постепенно скрывал его следы.

Над Скаггераком вновь сгущались серые облака, тяжёлыми полотнами застилая тусклое северное небо. Редкие лучи солнца, ещё недавно пробивавшиеся сквозь облачную пелену, постепенно исчезали за дальними холмами, оставляя после себя лишь бледное сияние над неспокойной морской гладью. Суровые ветра, приходившие с бескрайних просторов Северной души, с новой силой обрушивались на прибрежные земли, заставляя жителей плотнее запахивать меховые

накидки и торопиться к домашним очагам.

Сам Скаггерак, возведённый на возвышенности неподалёку от каменистого побережья, представлял собой не одну лишь крепость великого конунга, но и обширное поселение, выросшее за многие годы вокруг её неприступных стен. От главных ворот вниз, к морю, спускалась широкая дорога, выложенная неровным камнем и истоптанная тысячами ног. По обе стороны от неё теснились деревянные жилища северян, ремесленные мастерские, небольшие амбары и торговые лавки, крыши которых были покрыты толстым слоем снега. В некоторых местах строения стояли настолько близко друг к другу, что между ними едва мог протиснуться человек, не задев плечами обледеневших стен. Ветер гулял по узким переулкам, разнося запах дыма, свежеразделанной рыбы и сырой древесины. Из кузнечных мастерских доносился звон железа, а у расположенных ближе к пристани складов грузчики перекладывали тяжёлые бочки, мешки с зерном и свёрнутые паруса. Несмотря на приближение вечера, жизнь здесь не прекращалась. Скаггерак готовился к предстоящему походу, и даже самые ленивые его жители понимали, что впереди их ожидают дни, когда каждый крепкий мужчина окажется на счету.

Ниже городских построек располагалась пристань. Её деревянные настилы уходили в холодную морскую воду, где покачивались привязанные к причалам рыбацкие лодки и боевые драккары. Высокие резные носы последних, укра-

шенные звериными головами, возвышались над волнами, словно диковинные чудовища, замершие в ожидании пробуждения. У некоторых судов уже снимали старые снасти, другие осматривали плотники, выискивая повреждения в обшивке после многочисленных зимних штормов. Море у берегов Скаггерака редко покрывалось льдом целиком. Тёплые воды, приходившие из южных земель, не позволяли морозу окончательно сковать прибрежную гладь, хотя в особенно суровые зимы даже здесь приходилось расчищать подходы к пристани от плавающих ледяных глыб. Над всеми этими постройками возвышалась крепость Хардсеймов. Её массивные стены, укреплённые камнем и глиняным раствором, служили не только защитой правителю, но и последним убежищем для горожан во времена вражеских нападений. Сторожевые башни, расположенные по краям укреплений, позволяли обозревать морское побережье и дороги, ведущие к Скаггераку из глубины континента. На одной из башен развевалось знамя конунга, изрядно потрёпанное ветрами, но по-прежнему возвышавшееся над всем поселением.

Именно у подножия крепостной стены находился Рассел Хардсейм. Старший сын Фридриха, облачённый в плотные кожаные одежды и тёмную меховую накидку, наблюдал за упражнениями дружинников, собравшихся на просторной площадке неподалёку от ворот. В отличие от младших братьев, юноша не испытывал особого удовольствия от праздных развлечений и предпочитал проводить свободные часы

за делами, которые, по его мнению, могли принести пользу отцу и всему Скаггераку.

Перед ним находилось несколько десятков воинов. Одни упражнялись с мечами, другие отрабатывали удары тяжёлыми топорами, третьи, вооружившись деревянными щитами, пытались удержать строй под натиском товарищей. Земля под их ногами превратилась в месиво из снега и грязи, а воздух наполнялся тяжёлым дыханием, руганью и глухими ударами оружия.

— Выше щит, дурья башка! — выкрикнул один из дружинников, обрушивая деревянный меч на плечо своего противника. — Или думаешь, южане станут дожидаться, пока ты прикроешь собственную шею?

Послышался дружный смех. Рассел невольно улыбнулся, однако вскоре вновь принял серьёзный вид. Он прекрасно понимал, что подобные упражнения не могли в полной мере подготовить людей к настоящему сражению. Одно дело — размахивать деревянным оружием перед товарищами, зная, что после неудачного удара можно подняться на ноги и продолжить бой. Совсем другое — оказаться посреди кровавой сечи, когда вокруг раздаются предсмертные крики, а каждый неверный шаг способен стать последним. Сам Рассел ещё не участвовал в великой войне, о которой так часто рассказывали старые дружинники. Но с самого детства он готовил себя к этому дню, проводя долгие часы с наставниками, изучая военное дело и стараясь запомнить всё, что ему доводилось

слышать от отца.

В отличие от Кастера, жаждавшего прежде всего славы, Рассел гораздо чаще задумывался о том, что происходит после победы. Ведь завоевать земли было недостаточно. Их ещё предстояло удержать.

— Господин Рассел! — Юноша обернулся. К нему приближался широкоплечий дружинник с поседевшей бородой и глубоким шрамом, пересекавшим левую щёку. На его плечах лежала старая волчья шкура, а к поясу был прикреплён короткий меч, рукоять которого заметно истёрлась от долгих лет службы.

— Чего тебе? — поинтересовался Рассел.

— Люди спрашивают, когда конунг велит готовить корабли к отплытию. На пристани уже который день не прекращаются работы. Плотники жалуются, что им недостаёт хорошей древесины, а кормчие требуют заменить изношенные канаты.

— Отец ещё не объявил день похода, — ответил юноша, бросив взгляд в сторону моря. — Но подготовку прекращать не следует. Если недостаёт древесины, пусть осмотрят запасы возле западных складов. Насколько помню, там оставались брёвна после прошлогодних укрепительных работ.

— Остались, господин. Только часть из них отсырела.

— Тогда пригодное забирайте, а остальное оставьте на дрова. Не станем же мы отправлять людей в море на кораблях, которые развалятся после первой бури. — Дружинник

одобрительно хмыкнул.

— Верно говоришь. Совсем как твой отец. — Рассел едва заметно нахмурился на этот говор. Подобные слова ему приходилось слышать довольно часто. Одни произносили их с уважением, другие — с опаской, но почти все видели в старшем сыне Хардсейма будущего конунга, которому рано или поздно предстояло занять место Фридриха. И всё же сам юноша не был уверен, следует ли считать подобное сравнение похвалой.

— Отец приказал бы тебе самому отправиться в лес и нарубить деревьев, — усмехнулся Рассел. — А если бы ты вернулся без них, велел бы высечь за нерасторопность. — Старый воин рассмеялся.

— И был бы прав!

— Не сомневаюсь, что ты так считаешь. — Рассел вновь обратил внимание на тренирующихся дружинников. — Сколько людей уже готово к походу?

— Из тех, кого собирали по окрестным поселениям, почти все прибыли. Но некоторые ещё не добрались. Говорят, дороги занесло снегом, а в северных лесах объявились волчьи стаи.

— Отправьте навстречу несколько всадников. Только без лишней спешки. Не хватало ещё потерять людей прежде, чем они увидят южный берег. — Дружинник коротко поклонился и направился к воротам. — Рассел проводил его взглядом.

На мгновение ему представилось, как все эти люди поки-

дают родные дома, садятся на корабли и отправляются вслед за Фридрихом навстречу неизвестности. Многие из них имели жён и детей, другие едва успели обзавестись собственным жилищем. Кто-то мечтал о богатой добыче, кто-то надеялся прославиться, а некоторые шли лишь потому, что так повелел их конунг. И сколько же из них вернётся? Рассел не любил задаваться подобными вопросами. Он знал, что война никогда не обходится без потерь. Но всякий раз, когда отец говорил о предстоящем походе, в его голосе слышалась такая уверенность, словно сама судьба уже даровала северянам победу. Юноша хотел разделять эту уверенность. Хотел верить, что однажды вернётся домой прославленным воином, достойным носить имя Хардсейма. Но иногда ему казалось, что Фридрих слишком давно не замечает ничего, кроме собственных замыслов.

— Рассел!

Знакомый голос заставил юношу обернуться. Со стороны торговых рядов приближался Эйрик. Его тёмные волосы растрепались от ветра, на плечах лежал снег, а лицо выглядело необычайно задумчивым. Младший брат шёл неспешно, то и дело опуская взгляд к земле, словно был поглощён мыслями, не имевшими ничего общего с окружающей суетой.

— Какая неожиданная встреча, — усмехнулся Рассел. — Я уж было решил, что ты окончательно переселился в одну из городских таверн.

— Очень остроумно, — буркнул Эйрик, приближаясь к

брату. — Ты, стало быть, теперь командуешь дружиной?

— Кто-то ведь должен следить за подготовкой, пока отец занят собственными делами.

— А разве у него нет для этого людей?

— Есть. Но мне не составляет труда самому узнать, как продвигаются работы.

— Ты всегда был таким. Словно родился уже с отцовским мечом в руках и короной на голове. — Эйрик недовольно поморщился.

— Неужели тебя это так раздражает? — Рассел приподнял брови.

— Меня раздражает, когда кто-то считает себя лучше остальных.

— Тогда тебе следует почаще смотреть в зеркало, братец.

Эйрик усмехнулся, однако привычной весёлости в его голосе не было. Он остановился рядом и принялся наблюдать за дружинниками, которые продолжали упражняться, не обращая внимания на разговор сыновей конунга. Некоторое время братья молчали.

— Скажи мне, Рассел, — наконец произнёс Эйрик, — ты действительно желаешь отправиться на Юг?

— Разумеется.

— Даже если там тебя ожидает смерть?

— С чего вдруг такие вопросы? — Старший Хардсейм повернул на него голову.

— Просто любопытно.

— Смерть может настигнуть меня и здесь. Сегодня, завтра, через десяток лет. Не думаю, что от неё можно скрыться за стенами Скаггерака.

— Но ведь можно хотя бы не искать встречи с ней. — Рассел улыбнулся.

— Вот теперь я узнаю своего брата.

— Ты всё обращаешь в насмешку. — Эйрик недовольно покосился на него.

— А ты говоришь так, словно я должен отказаться от похода лишь потому, что могу погибнуть. Отец всю жизнь готовил нас к войне. Неужели теперь, когда представилась возможность доказать собственную доблесть, я должен испугаться?

— Ты говоришь его словами.

— Чьими? — Улыбка мгновенно исчезла с лица Рассела.

— Отца, разумеется. Ты даже не замечаешь, насколько сильно на него похож. — Старший брат некоторое время разглядывал Эйрика, пытаясь понять, что скрывается за неожиданной серьёзностью его слов.

— А что в этом дурного?

— Ничего, — пожал плечами Эйрик. — Если тебе нравится жить его жизнью. — Рассел хотел возразить, но промолчал. Он вновь посмотрел на крепостные стены, возвышавшиеся над поселением. Сколько раз ему приходилось слышать, что именно он однажды займёт место Фридриха? Сколько раз старые дружинники говорили, что в нём течёт кровь на-

стоящего конунга? Прежде подобные слова наполняли его гордостью. Теперь же почему-то заставляли задуматься.

— Ты полагаешь, я стремлюсь лишь к тому, чтобы однажды усесться в отцовское кресло? — спросил он.

— А разве нет?

— Нет, Эйрик. Я желаю быть достойным его.

— Какая разница?

— Огромная. — Рассел повернулся к брату.

— Видишь этих людей? — Он указал на дружинников. — Каждый из них отправится в поход, если отец отдаст приказ. Каждый оставит позади свой дом и семью. И если однажды мне придётся повести их за собой, я должен быть уверен, что они последуют не только за моим именем.

— Красивые слова. — Эйрик ухмыльнулся.

— Быть может. Но я хотя бы пытаюсь понять, чего от меня потребует власть.

— А я, стало быть, не пытаюсь?

— Ты сам знаешь ответ. — Лицо Эйрика помрачнело.

— Конечно. Как же иначе. Рассел у нас мудрый наследник, Кастер — великий воин, Март — любимец Афрода. Один я, выходит, ни на что не годен.

— Я этого не говорил.

— Зато отец говорит постоянно.

— Отец суров ко всем нам. — Старший брат вздохнул.

— Только к одним он суров, потому что многого от них ожидает, — перебил Эйрик, — а к другим — потому что

давно перестал чего-либо ждать. — Рассел не сразу нашёлся с ответом. В словах младшего брата слышалась обида, которую тот обычно старательно скрывал за пьянством и бесконечными насмешками.

— Ты мог бы изменить его мнение, — наконец произнёс он.

— Каким образом?

— Для начала перестать проводить дни в тавернах. Заняться оружием, помочь с подготовкой кораблей. Ты ведь не глупец, Эйрик, как бы ни старался убедить всех в обратном. — Младший Хардсейм отвёл взгляд.

— Не всем дано быть такими, как ты.

— Я и не прошу тебя быть мной.

— Вот только отец, кажется, просит.

— Когда-нибудь тебе придётся поговорить с ним самому. — Рассел покачал головой. — Эйрик неожиданно рассмеялся.

— Поговорить? С Фридрихом Хардсеймом? Ты словно забыл, чем закончилась наша последняя семейная трапеза.

— Я ничего не забыл.

— Тогда не предлагай глупостей. — Рассел нахмурился, однако спорить не стал.

Он слишком хорошо помнил тот вечер. Помнил крики отца, побледневшее лицо Марта и ярость Кастера. Помнил и слова Эйрика об их покойной матери, после которых в зале воцарилось тяжёлое молчание. Были вещи, о которых в се-

мье Хардсеймов предпочитали не говорить. И смерть Агнесс оставалась самой болезненной из них.

— Ты ведь понимаешь, что он не всегда был таким? — тихо спросил Рассел.

— Я помню. — Эйрик ухмыльнулся.

— Тогда почему…

— Потому что воспоминания не меняют настоящего, брат. — Эйрик произнёс это без злости, почти равнодушно, и оттого слова прозвучали ещё тяжелее. Рассел замолчал. Ветер усилился, принося с моря запах соли и холодной воды. Где-то за стенами раздался протяжный удар колокола, возвещавший о скором наступлении вечера. Дружинники постепенно заканчивали упражнения, собирая разбросанное оружие и направляясь к казармам.

— Ладно, — произнёс Эйрик, плотнее запахивая накидку. — Не стану отвлекать тебя от великих государственных дел.

— Куда направляешься?

— Домой.

— Не в таверну?

— Представь себе, нет.

— Тогда, быть может, увидимся за ужином. — Рассел слабо улыбнулся. Эйрик уже собирался уходить, но старший брат неожиданно окликнул его.

— Постой. — Тот остановился.

— Чего ещё? — Рассел некоторое время подбирал слова.

— Что бы ни происходило между нами, Эйрик, ты остаёшься моим братом. Не забывай об этом. — Младший Хардсейм медленно обернулся. На мгновение его лицо изменилось. Казалось, он хотел что-то сказать, но так и не решился. Вместо этого лишь коротко кивнул головой.

— Постараюсь.

После чего развернулся и направился к крепостным воротам. Рассел ещё долго смотрел ему вслед. Он заметил, что брат держался непривычно напряжённо и почти не смотрел ему в глаза. Но подобное поведение не показалось старшему Хардсейму особенно странным. После недавней ссоры с отцом Эйрик имел достаточно причин для дурного настроения. В конце концов, каждый из сыновей Фридриха переживал семейные разногласия по-своему. Рассел вновь повернулся к тренировочной площадке. Последние дружинники уже покидали её, оставляя на снегу многочисленные следы и глубокие борозды от деревянных мечей. За их спинами возвышались стены Скаггерака, а дальше, за чередой заснеженных крыш, простиралось холодное море.

Юноша медленно направился к краю площадки, откуда открывался вид на пристань.Внизу продолжалась работа. Люди тащили к кораблям бочки с припасами, плотники заканчивали укреплять борта драккаров, а рыбаки возвращались с моря, надеясь успеть до наступления темноты. Из труб поднимался дым, женщины окликали детей, а возле одного из складов двое стариков ожесточённо спорили о цене со-

лёной рыбы. Обычная жизнь Скаггерака. Та самая, которую Рассел привык видеть с раннего детства и которой прежде не придавал особого значения.

Но теперь он всё чаще задумывался о том, что однажды именно ему предстоит отвечать за судьбы этих людей. Не только за воинов, способных держать меч. Но и за стариков, детей, ремесленников, рыбаков и всех тех, кто никогда не видел дальних южных земель и не желал ничего знать о славе завоевателей. Рассел опустил взгляд на собственные ладони. Они были покрыты мозолями от бесконечных тренировок. Отец учил его сражаться, управлять людьми и не страшиться смерти. Учил тому, что настоящий правитель должен быть твёрдым, словно северный камень, и не позволять слабости овладеть своим сердцем. Однако Фридрих почти никогда не рассказывал, что следует делать с теми, кто не способен защитить себя самостоятельно.

Быть может, потому что и сам не знает ответа? Рассел тут же отогнал эту мысль. Он любил отца и уважал его, несмотря на суровый нрав и многочисленные недостатки. В глазах юноши Фридрих по-прежнему оставался великим воином, сумевшим сохранить власть над Скаггераком в самые тяжёлые годы. И всё же Рассел не желал однажды превратиться в человека, которого собственные сыновья будут бояться сильнее, нежели врагов. Он поднял голову. Над морем окончательно угасали последние отблески дневного света.

Вскоре ему предстояло отправиться в поход, впервые уви-

деть чужие земли и испытать себя в настоящем сражении. Возможно, он вернётся прославленным воином. Возможно, обретёт славу, о которой так мечтал Кастер. А быть может, навсегда останется лежать на далёком южном берегу, где никто не вспомнит его имени. Рассел тяжело вздохнул. Затем поправил меховую накидку и направился к крепости. Как бы ни сложилась его судьба, он намеревался исполнить свой долг перед отцом. И перед Скаггераком. Ведь быть старшим сыном великого конунга означало не только право однажды занять его престол. Это означало необходимость нести на собственных плечах всё то, что вместе с престолом достанется ему в наследство.

Наступил прохладный северный вечер. В Северной душе темнело значительно раньше, нежели на других континентах. Серые облака, словно тяжёлые покрывала, скрыли небо, приглушив последние лучи северного солнца. Вечер становился всё холоднее и мрачнее.В доме Хардсеймов наступило время отдыха. Огоньки свечей плясали на длинном столе, отбрасывая причудливые тени на каменные стены. В очаге потрескивали поленья, наполняя трапезный зал теплом. Однако Фридрих не мог позволить себе полностью расслабиться. Завтра ему предстояло отправиться в цитадель, где должен был состояться совет конунгов. Старый Хардсейм понимал, насколько важным окажется предстоящий разговор. Он обвёл взглядом сыновей. Рассел и Кастер сидели неподалёку, наслаждаясь теплом огня. Но где же Март? Не обнаружив

младшего сына среди привычных лиц, Фридрих нахмурился.

— И где опять Март? — угрюмо произнёс он, наполняя серебряный кубок очередной порцией холодного эля.

— Совсем недавно он вернулся с обучения. Скорее всего, сидит в своих покоях. Ничего нового. — Кастер оторвался от еды. Фридрих отломил ножку зажаренного поросёнка, покрытого хрустящей корочкой, и молча кивнул. Некоторое время он продолжал ужинать, затем обратился к старшему сыну:

— Рассел, сходи за ним. Он как-никак должен отужинать со мной. Сегодня последний вечер перед моим отъездом в цитадель.

— Хорошо, отец. — Рассел поднялся из-за стола и направился к лестнице.

Поднимаясь на второй этаж, он недовольно вздыхал. Сколько же можно упрямиться? — думал юноша, вспоминая недавний разговор с младшим братом. Свернув налево, Рассел приблизился к покоям Марта. Дверь была слегка приоткрыта. Это удивило его. Обычно мальчик предпочитал запираться изнутри, чтобы никто не мешал занятиям. Рассел нахмурился и осторожно толкнул дверь. Увиденное заставило его замереть. На полу лежал Март. Мальчик был бледен, словно из него разом ушла вся жизнь.

— Март? — Ответа не последовало. Рассел бросился к брату и опустился рядом на колени. Прикоснувшись к его лбу, он почувствовал ледяной холод. Кожа мальчика была

почти такой же холодной, как снег за крепостными стенами. Сердце Рассела забилось сильнее.

— Март… Март, очнись! — Он осторожно встряхнул младшего брата за плечи.

Но тот оставался неподвижным. В сжатой ладони мальчика находился волчий клык — тот самый амулет, который прежде висел на шее Фридриха. Рассел узнал его сразу. Реликвия передавалась в роду Хардсеймов из поколения в поколение. Но каким образом она оказалась у Марта?

Юноша не стал искать ответа. Он бросился к выходу, надеясь встретить кого-нибудь из прислуги, однако коридор оказался пуст. Выругавшись, Рассел вернулся к брату. Осторожно подняв его на руки, он направился к двери. Из сжатой ладони Марта выпал волчий клык. Амулет ударился о пол и остался лежать возле кровати. Рассел даже не заметил этого. Все его мысли были заняты младшим братом.

Прижимая мальчика к груди, юноша вышел из комнаты и поспешил к лестнице. Спустившись в трапезный зал, он громко закричал:

— Отец! Братья! Нужна помощь! — Фридрих поднял голову. Увидев Марта на руках Рассела, конунг мгновенно побледнел. Казалось, душа на миг покинула его тело. Он вскочил из-за стола и поспешил навстречу старшему сыну.

— Что случилось?!

Рассел не успел ответить. Фридрих уже забрал мальчика на руки и прижал к груди. Перед глазами конунга воз-

никло страшное воспоминание. Именно в такой день он потерял горячо любимую супругу. Тот же холод. Та же беспомощность. То же мучительное ощущение, что жизнь самого дорогого человека ускользает, а ты ничего не способен изменить. Сердце старого Хардсейма бешено забилось. Он смотрел на мраморно-бледное лицо Марта и не находил слов. Рассел тем временем принялся освобождать стол. Одним движением он смахнул на пол блюда, остатки ужина и глиняную посуду. Раздался оглушительный грохот.

Фридрих осторожно уложил младшего сына на освободившуюся поверхность, поддерживая его голову.

— Зовите… знахарей! — нервно воскликнул конунг. — Он провёл ладонью по холодному лбу мальчика. Страх пронзал его до самых костей. Страх вновь потерять человека, которого он любил. Эйрик вместе с Расселом бросились к выходу. Вскоре оба скрылись за дверями крепости, растворившись в бушующей метели. От сильного порыва ветра тяжёлая дверь ударилась о стену, издав глухой грохот. Кастер остался с отцом. — Он молча наблюдал за происходящим, не приближаясь к столу. Фридрих обернулся.

— Что ты стоишь?! — рявкнул он. — Кастер медленно поднял на него глаза. В его взгляде читались обида и презрение.

— Думаю, я допущу очередную оплошность, если брошусь на помощь. А потом ещё окажусь виноват в смерти собственного брата. Разве не так? — Он вновь сел за стол и при-

нялся собирать оставшиеся куски еды. Фридрих посмотрел на него с ненавистью.

— Я ненавижу тебя, падаль. Ты не заслуживаешь ничего, кроме ледяного гроба на окраине Северной души. С этими словами конунг отвернулся и вновь склонился над младшим сыном, осторожно поглаживая его по волосам.

— Я знаю, — коротко ответил Кастер. — Он взял стоявший рядом кубок и залпом осушил его. На губах остались капли напитка. Кастер медленно провёл по ним языком, стараясь не смотреть в сторону отца. В этот миг на пороге появился незнакомец. Он был облачён в длинный серый плащ, скрывавший почти всё его лицо. Не произнеся ни слова, странник вошёл в дом и неспешно направился к трапезному столу. Фридрих заметил его первым.

— Ты ещё кто таков? — изумлённо спросил конунг, отстраняясь от стола.

— Знахарь. Тот, за кем вы отправили своих сыновей. — Незнакомец поднял голову. Его серые глаза блеснули из-под капюшона. На мгновение взгляд странника задержался на Кастере, который уже поднялся на ноги. Затем мужчина подошёл к лежавшему без сознания Марту и достал из кармана несколько пучков трав.

— Ну, здравствуй, принц Серого мира, — произнёс он голосом, совершенно не похожим на голос обыкновенного лима. — Фридрих насторожился. Странник тем временем принялся готовить снадобье. Он выдавил сок из трав в глиняную

кружку и разбавил его водой.

— Что ты делаешь? — возмутился конунг, схватив незнакомца за руку. — Мужчина резко одёрнул её.

— Если будешь противиться моим действиям, мальчик может не проснуться. — Фридрих застыл. Незнакомец вновь занялся снадобьем. Закончив приготовления, он осторожно приподнял голову Марта и начал вливать жидкость ему в рот. Конунг стоял рядом, не понимая, что происходит. Он хотел остановить странника, потребовать объяснений, узнать, что именно тот даёт его сыну. Но страх оказался сильнее. Фридрих не мог потерять ещё одну родственную душу. Он попросту не пережил бы этого. Незнакомец закончил и поставил кружку на стол.

— С ним всё будет в порядке, — спокойно произнёс он. — Он обрёл дар, который даётся только избранным. Фридрих поднял на него растерянный взгляд.

— Дар?.. — Но странник продолжил, словно не услышав вопроса:

— Будьте внимательны, конунг Фридрих. Остерегайтесь своего пророчества. — Затем он повернулся к Кастеру. — Юноша неподвижно стоял возле стола, не скрывая недоумения.

— А вы… — Незнакомец немного помолчал. — Остерегайтесь своих эмоций. Ибо, идя на поводу у гнева и ярости, вы будете страдать. Очень и очень долго.

Кастер нахмурился. Он хотел ответить, но не успел.

Странник уже перевёл взгляд на белокурого принца. Кожа Марта постепенно приобретала привычный цвет. Его дыхание становилось ровнее.

— А с тобой, Март, мы не прощаемся, — произнёс незнакомец. — Ибо в конце пути мы встретимся вновь. На одинокой тропе, которая приведёт тебя к твоей судьбе. — Он развернулся и направился к выходу. Фридрих не попытался его остановить. Слова незнакомца всё ещё звучали в голове конунга, не позволяя собраться с мыслями. Тяжёлая дверь отворилась. Серый плащ на мгновение взметнулся от порыва ветра. А затем странник исчез в суровой метели.

Фридрих продолжал стоять возле стола. Его взгляд был затуманен, мысли путались. Но вдруг он услышал тяжёлое дыхание младшего сына. Март был жив. Конунг осторожно прикоснулся к его лицу. Кожа мальчика больше не казалась ледяной. В этот миг в трапезный зал вернулись Рассел и Эйрик.

— Отец! — воскликнул старший сын, заметив, как Фридрих пошатнулся и схватился за голову. — Рассел поспешил к нему.

— Мы никого не смогли отыскать. В метель все сидят по своим домам. Прости нас, мы сделали всё, что было в наших силах… — Фридрих медленно поднял голову. Кастер тем временем поймал на себе недовольный, местами загадочный взгляд Эйрика. Ничего не сказав, он отстранился от стола и направился в свои покои. Конунг же продолжал смот-

реть на старшего сына.

— А как же тот мужчина, что явился сюда? — задумчиво спросил Фридрих, оглядываясь по сторонам. — Весь в сером… — Рассел недоумённо нахмурился.

— Какой мужчина, отец?

Глава 3. Путь воина

Северная душа

«И восстал он из мёртвых. Вознёсся он в новом облике, образе, который был дан ему Творцом. Величественно возвышаясь, он готов был обрушить свой гнев на тех, чьи души пропитаны грехами, исполняя волю Создателя. Так на свет пришёл первый всадник. Всадник Серого мира».

Настал новый день. Серое солнце изредка показывалось из-за монотонных облаков, уходивших в неизведанные дали. Начиналась лёгкая метель. Снежинки обрушивались на насквозь промёрзшую землю, кружились в воздухе, постепенно застилая видимость. Старый конунг Фридрих Хардсейм собрал всё необходимое для поездки на совет в Земную обитель. Его усталый взгляд скользнул по мрачным стенам крепости. Предстоящий путь тяготил его. Фридрих не желал отправляться в эти далёкие и неприветливые земли, особенно теперь, когда младший сын ещё не оправился после случившегося. Но долг перед Северной душой призывал его в дорогу. Попрощавшись с наследниками, конунг приказал старшему сыну присматривать за делами Скаггерака и готовиться к предстоящему турниру. Злость на Кастера после вчерашнего происшествия постепенно угасала, уступая место тревожным размышлениям. Фридрих понимал: юноша вполне способен одержать победу на турнире и тем са-

мым получить право отправиться в далёкие южные земли. Именно этого старый конунг не желал. Однако отказываться от собственного слова было не в его характере.

На рассвете, когда первые бледные лучи солнца коснулись горизонта, Фридрих покинул крепость. Дорога предстояла долгая и утомительная. Тяжёлые массивные сани медленно скользили по нетронутому снежному покрову, обходя знаменитый Сгоревший лес, получивший своё название после Великой войны пяти конунгов. Именно та битва, исполненная страданий и бессмысленных жертв, стёрла почти всё живое на этих землях. Война опустошила континент, оставив после себя две разрушенные части Северной души. Правители Восточного и Западного конунгств впоследствии принялись восстанавливать свои владения. Но вернуть былую славу оказалось невозможно, как бы усердно они ни старались. Вдали виднелось небольшое озеро, навеки скованное льдами. За его берегами некогда проливалась кровь погибших воинов, и теперь эти земли служили мрачным напоминанием о прошлом.

А дальше возвышалась Земная обитель. Величественная цитадель, где собирались правители Северной души, решая судьбы континента, обсуждая старые распри и замышляя новые походы. Достигнув её ворот, Фридрих поднялся по мраморным ступеням. Повсюду висели потрёпанные, местами обгоревшие знамёна конунгов. На полу лежали старые доспехи, покрытые льдом, словно забытые останки минувших

сражений. Разрушенная крыша пропускала серый дневной свет. Он проникал сквозь широкие проломы, ложился на каменные стены и обнажал следы былого величия. Разбросанные кандалы напоминали о временах, когда здесь содержали пленных воинов. Древние печати первых правителей, укрытые толстым слоем пыли, будто ожидали, что однажды кто-нибудь восстановит прежнюю славу Земной обители. Но пока цитадель лишь хранила воспоминания. Всё вокруг веяло древностью и навевало безудержную тоску. Позади Хардсейма следовали верные воины. Они держались настороженно, готовые в любую минуту защитить своего конунга. У входа в главный зал уже ожидал старый Хранитель. Заметив Фридриха, он слегка поклонился.

— Конунг Фридрих. — Вымолвил Афрод.

— Ты уже здесь? — удивился Хардсейм, узнав старинного друга. — Он слабо улыбнулся, пожал Афроду руку и прошёл немного дальше, оглядываясь по сторонам.

— Конечно, — ответил Хранитель, скрестив руки на груди.

— И где же этот Винтер? — раздражённо спросил Фридрих, заглядывая в пустующий зал, на выдохе приговаривая. — Опять опаздывает? Да что он о себе возомнил!

— Вспомни себя в его возрасте. Ты был ничуть не лучше. Тот же пылкий нрав, та же самовлюблённая гордость. — Ухмыльнулся Афрод. — На морщинистом лице Хранителя, покрытом старыми шрамами, появилась улыбка. Фридрих тя-

жело вздохнул.

— Надеюсь, он надолго не задержится. — Конунг вошёл в зал, продолжая с горечью разглядывать знакомые стены. Здесь всё напоминало ему о прошлом. Посреди помещения стоял массивный каменный стол. Вокруг него располагались пять деревянных кресел с высокими спинками, обитыми шёлком. — Фридрих занял своё привычное место, предварительно стряхнув со стола застоявшийся снег и лёд.

— Как там Март? — неожиданно спросил Афрод. — До меня дошли слухи, что мальчик нездоров. Надеюсь, с ним всё в порядке?

— Ему уже лучше, — ответил Фридрих. Но это было не совсем правдой. Март оставался слабым, а произошедшее с ним по-прежнему не давало конунгу покоя. Слишком многое в той ночи казалось необъяснимым. — Хотя… — Фридрих замолчал. — Всё случившееся настолько странно, что я даже не знаю, что сказать.

— Многое изменилось, конунг. — Афрод опустил взгляд, его голос казался тяжелым.

— Битва пяти конунгов обрекла нас на разруху. Боги гневаются. Порой мне кажется, будто всё происходящее — лишь расплата за наши грехи. — Он посмотрел на старого друга.

— Я буду молиться о здравии Марта.

— Спасибо, Афрод. — Фридрих опустил голову. Его грубые пальцы сплелись в крепкий замок. Некоторое время оба

молчали. Сквозняк посвистывал среди каменных стен. Через проломы в крыше в зал проникал снег, медленно оседая на полу.

— Полагаю, остальные конунги не прибудут? — спросил наконец Хардсейм, пытаясь отвлечься от тяжёлых мыслей. — Он постучал пальцами по каменной поверхности стола.

— Эммин Градостроитель занят возведением своей новой крепости. Возможно, его конунгство вскоре вернет былое величие. — ответил Хранитель. — Нестер Морт предпочёл остаться среди своих руин и остальных забав. Впрочем, как и всегда.

— А как поживает твоя дочурка? — Фридрих невесело улыбнулся. Вопрос прозвучал неожиданно мягко. Среди этих мрачных стен, рядом со старинным другом, конунг особенно остро ощущал собственное одиночество, терзающего изнутри.

Ветер проникал сквозь щели, заставляя его плотнее запахивать меховые одежды. Но холод, поселившийся в душе Фридриха, был куда мучительнее зимней стужи. Его преследовали тени прошлого. Утрата короны Северной души. Смерть возлюбленной Агнесс, которая долгие годы оставалась его опорой и единственным утешением. Судьба нанесла старому Хардсейму слишком много ударов.

И всё же он продолжал бороться, хотя бы пытался делать это. Сил уже не хватало, а каждый день приобретал все более серый цвет, чем предыдущий. В сердце конунга ещё

тлела искра надежды, поддерживавшая его волю. Предстоящий поход оставался единственным делом, которое заставляло Фридриха двигаться вперёд. Но одновременно он приближал его к погибели. Старый конунг чувствовал это. Всем своим нутром. Когда-то он страшился встречи с собственной судьбой. Теперь же, пережив столь многое, постепенно смирился с неизбежным. Если смерть ожидала его в южных землях, Фридрих был готов встретить её лицом к лицу.

— Она в добром здравии, — ответил Афрод, возвращая друга к разговору. — Правда, матушка её захворала. — Хранитель ненадолго умолк.

— Как видишь, и я не сумел удержать свою любовь. А теперь… — Афрод тяжело вздохнул, посмотрев на конунга. — Теперь Боги Зимы заберут её у меня. На сей раз — навсегда.

В тот миг, когда молчание и густая тишина стали постепенно поглощать обоих северян, высочайшие двери распахнулись, и за ними показался Винтер Варсандр, облачённый в дорогие шёлковые одеяния. Конунг Стольгрима, само воплощение благородства и власти, шёл с достоинством, словно каждый его шаг был исполнен не только самоуверенности, но и гордости. Холодный, проницательный взгляд скользил по присутствующим, будто проникал в самые глубины их душ. Густые светлые волосы обрамляли высокий лоб, а зеленоватые глаза отражали безмятежность и решимость.

— Наконец-то, — обмолвился Фридрих Хардсейм, устремляя на пришедшего конунга хладнокровный взгляд,

за которым скрывались презрение и ненависть. — Афрод поднялся с каменных ступеней, привычно скрестил руки на груди и также посмотрел на Варсандра.

— Прошу простить меня за опоздание. Метель настигла меня и моих воинов. — Произнеся это, Винтер в окружении советников медленно направился к каменному столу и уселся в кресло. Фридрих всё так же недовольно взирал на северянина, сплетя пальцы в замок.

— Небрежно распоряжаешься своим временем, стольгримец, — произнёс старый конунг, цепко взирая на Винтера. — Как-никак это было твоё желание. Желание прибыть на великий совет.

— Согласен с вами, Фридрих, но, увы, он уже не такой великий, как прежде. Мой младший брат приболел, а посему я принял решение задержаться в своих землях, ожидая его полного выздоровления. — Винтер ответил с наглой ухмылкой на лице, будто бы он был наслышан о недуге младшего сына Хардсейма.

Заявление молодого властителя явно пришлось не по нраву старому конунгу. Угрюмая гримаса так и осталась на его лице, но злость постепенно возрастала, а ладонь невольно потянулась к стальной рукояти клинка. Фридрих был готов нанести сокрушительный удар по своему недоброжелателю, однако рука Хранителя, легшая на плечо Хардсейма, заставила его отстраниться от злостных мыслей.

— Тише, Фридрих. Мы не для этого прибыли сюда, —

тихо прошептал Афрод, слегка наклоняясь к нему.

— А он прав, — кивнул Винтер, не переставая ухмыляться. — Я пришёл к тебе с предложением, Хардсейм, а не для того, чтобы развязать войну. Так что? Какие у вас планы на ближайшую зиму? Я слышал, ты собираешь ярлов, чтобы отправиться в поход. Это правда? — Варсандр сверкнул зеленоватыми глазами и постучал пальцами по столу.

Фридрих долго молчал, переводя взгляд то на Хранителя, стоявшего позади него, то на ненавистного стольгримца. Наконец Хардсейм собрал волю в кулак, подавил нарастающее напряжение и, отбросив недобрые мысли, решил дать ответ.

— Эти слухи правдивы, — подтвердил Фридрих. — Мы собираемся отправиться в долгое путешествие в Южные земли, дабы вновь набраться продовольствия, забрать золото и, быть может, рабов. В мои планы также входит основание колонии. Сам понимаешь, Северная душа постепенно погибает, загнивая в бесконечных холодах. Пора задуматься о будущем нашего народа.

— Поход? Зимой? — переспросил Винтер, нахмурив светлые брови. — Не думаю, что это подходящее время. Как опытный мореплаватель могу сказать, что море будет сильно штормить, и драккары могут не выдержать такого натиска. Волны сильные, бьют беспощадно. — Варсандр откинулся на спинку кресла и пожал широкими плечами.

— Именно поэтому я и хочу попросить твои драккары, а взамен ты получишь достаточно золота и серебра. — Фри-

дрих внимательно наблюдал за юнцом, но выражение его лица уже давало ответ, который старый конунг слышать не желал. — Конечно, он догадывался об этом, но надежда никогда не угасала в нём окончательно.

— С чего же ты взял, что я нуждаюсь в золоте? Это уже давно не то, что ценится в наших краях. Если бы мы ввели торговлю с другими континентами, пришли к миру, тогда бы — да. А сейчас это всего-навсего никчёмные безделушки. — После слов стольгримца Хардсейм замер. Он не понимал, в чём именно нуждался юный конунг.

— Тогда чего же ты хочешь? — вступил в разговор Хранитель, заметив растерянность Фридриха.

— Не делайте вид, будто сами не знаете, чего я хочу. И я смогу объяснить это тебе, Фридрих, и даже тебе, Афрод. — Винтер переглянулся с двумя варварами, сопровождавшими его, а затем продолжил:

— Дело в том, что твои грёзы никак не граничат с суровой реальностью. Ты уверен, что без союза, без моей помощи сможешь переселить колонии в Южные земли? Тысяч восемь, скажем. Ты должен понимать, что франбуржцев или же астросцев намного больше. И хоть они слабы, всё равно возьмут верх и истребят твоих воинов. За пару деньков. Ни много ни мало, наши берсерки уже не внушают такого страха, какой внушали раньше. Твои планы не стоят и гроша в нашем мире. И, не объединив всю Северную душу, задуманное осуществить не удастся. — Винтер широко заулы-

бался, обнажив белоснежные зубы, и продолжил смотреть на присутствующих горящими глазами. — Так вот, о чём это я. Фридрих, Северная душа требует перемен, а это значит, что нам нужно объединить силы и подчинить остальных конунгов, подчинить независимые племена, что изредка нападают на поселения. Снова избрать короля Северной души.

— И кого же ты хочешь избрать? — Фридрих поднял взгляд на стольгримца.

— Себя. — Варсандр вновь ухмыльнулся.

— Северные земли нуждаются в единстве и силе, — произнёс он с достоинством. — Мы стоим перед испытанием, которое потребует от нас всей нашей силы и мудрости. Но я верю, что мы сможем преодолеть все трудности и вернуть нашу потерянную славу. Вместе мы будем неуязвимы, вместе мы возродим Северную душу и вернём ей прежние заслуги. Но только под властвованием достойного, молодого и амбициозного правителя. Коим и являюсь я.

— Нет уж, — не раздумывая ответил старый конунг. — На такое я не смогу пойти. Ты не достоин этого титула. Как и никто другой в наших землях. Нет того, кто смог бы в действительности объединить все наши разъярённые холодом и войной земли.

— Тогда выживай сам. Я не отдам тебе драккары. Ты уже сделал свой выбор. Эгоистичный выбор, отдавая предпочтение своим глупым грёзам. Уверяю тебя, Хардсейм, ты проиграешь те битвы в Южных землях. Готовься отправиться в

Серый мир.

В чём-то Варсандр был прав. Это и смутило старого конунга. Прежняя искра надежды, которая временами разгоралась при мыслях о грядущем походе, медленно, но уверенно тускнела.

— Я же говорил, Афрод, — старый конунг взглянул на Хранителя. — В этом не было никакого смысла. Конунг Винтер слишком предсказуем.

— Это глупо, конунг Хардсейм, — произнёс Винтер, дёрнув бровями. — Ведь за трон Северной души начнётся самая настоящая война. Или тебе неизвестны намерения твоего старого друга Меркури Ортена? Он ведь втайне собирает знамёна и готовится к переменам, которые изменят весь континент и живущих на нём людей.

— Меркури никогда не добьётся своего, — ответил Фридрих. — Впрочем, как и ты.

— Всему своё время, Фридрих.

Винтер откинулся на спинку кресла, не сводя глаз со старого конунга. На его лице по-прежнему красовалась наглая ухмылка, которую Фридрих с превеликим удовольствием стёр бы ударом кулака. Но имя Меркури Ортена заставило его задуматься. Фридрих слишком хорошо знал этого человека. Знал его амбиции, знал, на что тот способен ради власти. И всё же не желал верить, что старый соратник решится развязать новую войну за трон Северной души.

— Скажи мне, Винтер, — наконец произнёс Хардсейм, —

ты действительно печёшься о будущем нашего народа? Или попросту жаждешь короны, которую не сумел заслужить?

— А разве одно мешает другому? — Улыбка стольгримца стала гораздо шире.

— Вот потому-то я и не желаю видеть тебя королём. — Фридрих усмехнулся, но в его глазах не было и тени веселья.

— Тогда, быть может, тебе придётся склонить голову перед другим, — спокойно ответил Винтер. — И уверяю, Фридрих, Меркури не станет просить тебя дважды.

— Я не склонял головы перед врагами, когда ты ещё под стол пешком ходил. Не склоню и теперь. — Хардсейм резко встал из-за стола. Афрод, всё это время хранивший молчание, медленно перевёл взгляд с одного конунга на другого.

— Довольно, — произнёс Хранитель. — Мы собрались здесь ради будущего Северной души, а говорим так, словно уже делим её останки. — Никто ему не ответил. Лишь ветер завыл в широких проломах древней цитадели, заставив затрепетать потрёпанные знамёна. — Фридрих вновь опустился в кресло. Он всё ещё думал о Меркури. И впервые за долгое время опасался не того, что ждало его за морем, а того, что могло произойти на Севере в его отсутствие.

Метель

О, как она ужасна. Местами коварна и безжалостна. Она окутала всю Северную душу, не позволяя старому конун-

гу вернуться в родные земли. Фридрих был вынужден оставаться в заточении древней цитадели, где каждый камень напоминал ему о прежних поражениях. Сквозь широкие проломы, свидетельствовавшие о жестокости минувшей войны, проникали изящные снежинки. Они напоминали тысячи маленьких алмазов, падающих с небес, кружились в ледяном воздухе и медленно оседали на каменном полу. Фридрих наблюдал за ними, сидя в своём потёртом кресле. Холод пробирался даже сквозь меховую накидку.

Однако куда сильнее зимней стужи конунга раздражало общество Винтера Варсандра. Молодой стольгримец, напротив, чувствовал себя превосходно.

— Ну же, Фридрих. Не волнуйся ты так. Не стоит отдавать предпочтение гневу. Поддайся здравомыслию. Провозгласи меня королём континента, а взамен получишь эти драккары. Всего-то пара слов и одна церемония. — Винтер был доволен. Он прекрасно понимал, что сейчас располагает тем, в чём так отчаянно нуждался Хардсейм. Его корабли могли решить судьбу предстоящего похода, и молодой конунг не собирался упускать столь выгодную возможность. Варсандр говорил спокойно, совершенно не скрывая собственного превосходства. — Фридрих медленно поднял голову.

— Я никогда не сделаю этот выбор. Тем более в твою пользу. Ты не сможешь защитить народ Северной души. Не сможешь проявить себя должным образом, ведь ты — простой глупец, не более. — Он поднялся из-за стола и плотнее за-

пахнул меховую накидку.

— А в поход я отправлюсь любой ценой. С тобой или без тебя — мне всё равно. Я могу вернуть прежнюю славу северянам. Сделать так, чтобы чужеземцы вновь испытывали ужас при виде наших войск.

— Тогда ничем не могу помочь, мой дорогой друг. — Винтер остался сидеть. Он неспешно перекладывал кинжал из одной руки в другую, осторожно проводя пальцем вдоль холодного лезвия. На отполированной стали отражалось его лицо.

— Я не твой друг! — рявкнул Фридрих. — Он резко повернулся к стольгримцу. — Я твой король! — Последние слова прозвучали настолько громко, что их эхо разнеслось под разрушенными сводами цитадели. Винтер усмехнулся.

— Сильное заявление, Хардсейм. Но ты давно не король. — Дернул бровями Варсандр. — Фридрих замер. — Или ты позабыл, как утратил доверие народа Северной души? Как сам бился против родных братьев? Как там звали одного из них? Айвар Хардсейм. — Варсандр слегка склонил голову набок. — И всё ради чего? Чтобы сохранить власть, которую ты мгновенно утратил после той жестокой войны?

Слова молодого конунга вновь погрузили Фридриха в воспоминания. Перед глазами возникли события Битвы пяти конунгов. Разрушенные крепости, горящие поселения, окровавленные лица воинов. И брат, чьё имя Винтер произнёс с таким пренебрежением. Старый Хардсейм стиснул зубы.

— Я пытался предотвратить её. В отличие от твоего отца. — Его голос сделался угрожающим. Винтер по-прежнему спокойно сидел за каменным столом.

— И поэтому ты принял решение убить его. Браво. — Он медленно похлопал в ладоши. Фридрих шагнул вперёд.

— И с лёгкостью покончу с тобой, если понадобится. — Молвит Хардсейм. Улыбка не исчезла с лица стольгримца.

— Посмотрим, Хардсейм. Посмотрим. — На некоторое время воцарилось молчание.

Лишь ветер завывал среди разрушенных стен, с каждым мгновением становясь всё сильнее. На некоторое время воцарилось молчание. Лишь ветер завывал среди разрушенных стен, с каждым мгновением становясь всё сильнее. Несмотря на жестокую метель, Фридрих по-прежнему желал отправиться восвояси. Его место было не здесь, в заточении цитадели, а рядом со своим народом, в родном Скаггераке. Он не желал проводить остаток дня в обществе человека, который открыто насмехался над его поражениями и смертью близких. Конунг вновь поправил меховой плащ, взял свой меч и направился к выходу. Афрод, всё это время наблюдавший за спором, поспешил остановить старого друга.

— Фридрих, метель может погубить тебя. Пережди её здесь. — В голосе Хранителя слышалась неподдельная тревога.

— Мне уже всё равно, — отчётливо произнёс конунг Скаггерака. — Он бросил последний взгляд на ядовитую ух-

мылку Винтера Варсандра. Несколько мгновений Фридрих молчал. — Затем продолжил:

— Стольгримец, ты можешь оставаться здесь и дальше играть в свои игры власти. Но я не позволю тебе удерживать меня в этих стенах. Моя сила и моё предназначение находятся далеко от этого места. — Фридрих подошёл к тяжёлой двери цитадели и распахнул её. В лицо ударил ледяной ветер. Снежный вихрь ворвался внутрь, заставив затрепетать старые знамёна. За порогом почти ничего не было видно. Земля и небо слились в сплошную белую пелену. Но конунг не отступил. Он плотнее запахнул меховую накидку, перехватил меч и шагнул навстречу бушующей стихии. Дверь за его спиной с грохотом захлопнулась.

Некоторое время Афрод продолжал смотреть на закрывшиеся двери. За ними бушевала метель. Ледяной ветер проникал сквозь многочисленные проломы цитадели, заставляя потрёпанные знамёна древних конунгов вздрагивать под самым потолком.

— Упрямый старик, — усмехнулся Винтер, вновь усаживаясь в кресло. — Даже смерть не заставит его признать собственные ошибки.

— А ты, стало быть, считаешь себя мудрее? — Хранитель медленно повернулся к молодому конунгу. — .

— Разумеется. — Винтер слегка приподнял брови.

— Тогда отчего же я вижу перед собой двух одинаково упрямых глупцов?

— Следи за словами, Афрод. — Улыбка молодого конунга померкла после сказанных слов Хранителя.

— Я прожил достаточно долго, чтобы не страшиться твоих угроз, — спокойно ответил Хранитель. — И достаточно долго, чтобы видеть, к чему приводят подобные споры. Ты желаешь объединить Северную душу. Говоришь о величии, о славе наших предков. Но ради этого готов оставить Фридриха без кораблей и обречь тысячи северян на голодную смерть. — Он приблизился к каменному столу.

— Я не обязан помогать человеку, который отказывается признать мою власть.

— Вот именно, — кивнул Афрод. — Твою власть.

— Ты полагаешь, мне нужна лишь корона? — Винтер резко поднялся.

— А разве нет? — Стольгримец усмехнулся, однако на сей раз без прежней надменности. Он подошёл к разрушенной стене, за которой бушевала снежная буря.

— Я видел поселения, Афрод. Видел, как матери хоронили детей, умерших от голода. Видел пустые гавани и разрушенные крепости, которые некому восстанавливать. Пока Фридрих грезит о новых завоеваниях, а Меркури собирает знамёна, Северная душа медленно погибает. — Винтер стиснул зубы. — И если для её спасения потребуется подчинить остальных конунгов, я сделаю это.

— Даже ценой новой войны? — Изумился Афрод.

— Если понадобится.

— Вот чего я и опасался. — Афрод тяжело вздохнул. Он подошёл к стольгримцу и остановился рядом.

— Твой отец тоже полагал, что знает, как спасти Север. Фридрих был уверен в том же. И чем всё закончилось? — Винтер промолчал.

— Пять конунгов, — продолжил Хранитель. — Пять правителей, каждый из которых считал себя достойнее остальных. А теперь взгляни вокруг. — Афрод развёл руками, указывая на разрушенную цитадель. — Вот всё, что осталось от их величия. — Винтер медленно опустил голову. На мгновение показалось, будто слова старика заставили его задуматься. Но затем он вновь выпрямился.

— И всё же кто-то должен положить этому конец. — Молвит Винтер.

— Должен, — согласился Афрод. — Только не перепутай спасение с завоеванием. — Стольгримец ничего не ответил. Вдали раздался протяжный вой ветра. Афрод вновь посмотрел на двери, за которыми исчез Фридрих.

— Надеюсь, Боги Зимы сохранят ему жизнь.

— Не сомневаюсь, — холодно произнёс Винтер. — Такие, как Хардсейм, слишком упрямы, чтобы умереть от простой метели.

Хранитель не разделил его веселья. Он слишком хорошо знал старого конунга. И понимал, что порой человеческая гордыня оказывается куда опаснее самой жестокой зимы.

В мрачную ночь, когда снежная буря бушевала с неистовой силой, свист ветра разносился по всему Скаггераку, не давая покоя его жителям. Улицы города скрылись под толстым слоем снега. Огромные сугробы поднимались вдоль домов, а ледяные порывы ветра заставляли прохожих спешить к своим очагам. Кастер Хардсейм находился в собственных покоях. Он расположился в мягком кресле напротив раскалённой жаровни. В камине потрескивали поленья, наполняя комнату приятным теплом. Языки пламени плясали за железной решёткой, отбрасывая причудливые тени на каменные стены. По правую руку от юноши сидел мастер Вельтон Резорский. Старый воин был занят заточкой своего топора. Его широкие ладони уверенно удерживали оружие, а точильный камень с размеренным скрежетом скользил вдоль стального лезвия. Кастер же погрузился в собственные размышления.

Он почти позабыл о скором турнире. В его воображении рождались куда более величественные картины — грёзы о мире, где не останется места унижениям и неудачам. Где он станет прославленным воином, любимым и уважаемым всеми. Юноша представлял себя на арене, окружённым тысячами восторженных зрителей. Видел сверкающий клинок в собственной руке, поверженных врагов у ног и знамёна Хардсеймов, развевающиеся над чужеземными крепостями. В его мечтах люди произносили имя Кастера с восхищением.

Но за окном бушевала метель, а впереди ожидали испы-

тания, о которых юный Хардсейм пока имел весьма смутное представление. Кастер смотрел на падающий снег и думал о грядущем походе.

— О чём задумался? — с любопытством спросил Вельтон, подняв зеленоватые глаза на своего подопечного. — Кастер ответил не сразу, продолжая наблюдать за снежинками, которые медленно оседали на деревянном подоконнике.

— Скажи-ка, мастер, — наконец произнёс юноша. — Каковы эти Астрос и Франбург?

Вельтон отложил точильный камень. Кастер всегда любил слушать рассказы о далёких землях, особенно о походах, в которых участвовал его отец. Во время подобных бесед он неизменно представлял себя на месте прославленных воинов. А с недавних пор всё чаще мечтал превзойти их. Превзойти самого Фридриха.

— Эх, это было очень давно, Кастер. Да и к тому же я уже рассказывал тебе об этом, — ответил Вельтон, тяжело вздохнув. Воспоминания, к которым обращался юноша, далеко не всегда приносили старому воину удовольствие.

— И что? — возразил Кастер. — Я хочу вновь услышать об этом. О том, что вскоре может оказаться у моих ног. О завоеваниях, которые предстоят мне. И только мне. — Он слабо улыбнулся, отрывая взгляд от окна. — Вельтон некоторое время молчал, затем всё же заговорил:

— Ладно. Франбург… Величественный и одновременно жестокий континент. Гелорг — один из самых примечатель-

ных его городов. Он раскинулся на горных склонах, словно сошёл со страниц старинных преданий. — Мастер устроился поудобнее. — Там возведены прекрасные замки и дворцы. Их архитектура поражает даже тех, кто повидал немало чужеземных городов. Но особое место занимает арена, расположенная в самом сердце Гелорга. Одна из величайших, какие мне доводилось видеть. — Вельтон помрачнел. — И на её песке пролито немало рабской крови. — Кастер слушал внимательно, иногда хмурясь, порой взмывая брови от удивления.

— Франбург — не просто южный континент, отмеченный на карте, — продолжил наставник. — Это место, где воедино сплелись культура, наука, природа и искусство. А вместе с ними — жестокость и похоть. Там можно отыскать прекраснейшие творения человеческих рук, а за соседней стеной увидеть, как люди убивают друг друга ради развлечения толпы. — Он опустил взгляд на собственный топор.

— Еженедельно рабы сражаются на огромной арене на потеху зрителям. Для многих франбуржцев это любимое зрелище. — Кастер едва заметно улыбнулся, воображая все. Мастер продолжил:

— Что же касается Астроса, то это величественный и богатый материк. Он славится своим флотом. Его гавани полны кораблей, а города живут торговлей и ремеслом. Там всё словно дышит жизнью. Богатства Астроса способны поразить даже самых алчных северян.

— По твоим рассказам, там действительно прекрасно, — ухмыльнулся Кастер, слегка наклонив голову набок. — Его голубые глаза блестели в полумраке. Он уже представлял чужеземные города, огромные дворцы и гавани, наполненные торговыми судами.

— Быть может, однажды северяне смогут подчинить один из этих континентов себе. В особенности под моей властью. — Кастер помедлил, затем добавил с ещё большей самоуверенностью:

— Будь я там, в ваше время, когда Ричард сокрушил ваше войско, всё могло сложиться иначе. — Вельтон медленно повернулся к ученику. На его лице не появилось ни улыбки, ни раздражения.

— Но сейчас ты здесь, — спокойно ответил мастер. — Пойми меня правильно, юноша. Ты можешь говорить всё, что угодно. Представлять великие победы, завоёванные земли и толпы людей, выкрикивающих твоё имя. — Он вновь взялся за точильный камень. — Только в действительности всё куда хуже, чем кажется. Война не настолько сладка, как ты представляешь её в своей голове.

Кастер не отвёл взгляда. Слова наставника не поколебали его уверенности. Напротив, в глубине души юноша почувствовал знакомое раздражение. Слишком часто окружающие сомневались в нём. Слишком часто пытались объяснить, чего он не сможет добиться.

— Когда-нибудь ты узришь, как мои грёзы обратятся в ре-

альность, — произнёс Кастер, не стирая улыбки с лица. — Приготовься к этому мгновению, Вельтон. — Он поднялся с кресла и приблизился к окну. За стеклом продолжал кружиться снег.

— Ибо это будет поистине легендарный момент. Вот увидишь. — Вельтон покачал головой. Он прекрасно знал, что спорить с Кастером сейчас бесполезно.

— Пора следовать на тренировку, — сказал мастер, указывая в сторону двери. — Вьюга немного спала.

Кастер обернулся. На его лице вновь появилась довольная улыбка. Впереди ожидали меч, топор и долгие часы упражнений. А значит, ещё одна возможность приблизиться к тому будущему, которое он уже считал своим. 8 В течение следующего холодного и мрачного дня молодой наследник Фридриха Хардсейма отдавался упорным тренировкам.

Сегодня ему удалось освоить несколько новых приёмов, которые он с удовольствием испытывал на беспомощной соломенной мишени. Вельтон Резорский не только обучал юношу владению оружием, но и раскрывал ему основы ведения боя. Он рассказывал о военных хитростях, осадах крепостей и манёврах, благодаря которым даже малочисленное войско могло одержать победу над превосходящим противником. Кастер внимательно слушал наставника. Он наслаждался победами, пусть даже пока лишь воображаемыми. Каждая из них приносила ему неподдельную радость. Читая древние летописи о великих завоеваниях Лимскола, юноша

всё чаще убеждался, что его собственная история только начинается.

Природа не обделила Кастера ни умом, ни ловкостью. Он быстро осваивал новые приёмы, обладал крепким телосложением и удивительной гибкостью, позволявшей уклоняться от ударов даже более опытных противников. Но самым ценным своим качеством юноша считал хитрость. Он умел наблюдать, запоминать чужие ошибки и обращать их себе на пользу. Ему оставалось лишь получить возможность проявить способности в настоящем сражении. Однако Фридрих словно не замечал этого.

Все надежды конунг по-прежнему возлагал на старшего сына, Рассела, не желая признавать достоинств Кастера. К несчастью, в Сером мире не существовало совершенно идеальных людей. Чрезмерная вспыльчивость и жестокость постепенно овладевали разумом юного Хардсейма. Порой гнев мешал ему мыслить здраво, превращая даже незначительную обиду в повод для ненависти. И всё же мало кто задумывался о том, что сделало его таким. Быть может, смерть матери, которая оставила глубокую рану в сердце мальчика. Или нелюбовь отца, преследовавшая Кастера с самых ранних лет. Всякий раз, когда юноша в чём-либо провинился, его ожидали розги. Удары приходились по обнажённой спине, оставляя болезненные следы. Подобные наказания сопровождали Кастера с пятилетнего возраста. Даже Эйрик, бесстыжий проходимец, не подвергался столь жестоким поркам.

Чем же Кастер так провинился? Ответ таился в сердце Фридриха с самого рождения мальчика. Но самому юноше он оставался неизвестен. Тяжесть, поселившаяся в душе Кастера, не исчезала с годами. Напротив, она становилась всё сильнее, подпитывая его грёзы о величии. Он подозревал, что появился на свет не просто так. Что обязан совершить нечто такое, чего не удалось его предшественникам. Кастер желал доказать братьям, что способен на большее. Заставить их однажды взглянуть на него иначе. Но время ещё не пришло. Юный Хардсейм крепче сжал рукоять топора и метнул его в соломенное чучело. Оружие со свистом рассекло воздух и глубоко вонзилось в голову мишени. Кастер удовлетворённо усмехнулся.

— Вельт! — воскликнул он, усаживаясь на холодный камень.

— Да? — отозвался мастер, обратив к ученику усталый взгляд.

— С утра ты твердил мне, что жизнь куда суровее моих грёз и я не имею ни малейшего представления о том, что такое настоящая битва. — Кастер посмотрел на замёрзшие горы, возвышавшиеся вдали.

— Так как ты думаешь, что мне нужно сделать, чтобы стать полноценным воином? Чтобы с отвагой сражаться в предстоящем походе? — Вельтон не спешил с ответом. Они находились на краю скалистого утёса, под которым бушевали холодные волны Скаггерака. Отсюда открывался величе-

ственный вид на город. Массивные крепостные стены возвышались над безбрежным морем, словно готовые противостоять любому врагу. За ними раскинулись узкие улицы и просторные площади, где уже вовсю шла подготовка к предстоящему походу. Одни воины упражнялись во владении оружием, другие приводили в порядок доспехи и снаряжение, хотя точная дата отправления войск оставалась неизвестной.

В глубине крепости не смолкали кузнечные молоты. Мастера трудились с раннего утра, создавая мечи, топоры и наконечники копий. Звон стали разносился по улицам, смешиваясь с выкриками торговцев и шумом многочисленных мастерских. Но не только воины готовились к походу. Жители Скаггерака помогали собирать припасы и снаряжение. Матери шили тёплые плащи своим сыновьям, жёны и дочери готовили обереги, которые, по древним поверьям, должны были защитить северян от гибели.

Вечерами на центральной площади собирались дружинники. Там звучали речи о мужестве, верности и славе, ожидавшей их в далёких землях. Весь город жил предстоящим походом. Кастер с гордостью наблюдал за приготовлениями. Ему казалось, что Северная душа вновь пробуждается после долгих лет унижений.

— Когда я был таким же юнцом, как и ты, отец взял меня в поход, — наконец заговорил Вельтон, отрывая Хардсейма от наблюдений. Его голос стал заметно тише.

— Путешествие оказалось тяжёлым. Море штормило.

Один из драккаров не выдержал натиска волн и затонул. — Мастер ненадолго умолк. — На нём находился мой брат. — Кастер повернулся к наставнику. Вельтон смотрел куда-то вдаль, словно вновь видел перед собой беспощадное море.

— Так вот, — продолжил он после долгой паузы, — вскоре мы вступили в своё первое сражение. Разграбили ближайшее поселение. Именно тогда я совершил первое убийство. Это…— Он тяжело вздохнул. — Это был старый мужчина. И меня… Меня, мягко говоря, вывернуло наизнанку. — Вельтон опустил взгляд.

— Мне кажется, истинный воин, коим ты хочешь стать, должен совершить убийство, дабы в полной мере осознать тяготы, которые будут преследовать его долгие годы. Подготовленные воины отважно, без страха отправляют врагов в Серый мир. Но ты познаешь всё это, лишь оказавшись во Франбурге. — Он посмотрел на Кастера с неким отчаянием. — Надеюсь, ты выстоишь это бремя.

— Значит, в первом бою ты проявил слабость. — Юноша ухмыльнулся. Вельтон не обиделся.

— Как и ты проявишь её. В этом я уверен.

— Нет уж, ты ошибаешься, — повысил голос Кастер.

— Сомневаюсь, — пробормотал мастер, опуская взгляд под ноги.

— М-м-м, я понял. — Кастер медленно кивнул и поднялся на ноги.

Ветер бил ему прямо в лицо, холод пронизывал до самых

костей, но юноша даже не дрожал. Он подошёл к соломенному чучелу, выдернул из него топор и закрепил оружие на поясе.

— Знаешь, Вельт, мне пора. Нужно набраться сил перед грядущим турниром. Спасибо за обучение. Я пойду.

— Ступай, Кастер. — Вельтон остался сидеть на камне. Он проводил ученика взглядом, а затем вновь повернулся к морю. Конечно же, сказанное Кастером было неправдой. Слова наставника задели его куда сильнее, чем он желал показать. Юноша вновь загорелся, но на сей раз — поистине ужасным желанием. Гнев окутал его, словно ледяное пламя. Кастер не мог смириться с мыслью, что в настоящем сражении окажется слабым. Не мог допустить, чтобы Вельтон однажды увидел его страх. Он должен был доказать обратное. И теперь знал, что ему предстоит сделать. Знал, не опасаясь последствий.

Вернувшись в родную обитель, Кастер поспешил к своим покоям. Там он быстро переоделся в тёмные одежды, стянул волосы в тугой конский хвост и накинул капюшон. Спрятав топор под плащом, Кастер вышел в коридор. Однако, спускаясь по каменной лестнице, он заметил приоткрытую дверь комнаты младшего брата. Изнутри доносился тихий кашель. Кастер остановился. Некоторое время он колебался, затем всё же толкнул дверь.

— Март? — Мальчик сидел за письменным столом, склонившись над раскрытой тетрадью. Его бледное лицо освеща-

лось тусклым пламенем свечи, а под глазами виднелись тёмные круги.

— Чего тебе? — недовольно пробормотал младший Хардсейм, даже не обернувшись.

— Вот так встречаешь собственного брата? — Кастер усмехнулся и приблизился к столу. Март поспешно прикрыл тетрадь ладонью.

— Не трогай.

— Да больно нужно. — Юноша присел на край кровати и принялся разглядывать младшего брата.

— Ты выглядишь паршиво.

— Благодарю за столь приятные слова.

— Всегда пожалуйста. — Кастер улыбнулся. Однако веселье быстро исчезло с его лица. Тихий выдох звучит с его уст. — Серьёзно, Март. Тебе лучше? — Мальчик пожал плечами.

— Не знаю. Иногда кажется, что всё прошло. А потом… — Он замолчал.

— Потом что? — Нахмурился Кастер.

— Сны.

— Какие ещё сны? — Март отвёл взгляд.

— Странные. Я вижу то, чего прежде никогда не видел. Какие-то знаки. Иногда людей. Или нелюдей. — Он помедлил.

— И мне кажется, будто кто-то за мной наблюдает. — Кастер некоторое время молчал. Затем поднялся с кровати и приблизился к окну.

— Ты слишком много времени проводишь над своими книгами. Вот и мерещится всякая дрянь.

— Афрод говорит, что знания никогда не бывают лишними.

— Афрод старый чудак. — Март возмущённо посмотрел на брата.

— Он Хранитель Разлома!

— Да хоть сам Создатель, — отмахнулся Кастер. — Это не отменяет того, что тебе следует выспаться. — Он взял со спинки кресла меховое покрывало и бросил его на кровать.

— И укрывайся как следует. Не хватало ещё, чтобы ты снова свалился без сознания. Отец этого точно не переживет. — Буркнул Кастер.

— Ты переживаешь за меня? — Март неожиданно улыбнулся.

— Не льсти себе. — Кастер поморщился.

— Переживаешь.

— Ещё слово, и я расскажу отцу, что ты вновь не спишь по ночам. — Мальчик рассмеялся.

Смех получился слабым, но искренним. Кастер невольно улыбнулся в ответ. Некоторое время братья молчали. Затем Март заметил топор, висевший у пояса старшего брата.

— А ты куда собираешься? — Март опустил взгляд на оружие.

— По делам.

— С топором?

— А ты предлагаешь мне взять с собой перо?

— Ночью? — Март нахмурился.

— Особенно ночью. — Юноша направился к двери.

— Кастер, — неожиданно окликнул его младший брат. — Тот остановился.

— Чего ещё?

— Только не делай глупостей. — Кастер обернулся. На лице Марта не было и следа прежней насмешливости. Мальчик смотрел на него серьёзно, почти испуганно. Юноша несколько мгновений молчал. Затем усмехнулся.

— Не беспокойся, малыш. Я ведь не Эйрик. — Он вышел в коридор и прикрыл за собой дверь. Улыбка мгновенно исчезла с его лица. Кастер вновь почувствовал тяжесть топора у пояса. Слова Марта почему-то не выходили у него из головы. «Только не делай глупостей». — .

Он двигался быстро, стараясь не привлекать внимания прислуги. Однако у выхода из крепости ему повстречался еще один младший брат.

— Куда намылился? — с ехидной ухмылкой спросил Эйрик. — Кастер остановился. На мгновение в его глазах вновь вспыхнул гнев, но юноша быстро овладел собой. Лицо сделалось беззаботным.

— Решил вот расслабиться, — ответил он, лукаво улыбнувшись. — Не подскажешь, где можно угоститься сладкими девчонками? — Кастер сжал ладонь в кулак, скрывая под

плащом рукоять топора.

— М-м-м, наконец-то ты пошёл по истинной тропе к счастью, братец, — произнёс Эйрик, не переставая ухмыляться. — Неподалёку от стен Скаггерака, если двигаться к северной части города, находится бордель. Там отменные девицы. Надеюсь, они помогут тебе скрасить эту ночку.

— Благодарю, — коротко ответил Кастер. — Он воздержался от дальнейших расспросов, лишь сильнее натянул капюшон на лицо. Эйрик проводил брата насмешливым взглядом. Ему было непривычно видеть Кастера, проявляющего интерес к подобным развлечениям. Обычно тот предпочитал общество Вельтона, тренировки и бесконечные разговоры о войне. Но Эйрик не стал задавать лишних вопросов. А Кастер и не собирался ничего объяснять. Он вышел наружу и медленно зашагал по тропинке, которую указал ему младший брат. Метель постепенно стихала, однако холодный ветер всё ещё гулял по улицам Скаггерака. Под ногами скрипел снег. Вдалеке мерцали огни домов, а над крепостными стенами возвышалось мрачное, затянутое облаками небо. Юноша двигался с мыслями о том, что способен осуществить все свои заветные желания. В душе Кастера горело желание пролить кровь. И в его планы вовсе не входили пошлые развлечения с девицами, которыми так увлекался Эйрик. Слова Вельтона не давали ему покоя.

«Как и ты проявишь её. В этом я уверен». Он не желал признавать правоту наставника. Не желал однажды оказать-

ся перед врагом и почувствовать тот страх, о котором рассказывал старый воин. Он должен был убедиться в собственной храбрости прежде, чем отправится на войну. Вскоре впереди показалось небольшое деревянное строение, затерянное среди замёрзших деревьев. Из узких окон пробивался тусклый свет. Кастер остановился. Некоторое время он молча разглядывал здание, затем опустил ладонь к поясу, проверяя, на месте ли топор. Оружие было при нём. Юноша глубоко вдохнул холодный воздух и приблизился к двери. За ней слышались приглушённые голоса, пьяный хохот и звуки музыки. Кастер положил ладонь на деревянную ручку. На мгновение перед его глазами вновь возникло лицо Вельтона. Затем он медленно отворил дверь и шагнул внутрь.

В это время в доме великого конунга находился самый младший из сыновей Фридриха Хардсейма. Март постепенно приходил в себя после загадочного происшествия, но по-прежнему не мог вспомнить, что именно с ним случилось. Перед его глазами то и дело возникал отцовский волчий клык. А следом — горящие серым пламенем глаза. Кому они принадлежали, мальчик не знал. Стоило ему попытаться восстановить события той ночи, как воспоминания расплывались, превращаясь в бессвязные образы. Рядом с маленьким принцем постоянно находились служанки. Их забота уже начинала раздражать Марта.

Он вновь и вновь заставлял женщин рассказывать о том, что произошло с ним несколько дней назад. Но всякий раз

слышал одно и то же: его нашли без сознания, отец был страшно напуган, а затем появился незнакомый знахарь. Больше служанки ничего не знали. Март недовольно вздыхал. Подобные объяснения нисколько не приближали его к разгадке. Наступил вечер. Служанки помогли мальчику приготовиться ко сну, уложили его в мягкую постель и укутали тёплым одеялом. Одна из женщин погасила свечи. Другая пожелала принцу спокойной ночи. Когда дверь за ними закрылась, Март ещё некоторое время лежал неподвижно, прислушиваясь к удаляющимся шагам. Убедившись, что остался один, он осторожно приподнялся. Из-под подушки мальчик достал кожаную тетрадь и серый грифель. Он открыл чистую страницу.

Затем прикрыл глаза. И почти сразу увидел их. Руны. Странные, незнакомые символы, которые преследовали его во сне и наяву. Они проступали перед глазами настолько отчётливо, будто были выжжены на внутренней стороне век. Март поспешно принялся переносить увиденное на бумагу. Рука двигалась быстро. Мальчик боялся, что знаки исчезнут прежде, чем он успеет зарисовать их. Закончив, он внимательно осмотрел страницу. Ничего подобного ему прежде не встречалось. Ни в книгах Афрода, ни в старинных летописях, которые он тайком изучал в свободное время. Когда Афрод вернётся из цитадели, я непременно покажу ему эти руны, — подумал принц. Быть может, старый Хранитель сумеет объяснить их происхождение. Или хотя бы избавит

его от мучительных сновидений. За окном сгущалась темень. Метель вновь набирала силу, поглощая улицы Скаггерака. Ветер завывал за каменными стенами, заставляя мальчика вздрагивать от каждого особенно сильного порыва. Март отложил грифель. Его клонило в сон. Но засыпать он боялся. Стоило закрыть глаза и погрузиться в забытьё, как в ушах начинал звучать жуткий, нарастающий звон. Затем тело немело, конечности переставали слушаться, а перед глазами вновь возникали таинственные символы. В такие мгновения мальчик ощущал даже запах горелой плоти. Страх вонзал свой серый клинок прямо в грудь. Март пытался бороться со сном. Он садился, растирал лицо ладонями, вновь открывал тетрадь и всматривался в зарисованные руны. Но две бессонные ночи давали о себе знать. Усталость оказалась сильнее. Мальчик положил тетрадь под подушку, опустил голову и постепенно погрузился в сон. И вновь увидел страшное видение. Перед ним стоял Фридрих Хардсейм. Рядом с отцом возвышался огромный мужчина. Март пытался разглядеть лицо незнакомца, но всякий раз, когда ему казалось, что это вот-вот удастся, черты мужчины скрывались во мраке. От незнакомца веяло горечью и страданиями. Мальчик почувствовал, как сердце учащённо забилось. Он хотел позвать отца. Но не смог произнести ни слова. Март испуганно зажмурился. И всё вокруг поглотила тьма.

А по ту сторону стены, Эйрик Хардсейм не находил себе покоя. После встречи с Цезаком Ортеном привычные раз-

влечения перестали приносить ему прежнее удовольствие. Даже выпивка, к которой юноша обращался при первой возможности, больше не помогала избавиться от тяжёлых мыслей.

Разум его словно отрезвел. А вместе с этим пробудилась совесть. Эйрик понимал, что вскоре ему придётся сделать выбор, последствия которого могут оказаться страшнее всего, что он прежде совершал. Перед ним открывался путь к трону Скаггерака. Путь, о котором он мечтал, особенно в те мгновения, когда отец вновь напоминал ему о собственной никчёмности. Но этот путь требовал предательства.

Эйрик медленно шёл по тёмным коридорам крепости, заложив руки за спину. Слова Цезака вновь и вновь звучали в его голове. «Мы готовы помочь тебе стать следующим конунгом Скаггерака». Юноша невольно улыбнулся. Он представил себя в отцовском кресле, окружённым ярлами и верными дружинниками. Представил, как жители Скаггерака склоняют перед ним головы. Как братья вынуждены признать его власть. Однако улыбка быстро исчезла. Эйрик остановился возле узкого окна. За ним простиралась бескрайняя зимняя ночь. А что станет с Расселом? Старший брат всегда относился к нему с терпением, даже когда остальные теряли всякую надежду на его благоразумие.

А Кастер? С ним Эйрик ссорился куда чаще. Но одно дело — ненавидеть брата после очередной перепалки. И совсем другое — согласиться на его гибель. Эйрик тяжело вздохнул.

Он прекрасно понимал, что Цезак и Меркури не станут мириться с существованием других наследников, если те окажутся помехой их замыслам. И всё же желание власти не отпускало его. Юноша продолжил путь по коридору. В памяти неожиданно возникло лицо Фридриха. Суровое, изрезанное морщинами, вечно недовольное. Отец никогда не скрывал своего разочарования в Эйрике. Но ведь когда-то всё было иначе. Когда-то они собирались всей семьёй, когда Агнесс ещё была жива, а братья не смотрели друг на друга с подозрением и неприязнью. Эйрик помнил те дни. И теперь воспоминания причиняли ему почти физическую боль. Неужели ради короны я готов отказаться от всего этого? Он не находил ответа. Добравшись до выхода из крепости, Эйрик распахнул тяжёлую дверь. Холодный воздух ударил ему в лицо. Вдали море сливалось с небом, а над заснеженными крышами поднимались редкие столбы дыма. Юноша остановился на ступенях. Его сердце учащённо билось. Вскоре вернётся Фридрих. Затем состоится турнир. А после начнётся долгожданный поход. Именно тогда, как обещал Цезак, всё должно измениться.

Эйрик сжал кулаки. Ему хотелось закричать, остановить время и вернуться назад — в тот день, когда незнакомец ещё не передал ему приглашение на тайную встречу. Но было поздно. Он уже принял золото Ортена. Уже согласился выслушать его замысел. И, что страшнее всего, позволил себе поверить в обещанную корону. «Почему, Эйрик?» Юноша

вздрогнул. Ему почудился голос отца. Он резко обернулся. Позади никого не было. Лишь тёмный дверной проём и безмолвные стены родной крепости. Эйрик вновь отвернулся к морю.

— Потому что ты никогда не видел во мне своего сына, — едва слышно произнёс он.

Слова тут же растворились в ледяном ветре. Он не знал, сможет ли однажды произнести их Фридриху в лицо. Не знал и того, хватит ли у него решимости исполнить обещанное Цезаку. Но мешочек с золотом по-прежнему лежал среди его вещей. И Эйрик так и не решился от него избавиться. Над Скаггераком бушевала метель. Впереди ожидали турнир, война и решения, которые уже невозможно будет обратить вспять.

Глава 4. Сражение с тенью

Северная душа

«Восходит Серое солнце над Серым миром. Серые лучи падают на серые души, сокрытые в этих серых землях…»

Ночь окончательно поглотила Скаггерак, укрыв его заснеженные улицы непроглядной темнотой. Метель, ещё недавно бушевавшая с неистовой силой, постепенно стихала, однако холодный ветер продолжал гулять среди деревянных построек, заставляя скрипеть промёрзшие ставни и срывая с крыш последние снежные хлопья. Лишь редкие огни, пробивавшиеся сквозь узкие окна домов, напоминали о том, что жизнь в городе ещё не угасла. В северной части поселения, неподалёку от лесной опушки, стояло небольшое деревянное строение. Его потемневшие от времени стены скрывались среди покрытых инеем деревьев, а изнутри доносились пьяный хохот, приглушённые голоса и звуки незатейливой музыки. Кастер Хардсейм остановился перед входом.

Он уже не впервые слышал об этом месте. Эйрик довольно часто упоминал его в разговорах, сопровождая свои рассказы похабными шутками и уверениями, будто именно здесь можно позабыть обо всех жизненных невзгодах. Однако прежде Кастер не испытывал ни малейшего желания посещать подобные заведения. Да и сейчас его привело сюда вовсе не стремление предаться удовольствиям. Под тёмной

меховой накидкой покоился острый топор, рукоять которого юноша то и дело сжимал ладонью, словно опасаясь, что оружие может исчезнуть. В памяти вновь прозвучали слова наставника.

«Как и ты проявишь слабость. В этом я уверен».

Кастер нахмурился. Вельтон слишком многое позволял себе в разговорах с ним. Слишком часто напоминал о том, чего юноша ещё не испытал, и с такой уверенностью рассуждал о его будущих слабостях, словно заранее знал, каким человеком суждено стать сыну Фридриха Хардсейма. Но сегодня Кастер намеревался доказать обратное. Он не желал больше оставаться мальчишкой, которому дозволено лишь слушать рассказы о великих сражениях. Не желал терпеть насмешки старших воинов и бесконечные упрёки отца. Вскоре ему предстояло отправиться на Юг.

И к тому времени он должен был узнать, способен ли отнять человеческую жизнь. Юноша положил ладонь на деревянную ручку и медленно отворил дверь. В лицо ударил тяжёлый запах табачного дыма, дешёвого вина и давно не мытых полов. Внутри царил полумрак, который с трудом разгоняли многочисленные свечи и развешанные по стенам факелы. Грязные ковры покрывали скрипучие доски, а на стенах висели портреты полуобнажённых женщин, изображённых в вызывающих позах.

Посреди просторного помещения стоял огромный круглый стол, вокруг которого собралась шумная компания пья-

ных дворян и их спутниц. Одни распевали непристойные песни, другие разбрасывали серебряные монеты, наслаждаясь вниманием женщин. Откуда-то из дальнего угла доносились громкие споры, сопровождаемые звоном разбитой посуды. Кастер брезгливо поморщился. Ему доводилось видеть пьяные пиршества дружинников, однако происходившее здесь вызывало в нём куда большее отвращение. Не успел юноша сделать нескольких шагов, как к нему приблизились две женщины в лёгких, едва прикрывавших тело одеяниях.

— Мы можем исполнить все твои желания, милый, — произнесла одна из них, одаривая незнакомца заученной улыбкой. — Ты только скажи, чего хочешь. — Она протянула руку к его груди, но Кастер резко отстранился.

— Где хозяин? — Грубо молвит он. Женщины переглянулись.

— А зачем он тебе, красавчик? — поинтересовалась вторая, недоверчиво переглянувшись.

— Я задал вопрос. — В его голосе прозвучало столько холода, что улыбка мгновенно исчезла с её лица.

— Я проведу тебя, — поспешно ответила первая. — Она направилась к лестнице, ведущей на второй этаж.

Кастер последовал за ней, не обращая внимания на любопытные взгляды посетителей. Его лицо скрывалось под капюшоном, и никто из присутствующих не мог разглядеть в незнакомце одного из сыновей великого конунга. Подняв-

шись наверх, они оказались перед массивными дверями, по обе стороны которых стояли двое крепких мужчин. На их поясах висели короткие клинки, а руки были покрыты многочисленными шрамами. Женщина что-то прошептала одному из охранников. Тот смерил Кастера недоверчивым взглядом.

— Чего тебе от хозяина?

— Желаю воспользоваться его услугами. — Мужчина некоторое время молчал, затем нехотя отступил в сторону.

Двери распахнулись. За ними находилось просторное помещение, обставленное куда богаче остальных комнат заведения. Мягкие кресла, дорогие ткани и несколько тяжёлых столов свидетельствовали о достатке человека, которому принадлежало это место. Вокруг расположилась компания состоятельных гостей, развлекавшихся выпивкой и обществом женщин. В самом центре, развалившись в широком кресле, восседал лысый толстяк. Его огромное брюхо едва умещалось под расстёгнутой рубахой, а мясистые пальцы были украшены золотыми перстнями. Одна из женщин сидела рядом с ним, подавая хозяину куски жареного мяса.

— Чего тебе? — Мужчина поднял взгляд на вошедшего юношу. Кастер неспешно оглядел помещение.

— Я желаю заказать у тебя услугу. — Кастер чуть оскалился, снимая кожаные перчатки со своих рук.

— М-м-м, — протянул толстяк, прищурившись. — Какие у тебя предпочтения? — Он отстранил женщину и выпрямился в кресле. Кастер приблизился на несколько шагов.

— Я желаю самую молодую девочку, что у тебя есть. Конечно же, я заплачу тебе. И довольно-таки много. — Толстяк внимательно посмотрел на незнакомца. Затем его лицо расплылось в довольной ухмылке.

— Моё имя Фигель. И, как ты уже догадался, я хозяин этого заведения. Что ж, думаю, мы сумеем договориться. — Кастер достал из-под накидки небольшой мешочек с монетами и бросил его на стол.

— Столько хватит? — Фигель подхватил мешочек и развязал тесёмки. При виде золота его глаза жадно заблестели.

— Хватит, — произнёс он. — Следуй за мной.

Хозяин поднялся с кресла и повёл гостя через узкий проход в дальнюю часть здания. Здесь уже не было ни дорогих тканей, ни многочисленных факелов. Стены покрывала сырость, под ногами скрипели старые половицы, а из-за закрытых дверей порой доносились приглушённые голоса. Кастер шёл предавшись безмолвию и с каждым шагом ощущал, как серость постепенно охватывает его душу. Впереди двигался Фигель, время от времени поглядывая через плечо и довольно усмехаясь. Наконец они остановились перед неприметной дверью.

Хозяин извлёк из кармана ржавый ключ и вставил его в замочную скважину. Раздался неприятный скрежет, после чего дверь с трудом поддалась. Внутри находилась маленькая комната, освещённая единственной свечой. Возле стены стояла узкая кровать, рядом — деревянный сундук и старый та-

бурет. На краю постели сидела девочка с каштановыми волосами. Совсем юная и беззаботная.

При виде Фигеля она испуганно поднялась, поджав ноги к груди.

— Заходите, любезный, — произнёс хозяин, пропуская Кастера вперёд. Затем резко повернулся к девочке. — Иди сюда, сучка!

Она не двинулась. Фигель схватил её за волосы и грубо подтолкнул к гостю. Сильно одарив пощечиной, дабы та не вырывалась, отчего та легонько вскрикнула. Кастер внимательно разглядывал маленькое, измученное лицо. На бледной щеке виднелся след недавнего удара, а глаза девочки были наполнены таким ужасом, что она едва осмеливалась поднять их на незнакомца.

— Ей всего тринадцать, — сообщил Фигель. — Такая подойдёт?

Кастер почувствовал, как внутри него что-то неприятно сжалось. Он смотрел на девочку, которая пыталась сдержать слёзы, и впервые за весь вечер не находил слов. Ещё недавно он был уверен в собственном намерении. Уверен, что сумеет лишить человека жизни и не испытать ни малейшего сожаления. Фигель нетерпеливо кашлянул.

— Ну так что? Такая пойдет?

— Да. — Кастер поднял на него свой голубой взор и коротко кивнул головой. Хозяин довольно усмехнулся. Он отпустил девочку и направился к выходу.

— Тогда не стану вам мешать. — Вдобавок молвит он. Дверь захлопнулась. Раздался металлический щелчок замка. Кастер остался наедине с девочкой. Некоторое время они молчали. Юноша снял меховую накидку и положил её на старый сундук, после чего медленно приблизился к кровати. Девочка поспешно отодвинулась к стене, поджав колени к груди. — Он осторожно протянул руку и погладил каштановые волосы девицы, вдыхая их аромат, который наполнил его сознание и душу. Запах ее волос был сладким и притягательным. Затем, Кастер медленно провел большим пальцем по губам девицы, оставляя на нем багровые оттенки крови. Это был жест, который вызывал мурашки по ее позвоночнику. Он видел, как дрожат её руки.

— Он избивал тебя? — спросил юноша. — Девочка ничего не ответила. Кастер тяжело вздохнул. — Хотя да. Глупый вопрос. — Он опустился на табурет, оставив между ними некоторое расстояние. — Как тебя зовут?

— Эллери, — едва слышно произнесла она.

— Эллери, — повторил Кастер. — А как ты сюда попала? — Девочка опустила голову. Её губы задрожали, но она все же заговорила:

— Фигель забрал меня из дома… Они угрожали убить моего отца, если тот не согласится…

Последние слова утонули девочку в рыданиях. Кастер молчал. Он медленно перевёл взгляд на запертую дверь, за которой слышались тяжёлые шаги охранников. Пальцы его

сжались в кулак. Перед глазами вновь возникло лицо Вельтона. «Как и ты проявишь слабость».

Юноша невольно усмехнулся. Быть может, наставник действительно был прав. Быть может, в нём всё-таки существовало нечто, не позволявшее бездумно проливать невинную кровь. Но теперь Кастер понимал и другое. Он по-прежнему желал убить. Только жертвой должен был стать совсем иной человек.

— Эллери, — тихо произнёс он. — Девочка подняла заплаканные глаза. — Прикрой глаза.

— Зачем? — Она вздрогнула вновь. Кастер медленно поднялся.

— Просто сделай, как я сказал.

Кастер ещё некоторое время стоял перед запертой дверью, прислушиваясь к доносившимся из коридора голосам. За деревянной перегородкой слышались тяжёлые шаги, изредка сопровождаемые грубым смехом. Охранники Фигеля, должно быть, нисколько не сомневались в безопасности своего положения, ведь вряд ли кто-либо из посетителей осмелился бы выступить против хозяина столь известного заведения. Юноша медленно обернулся. Эллери по-прежнему сидела на краю кровати, обхватив колени тонкими руками. Она смотрела на него испуганными глазами, не понимая, чего ожидать от незнакомца, заплатившего за возможность остаться с ней наедине.

— Я ведь сказал тебе закрыть глаза, — повторил Кастер,

на сей раз несколько строже.

— Ты… ты сделаешь мне больно? — едва слышно спросила девочка. — Хардсейм замер.

На мгновение ему захотелось рассмеяться над подобным вопросом. Ещё совсем недавно именно с таким намерением он и переступил порог проклятого заведения. Но теперь, глядя на маленькую Эллери, юноша ощущал лишь нарастающую ярость, которая, подобно холодному пламени, постепенно охватывала всё его существо.

— Нет, — наконец произнёс он. — Только не тебе. — Девочка недоверчиво посмотрела на него. Кастер отвернулся и приблизился к двери.

— А теперь закрой глаза и не выходи отсюда, пока я не вернусь. — Он резко повернул ручку, однако дверь не поддалась. Юноша усмехнулся.

— Эй! — громко окликнул он. — Отворяйте! — Снаружи послышалось недовольное ворчание.

— Чего тебе ещё?

— Хочу поговорить с хозяином. Кажется, он подсунул мне совсем не то, за что я заплатил. — Один из охранников разразился хохотом.

— А ты чего ожидал, мальчишка? Чтобы она сама прыгнула тебе на шею? — Раздался скрежет ключа. Едва дверь приоткрылась, Кастер стремительно шагнул вперёд.

Перед ним возвышался рослый северянин с широкой грудью и густой рыжей бородой. Тот не успел даже понять, что

произошло, когда юноша ухватил его за одежду и с силой впечатал в деревянный косяк. Голова мужчины ударилась о выступавший из старой доски гвоздь, и коридор огласился душераздирающим воплем.

Кастер отступил на полшага. Впервые в жизни он видел, как человек корчится от боли, причинённой его собственной рукой. Сердце юноши забилось с небывалой силой. Но вместо ожидаемого ужаса он почувствовал странное, почти опьяняющее возбуждение. Охранник попытался выхватить оружие. Кастер не позволил ему этого сделать. Из-под меховой накидки блеснуло лезвие топора. Раздался глухой удар. Тело северянина тяжело осело на деревянный пол. На несколько мгновений всё вокруг словно замерло. Кастер стоял неподвижно, глядя на поверженного противника. Его дыхание стало частым, а ладонь, сжимавшая топорище, слегка дрожала. Кровь постепенно стекала по полу.

Вот оно. Первое убийство. То самое мгновение, которого он так жаждал и которое Вельтон описывал с неподдельным отвращением. Юноша ждал, что сейчас его вывернет наизнанку, что ноги перестанут слушаться, а перед глазами возникнет лицо убитого. Но ничего подобного не произошло. Кастер медленно улыбнулся.

— Значит, ты ошибался, старик, — прошептал он. В конце коридора раздался чей-то возглас.

— Какого чёрта здесь происходит?! — Кастер поднял голову.

К нему спешили двое вооружённых мужчин, а следом, тяжело переваливаясь с ноги на ногу, двигался сам Фигель. При виде распростёртого на полу охранника хозяин борделя остановился. Его маленькие глаза округлились.

— Ты что натворил, щенок?! — Юноша не ответил. Он лишь крепче перехватил топор. Первый из воинов бросился на него с коротким клинком, намереваясь поразить незнакомца прежде, чем тот успеет поднять оружие. Однако Кастер, долгие годы обучавшийся под руководством Вельтона Резорского, оказался куда проворнее, нежели предполагал его противник.

Юноша резко пригнулся, пропуская удар над плечом, и обрушил топор на незащищённый бок северянина. Тот вскрикнул, отшатнувшись к стене. Кастер не дал ему оправиться. Перехватив оружие, он вновь ударил противника, после чего оттолкнул обмякшее тело ногой. Второй охранник на мгновение замешкался. Этого оказалось достаточно.

Хардсейм устремился навстречу мужчине, вынуждая того поспешно поднять меч. Лезвия столкнулись с неприятным металлическим звоном. Северянин попытался воспользоваться преимуществом в росте и силе, но узкий коридор мешал ему размахнуться как следует. Кастер же действовал быстро, почти не оставляя противнику времени на размышления. Он ударил топором по плечу мужчины, заставив того выпустить оружие, а затем нанёс последний удар. Северянин рухнул на пол. Юноша тяжело дышал. На лице его высту-

пили капли пота, смешавшиеся с кровью противников. Руки слегка онемели от напряжения, однако внутри продолжало бушевать чувство, прежде ему неведомое. Кастер вновь и вновь вспоминал слова наставника.

«Как и ты проявишь слабость». Он усмехнулся. Какая же это была слабость? Напротив, никогда прежде он не ощущал себя настолько сильным.

— Чудовище! — завопил Фигель. Хозяин борделя попятился, едва не споткнувшись о тело собственного охранника.

— Стража! Сюда! Убейте этого ублюдка! — Однако никто не спешил на помощь.

Из дальних комнат выглядывали испуганные женщины. Некоторые посетители, услышав шум схватки, поспешили укрыться за запертыми дверями. Даже те, кто прежде охотно хвастался собственной доблестью, не желали испытывать её против окровавленного незнакомца. Фигель развернулся и бросился бежать.

— Куда же ты? — негромко произнёс Кастер. Он последовал за толстяком. Несмотря на свой внушительный вес, хозяин заведения двигался удивительно быстро. Его тяжёлые шаги отдавались по всему коридору, а испуганные вопли привлекали внимание людей, находившихся этажом ниже. Кастер нагнал его возле лестницы. Одним точным ударом он подсек ногу беглеца. — Фигель с грохотом повалился на пол, завопив от боли.

— Пощади! — закричал он, пытаясь отползти к стене. —

Я заплачу тебе! Слышишь?! Сколько пожелаешь! — Юноша медленно приблизился.

— Заплатишь?

— Да! Да, клянусь! У меня много золота! Забирай всё! — Кастер склонил голову набок.

— А сколько ты заплатил за девчонку? — Фигель внезапно умолк.

— За Эллери, — уточнил юноша. — Сколько стоила её жизнь?

— Я… я не понимаю…

Кастер резко всадил острие топора прямо в ладонь Фигеля, кровь брызнула прямо на лицо юноши. Но он даже не дрогнул, наоборот, оскалил белоснежные клыки. Фигель взвизгнул.

— Не заставляй меня повторять вопрос. — Прошептал Кастер, Хозяин затрясся всем телом.

— Послушай, парень… Я не знаю, кто ты такой, но мы ведь можем договориться! Забирай девчонку! Забирай хоть всех! Только отпусти меня! — Он снова взвыл от нарастающей боли.

Кастер некоторое время разглядывал толстяка. Перед ним лежал человек, который ещё совсем недавно с довольной ухмылкой распоряжался судьбой перепуганного ребёнка. Теперь же он сам молил о пощаде, обещая любые богатства за возможность сохранить собственную жизнь.

— Забавно. — Юноша ухмыльнулся.

— Что?! — Растерянно вопрошает Фигель, чуть ли не пуская слезы.

— Ещё недавно ты чувствовал себя хозяином этого места. А теперь ползаешь у моих ног, словно побитая собака.

— Умоляю…

— Знаешь, Фигель, — продолжил Кастер, медленно присаживаясь перед ним, — я ведь пришёл сюда, чтобы убить человека. — Толстяк побледнел.

— Но… зачем?

— Хотел узнать, на что способен. — Хардсейм на мгновение задумался. — И, признаться, ожидал совершенно иных ощущений.

— Пожалуйста… — Фигель дрожащими руками попытался прикрыть лицо.

— А теперь посмотри на меня. — Мужчина не шевельнулся. Кастер схватил его за ворот рубахи и заставил поднять голову.

— Я сказал, посмотри. — Рявкнул он. Фигель подчинился. В его глазах отражался неподдельный ужас. — Юноша улыбнулся.

— Твоё личико никогда не будет прежним. — С безумной улыбкой, горящими глазами, произнес юный Хардсейм. Он взглянул на лезвие своего топора, протер указательным пальцем по окровавленному металлу. Еще одна ухмылка. Он отпустил воротник, поднялся и занёс топор. Фигель успел издать последний отчаянный крик. Молодой Хардсейм вон-

зал острие прямо в череп толстяка, раз за разом, пока лицо перестало было узнаваемым. Затем всё стихло. Кастер некоторое время стоял над поверженным хозяином борделя. Его грудь тяжело вздымалась, а в ушах продолжал звучать гул недавней схватки. Он медленно опустил оружие. На лице юноши застыла странная, почти безумная улыбка.

— Это всего лишь милосердие, — произнёс он, глядя на неподвижное тело. — Я освободил тебя от твоей работы. — Кастер выдержал небольшую паузу. — А теперь отдыхай, Фигель.

Из соседнего помещения донёсся испуганный всхлип. Хардсейм обернулся. Возле приоткрытой двери стояла молодая женщина. Она смотрела на него широко раскрытыми глазами, прижимая ладонь ко рту. Кастер нахмурился.

— Чего уставилась? — Женщина попятилась.

— Уходи отсюда, пока можешь, — произнёс юноша. — И остальных предупреди. — Она поспешно скрылась.

Кастер вновь взглянул на тела стражников Сердце постепенно успокаивалось, однако приятное возбуждение не покидало его. Он понимал, что только что совершил нечто, за что обычного жителя Скаггерака могли бы казнить без долгих разбирательств. Но он не был обычным жителем. Он был сыном Фридриха Хардсейма. И эта мысль почему-то придала ему ещё большей уверенности. Юноша направился обратно по коридору. У двери маленькой комнаты он остановился, вытер лезвие топора о край одежды одного из убитых охран-

ников и спрятал оружие под накидку. Лишь после этого вошёл внутрь. Эллери сидела там же, где он её оставил. Услышав шаги, девочка вздрогнула и подняла голову. При виде окровавленного незнакомца она испуганно отпрянула.

— Ты… — прошептала она. — Кастер посмотрел на собственные руки.

— Не бойся. Это не моя кровь. — Подобное объяснение, разумеется, нисколько её не успокоило. — Юноша тяжело вздохнул.

— Фигель больше тебя не тронет.

— А где он?

— Мёртв. — Эллери широко раскрыла глаза. Некоторое время она молчала, словно не могла осмыслить услышанное.

— Ты… убил его?

— Да. — Девочка опустила взгляд. Кастер ожидал увидеть радость или хотя бы облегчение, однако вместо этого заметил, как её лицо вновь исказилось от страха.

— Что с тобой?

— Они… они ведь придут за мной? — Юноша нахмурился.

— Кто?

— Другие люди Фигеля. Они знают, где живёт мой отец…

Кастер замолчал. О подобном он прежде не задумывался. Убить хозяина заведения оказалось куда проще, нежели решить, что делать с девочкой, которую тот держал в плену. Хардсейм подошёл к сундуку и поднял свою меховую накид-

ку.

— Тогда пойдёшь со мной. — Эллери недоверчиво посмотрела на него.

— Куда?

— В Скаггерак.

— Но я ведь уже…

— В крепость, — перебил её Кастер. — В дом моего отца.

— Кто твой отец? — Девочка нахмурилась. Юноша на мгновение улыбнулся.

— Фридрих Хардсейм. — Ответил он. — Эллери застыла. Имя великого конунга было известно каждому, кто проживал в северных землях. Даже в самых отдалённых поселениях рассказывали о его походах, жестоком нраве и бесчисленных победах.

— Ты… его сын?

— Как видишь.

— Надень. На улице холодно. — Девочка медленно опустила голову. Кастер протянул ей накидку. Эллери осторожно приняла одежду.

— А ты не отведёшь меня обратно? — Юноша нахмурился.

— Обратно куда? — Вопрошает он.

— К таким же людям… — Кастер некоторое время смотрел на неё, слегка недоумевая. Затем опустился перед девочкой на одно колено.

— Послушай меня внимательно, Эллери. Я не знаю, что

будет дальше. И не собираюсь обещать тебе того, в чём сам не уверен. — Он помолчал. — Но сюда ты больше не вернёшься. — Девочка всхлипнула. Кастер поднялся и направился к двери.

— Пойдём. Пока не явилась городская стража. — Эллери поспешно последовала за ним. Они спустились по лестнице, минуя опустевший зал. Ещё недавно здесь раздавались пьяные песни и весёлый смех, теперь же посетители старались не показываться из своих укрытий. Несколько женщин наблюдали за ними из дальнего угла, но никто не осмелился преградить путь. У самого выхода дорогу им попытался заступить один из оставшихся охранников. Увидев окровавленный топор в руке Кастера, мужчина остановился.

— Отойди, — произнёс Хардсейм. Охранник колебался. — Я сказал, отойди.

Мужчина медленно посторонился. Кастер толкнул дверь и вышел наружу. Холодный ветер немедленно ударил ему в лицо, заставив невольно зажмуриться. После душного помещения свежий ночной воздух казался почти обжигающим. Эллери остановилась рядом. Она плотнее закуталась в меховую накидку и посмотрела на заснеженную дорогу. Впереди, за тёмными силуэтами деревьев, виднелись редкие огни Скаггерака.

Кастер направился к городу. Девочка последовала за ним, стараясь не отставать. Некоторое время они шли молча. Снег скрипел под ногами, ветер колыхал ветви деревьев, а где-то

вдали раздавался протяжный вой голодных волков. Кастер чувствовал непривычную лёгкость. Ещё утром он был всего лишь юношей, которому старый наставник рассказывал о собственном первом убийстве. Теперь же за его спиной остались несколько мёртвых мужчин, и ни один из них не вызывал у него сожаления. Он не испытывал того отвращения, о котором говорил Вельтон. Не чувствовал и раскаяния. Напротив, ему хотелось вновь ощутить тяжесть топора в руке и увидеть страх в глазах противника. И всё же рядом с ним шла маленькая девочка, которую он мог убить, но почему-то не стал. Кастер искоса посмотрел на Эллери. Она едва поспевала за ним, время от времени спотыкаясь о скрытые под снегом камни. Юноша недовольно вздохнул и замедлил шаг.

— Ты всегда так медленно ходишь?

— Прости…

— Перестань извиняться. — Сказал он. — Эллери опустила голову. Кастер поморщился. Он совершенно не умел обращаться с перепуганными детьми. Некоторое время они продолжали путь, пока девочка не осмелилась вновь заговорить.

— А почему ты мне помог?

Хардсейм не ответил сразу. Вопрос показался ему неожиданно сложным. Он мог бы сказать, что пожалел её. Мог бы сослаться на честь своего рода или на долг перед невинными. Но ни одно из этих объяснений не казалось ему достаточно правдивым. Кастер пожал плечами.

— Не знаю. — Эллери удивлённо посмотрела на него.

— Совсем?

— Совсем. —Юноша поднял взгляд к ночному небу.

Они продолжили путь. Впереди постепенно вырастали массивные стены Скаггерака, над которыми развевались знамёна великого конунга. За ними находился родной дом Кастера, где его ожидали братья, слуги и бесконечные отцовские упрёки. Юноша невольно усмехнулся. Он ещё не представлял, каким образом объяснит появление Эллери в крепости. Но это казалось ему куда меньшей неприятностью, нежели всё произошедшее нынешней ночью. Кастер крепче сжал рукоять топора, скрытого под накидкой. Ему предстояло многое узнать о войне, смерти и собственной жестокости. Однако первый шаг уже был сделан. И теперь юный Хардсейм знал наверняка: человеческая кровь не вызывала в нём страха.

***

Суровая метель, на протяжении нескольких дней беспощадно терзавшая северные земли, наконец утратила свою прежнюю силу. Ветер, ещё недавно срывавший с деревьев тяжёлые ветви и заметавший дороги столь глубокими сугробами, что даже опытные путники не решались покидать собственные жилища, постепенно стихал. Над Северной душой вновь показалось бледное солнце, чьи лучи едва пробивались сквозь низкие, растянувшиеся над землёй облака.

Однако наступившее затишье не принесло северянам долгожданного тепла. Мороз по-прежнему сковывал землю, а бескрайние снежные равнины напоминали о том, сколь ничтожен человек перед могуществом самой природы.

Старый конунг, наконец освободившийся из снежного плена Земной обители, возвращался в родной Скаггерак. Путешествие выдалось куда тяжелее, нежели он предполагал. Несмотря на многолетний опыт и выносливость сопровождавших его воинов, дорога оказалась губительной для многих из них. Дюжина северян так и не увидела родных стен, навеки оставшись под белоснежным покровом, который с каждым новым порывом ветра становился всё толще. Одни лишились последних сил, другие сбились с пути, а некоторые замёрзли прежде, чем товарищи сумели оказать им помощь.

Фридрих не привык оплакивать каждого павшего воина. За долгие годы правления ему довелось пережить столько сражений, что лица погибших давно смешались в его памяти, превратившись в бесконечную череду воспоминаний. Однако смерть в бою и гибель посреди безмолвной снежной пустоши казались ему совершенно разными вещами. В первом случае человек мог хотя бы обнажить оружие и встретить неприятеля лицом к лицу. Во втором же ему оставалось лишь покориться беспощадной стихии, которая не знала ни чести, ни жалости. Едва вернувшись в родные земли, конунг распорядился выделить семьям погибших по мешку зерна.

Он прекрасно понимал, что подобная помощь не способна вернуть им отцов, мужей и сыновей, однако не желал допускать, чтобы их близкие погибали от голода после того, как кормильцы отдали собственные жизни на службе Скаггераку.

И всё же мысли Фридриха были заняты не только погибшими. Разговор с Винтером Варсандром продолжал отравлять его сознание. Молодой конунг Стольгрима оказался куда упрямее, нежели предполагал Хардсейм, и его притязания на власть над Северной душой вызывали у старого правителя неподдельную ярость. Фридрих слишком хорошо помнил времена, когда северные земли захлёбывались собственной кровью, а конунги, ослеплённые жаждой величия, отправляли тысячи людей на бессмысленную смерть. Он не желал вновь становиться свидетелем подобного безумия.

Однако ещё сильнее его беспокоила предстоящая война с южанами. Без кораблей Стольгрима осуществить задуманный поход было куда сложнее, и старый конунг прекрасно понимал, что рано или поздно ему придётся вновь вернуться к разговору с Винтером. Пока же оставалось надеяться на собственных сыновей. Предстоящий турнир должен был определить, кто из наследников окажется наиболее достойным сопровождать его в дальнем странствии. Фридрих желал увидеть не только силу их рук, но и выдержку, находчивость, способность преодолевать трудности, не поддаваясь страху и сомнениям. Ему хотелось верить, что хотя бы один

из сыновей сумеет стать тем человеком, которому однажды можно будет доверить судьбу Скаггерака.

Когда впереди наконец показались крепостные стены, старый конунг почувствовал непривычное облегчение. Скаггерак возвышался над заснеженным побережьем, словно древний исполин, сумевший пережить бесчисленные зимы. Массивные укрепления, возведённые из камня и крепких деревянных брёвен, тянулись вдоль возвышенности, защищая расположившиеся за ними жилища от вражеских набегов и свирепых северных ветров. На сторожевых башнях развевались знамёна Хардсеймов, а возле главных ворот дежурили вооружённые дружинники, укутанные в тяжёлые меховые плащи. За стенами постепенно пробуждалась привычная жизнь. Рабочие расчищали улицы от снега, кузнецы вновь принимались за ремесло, а торговцы, переждавшие непогоду в собственных домах, открывали лавки. Над крышами поднимались тонкие струйки дыма, которые, подхваченные ветром, растворялись в сером небе. Вдали виднелись пристани, где у причалов покачивались драккары, ожидавшие наступления более благоприятных дней.

Скаггерак пережил метель. И для Фридриха это было куда важнее любых торжественных приветствий. У ворот конунга уже ожидали сыновья. Первым навстречу отцу поспешил Рассел. На лице старшего наследника появилась искренняя улыбка, которую он даже не попытался скрыть. Фридрих крепко обнял его и провёл ладонью по русым волосам, на

мгновение позабыв о собственной усталости.

— Отец, — произнёс Рассел, отступив на шаг. — Я нестерпимо ожидал твоего возвращения в нашу родную обитель. Рад видеть, что ты добрался в добром здравии.

— Благодарю, сын мой, — ответил Фридрих.

Он задержал взгляд на лице старшего наследника, а затем посмотрел на остальных. Позади стоял Эйрик, который, вопреки обыкновению, не спешил отпускать язвительные замечания и не пытался привлечь к себе внимание. Его лицо казалось необычайно спокойным, однако в глазах проскальзывало беспокойство, которое он тщетно старался скрыть.

— Отец, — коротко произнёс Эйрик, почтительно склонив голову. — С возвращением.

— Рад видеть и тебя, — ответил конунг.

Эйрик лишь кивнул. После встречи с Цезаком Ортеном ему становилось всё труднее смотреть в глаза собственному отцу. Всякий раз, когда Фридрих обращался к нему, юноше чудилось, будто старый конунг уже обо всём догадался и теперь лишь выжидает подходящего мгновения, чтобы потребовать объяснений. Но отец не задавал никаких вопросов, и от этого тревога Эйрика становилась лишь сильнее.

Кастер же держался несколько поодаль. Прислонившись плечом к холодной каменной стене, он с показным безразличием стряхивал с одежды невидимые пылинки. На его лице не было ни радости, ни желания приблизиться к вернувшемуся отцу. Лишь едва заметная ухмылка время от времени

касалась губ юноши. Фридрих обратил на него внимание, однако ничего не сказал. Кастер также предпочёл промолчать.

— Расскажи мне, Рассел, — заговорил конунг, вновь повернувшись к старшему сыну. — Как вы пережили это время без меня? Всё ли в порядке? Как чувствует себя Март?

— Март в здравии, отец. Во всяком случае, ему значительно лучше, нежели было до твоего отъезда. На днях он вновь собирается отправиться к Хранителю. Уж очень соскучился по своим знаниям. — Фридрих тяжело вздохнул.

— К Афроду?

— Именно.

— Неугомонный мальчишка. — В голосе старого конунга прозвучало не столько раздражение, сколько усталое беспокойство.

— Ему следовало бы ещё некоторое время провести дома. После всего произошедшего я не желаю, чтобы он вновь подвергал себя опасности.

— Я говорил ему об этом, — ответил Рассел. — Однако ты ведь знаешь нашего младшего брата. Если Март что-либо задумал, переубедить его практически невозможно. — Фридрих невольно усмехнулся.

— В этом он пошёл в меня. — Рассел позволил себе короткую улыбку, после чего продолжил:

— Что касается Эйрика, то здесь всё осталось по-прежнему. Он предаётся плотским утехам, злоупотребляет выпивкой, а служанки постоянно жалуются на его поведение. По-

лагаю, твоё отсутствие лишь придало ему ещё большей уверенности в собственной безнаказанности. — Конунг нахмурился. Он посмотрел туда, где ещё недавно стоял Эйрик, однако младший сын уже успел незаметно покинуть общество родственников.

— В нём я и не сомневался, — мрачно произнёс Фридрих. — Когда-нибудь этот мальчишка окончательно погубит себя. — Рассел промолчал. Он и без того прекрасно понимал, насколько разочарован отец поведением Эйрика, и не желал ещё сильнее усугублять его раздражение.

— А сам ты как? — спросил конунг, переводя разговор на другую тему. — Готовишься к предстоящему турниру?

— Несомненно, отец. — Рассел выпрямился.

— Во время твоего отсутствия я полностью отдался тренировкам, поскольку намереваюсь доказать тебе свою силу и храбрость, которые будут необходимы нам в походе на Южные земли. Однако я не забывал и о делах Скаггерака. — Они неспешно направились к длинному дому, возвышавшемуся над остальными постройками поселения.

— По моему приказу рабочие осмотрели крепостные стены, — продолжил старший наследник. — Там, где обнаружились расщелины, мы заделали их раствором и укрепили повреждённые участки. Особенно много работы оказалось возле северной башни, поскольку метель нанесла ей немалый ущерб. Я также распорядился расчистить основные дороги, чтобы жители могли беспрепятственно добираться до при-

станей и торговых рядов. — Фридрих слушал сына с возрастающим удовлетворением.

— А что с запасами?

— Мы сумели сохранить большую часть зерна. Конечно, зима ещё не закончилась, и расходовать припасы придётся осторожно, однако голод нам пока не угрожает. Жители благополучно пережили непогоду и теперь с нетерпением ожидают турнира. — Рассел ненадолго умолк, разглядывая оживлённые улицы.

— Если говорить в общих чертах, отец, жизнь в Скаггераке продолжается. — Старый конунг одобрительно кивнул. Именно таких слов он и желал услышать.

Рассел обладал качествами, которых Фридрих тщетно пытался добиться от остальных сыновей. Он был рассудителен, прилежен, уважал традиции своего народа и, что самое главное, понимал, насколько тяжёлым бременем являлась власть. Старый конунг видел в нём будущего наследника, способного однажды занять трон Скаггерака и продолжить дело предков. Кастер, следовавший неподалёку, едва заметно поморщился. Ему наскучили бесконечные рассказы старшего брата о проделанной работе. Рассел всегда умел находить нужные слова, особенно когда дело касалось отцовского расположения. Казалось, даже самые незначительные собственные достижения он мог преподнести таким образом, что Фридрих непременно находил повод для похвалы.

Кастер не сомневался в том, что старший брат действи-

тельно многое сделал для Скаггерака. И именно это раздражало его сильнее всего. Рассел не просто умел говорить о долге. Он исполнял его, причём с таким усердием, что младшему брату становилось всё труднее отыскать недостатки в его поступках.

С самого детства они соперничали друг с другом, стремясь превзойти один другого в воинском искусстве, выносливости и отваге. Однако чем старше становились братья, тем заметнее проявлялась разница между ними. Рассел желал заслужить право управлять народом, тогда как Кастер прежде всего стремился доказать, что ничем не уступает человеку, которому это право, казалось, было обещано самим рождением. И теперь, слушая очередную похвалу отца, юноша испытывал знакомое, почти мучительное чувство досады.

— Замечательно, — наконец произнёс Фридрих. — Я рад слышать, что ты способен справляться с государственными делами даже в моё отсутствие. Это сложное, но достойное умение, сын мой. И куда более важное, нежели тебе сейчас кажется. — Рассел почтительно склонил голову.

— Я лишь исполнял свой долг, отец.

— Вот именно. — Конунг остановился перед массивными дверями семейных чертогов.

— Многие способны обнажить меч, когда их зовут на сражение. Но далеко не каждый сумеет позаботиться о людях, когда вокруг не слышно звона стали. Запомни это, Рассел.

— Запомню. — Фридрих положил тяжёлую ладонь на плечо старшего сына.

— Мне необходимо переговорить с вождями. Осталось согласовать некоторые вопросы, касающиеся предстоящего турнира, и я не желаю откладывать это до последнего дня. — Он на мгновение задержал взгляд на Расселе.

— Спасибо тебе, сын мой. Я горжусь тобой. — Лицо юноши озарилось сдержанной, но совершенно искренней улыбкой. Эти слова значили для него куда больше любых почестей, которые он мог получить за победу на турнире. Фридрих направился к ожидавшим его советникам, а Рассел, проводив отца взглядом, поднялся по ступеням и вошёл в длинный дом. Внутри было значительно теплее. Из главного зала доносился треск поленьев, горевших в широком очаге, а по коридорам распространялся запах приготовленной пищи. Рассел уже собирался отправиться в собственные покои, когда заметил у выхода знакомую невысокую фигуру. Март, закутавшийся в тёплую одежду, торопливо собирал свои вещи, явно намереваясь покинуть семейные чертоги. Старший брат остановился.

— Куда собрался? — поинтересовался Рассел, остановившись возле младшего брата. — Март вздрогнул от неожиданности и поднял на него свои серые глаза. Белокурые волосы мальчишки растрепались, пока он торопливо укладывал вещи в небольшую дорожную сумку. На скамье рядом с ним лежала потрёпанная кожаная тетрадь бурого цвета, ко-

торую он особенно бережно оберегал от посторонних глаз.

— Ты сам знаешь, — угрюмо ответил маленький принц, вновь принявшись за сборы. — Рассел нахмурился.

— Вновь отправляешься к Хранителю? Отец недоволен твоим упрямством, Март. Он только что вернулся, а ты даже не удосужился его поприветствовать. К тому же ты ещё недостаточно окреп после случившегося. — Март недовольно поджал губы. Он и сам прекрасно понимал, что старший брат говорит вполне разумные вещи, однако провести ещё несколько дней взаперти казалось ему куда более мучительным испытанием, нежели путешествие через заснеженный лес.

— Я давно не занимался, Рассел. Слишком давно. Вьюга наконец стихла, и теперь мне ничто не мешает вернуться к Афроду. Отец не станет сердиться, уверяю тебя.

— Станет, — без малейшего сомнения возразил старший наследник. — И я его прекрасно понимаю. Ты едва пришёл в себя после того странного происшествия, а уже намереваешься отправиться неизвестно куда, словно ничего не произошло. — Март взял кожаную тетрадь и на мгновение задержал на ней взгляд.

На пожелтевших страницах были изображены причудливые символы, происхождение которых оставалось загадкой даже для него самого. Некоторые напоминали древние письмена, встречавшиеся в старинных сказаниях, другие же казались совершенно чуждыми всему, что мальчику прежде до-

водилось видеть. Он мог часами разглядывать эти знаки, пытаясь отыскать в них хоть какую-нибудь закономерность, однако всякий раз оставался ни с чем. Именно поэтому ему так не терпелось увидеть Афрода.

— Ты не понимаешь, — тихо произнёс Март.

— Тогда объясни мне. — Мальчик поднял глаза на брата, но почти сразу отвёл их в сторону. Он хотел рассказать Расселу о собственных сновидениях, о странных ощущениях, преследовавших его после потери сознания, и о том человеке, чей образ всё чаще возникал перед ним в темноте. Однако стоило представить, как старший брат отреагирует на подобные признания, и желание откровенничать мгновенно исчезало. Рассел наверняка решил бы, что Март всё ещё болен. А затем и вовсе запретил бы ему покидать крепость.

— Просто мне необходимо продолжить занятия, — наконец ответил он. — Старший наследник тяжело вздохнул.

— Останься дома хотя бы на неделю. Отдохни, набери сил, а затем уже отправляйся к своему Хранителю. Неужели это настолько сложно? — Март упрямо покачал головой.

— Я должен идти сегодня.

Рассел некоторое время смотрел на него, не находя подходящих слов. В отличие от Кастера и Эйрика, младший брат редко вступал в открытые споры и почти никогда не стремился причинить кому-либо неприятности. Однако за его внешней кротостью скрывалось удивительное упрямство, которое порой выводило Рассела из себя куда сильнее,

нежели выходки остальных.

— Даже на турнире не останешься? — спросил он, скрестив руки на груди.

— Нет. Мне это неинтересно.

— Наш отец устраивает его ради будущего похода. Неужели тебе совершенно безразлично, кто из нас отправится на Юг? — Март застегнул сумку.

— Я желаю вам всем удачи, Рассел. Но мне не хочется смотреть, как вы вновь пытаетесь доказать друг другу, кто сильнее. — Эти слова неприятно задели старшего наследника. Он собирался возразить, однако мальчик уже подхватил вещи и направился к выходу.

— Март! — Тот остановился.

— Хотя бы возьми с собой кого-нибудь из дружинников.

— Я знаю дорогу.

— Речь вовсе не о дороге! — Март обернулся и слабо улыбнулся.

— Со мной ничего не случится. — Рассел не успел ответить. Младший брат вышел наружу, оставив его одного посреди просторного коридора. Некоторое время старший наследник неподвижно смотрел на закрывшуюся дверь. Он искренне желал, чтобы между братьями царило согласие, однако с каждым прожитым годом подобная надежда казалась ему всё менее осуществимой. Эйрик предпочитал собственные удовольствия, Кастер не желал признавать чужого превосходства, а Март всё глубже погружался в мир древних

знаний, о котором остальные практически ничего не ведали.

Рассел тяжело вздохнул. Он мечтал однажды объединить их всех. Но порой ему казалось, что даже собственная семья постепенно становится для него непостижимой загадкой. Сожжённый лес встретил маленького принца непривычным безмолвием. После продолжительной метели его тропы практически исчезли под толстым снежным покровом. Ветви вековых деревьев сгибались под тяжестью белоснежных шапок, а низкие кустарники и поваленные стволы образовывали причудливые очертания, едва различимые среди однообразного зимнего пейзажа. Там, где прежде пролегали узкие дорожки, теперь возвышались сугробы, порой достигавшие Марту пояса. Несмотря на это, мальчик продолжал путь. Он хорошо знал здешние места. За годы, проведённые под наставничеством Афрода, ему довелось бесчисленное множество раз пересечь эти земли, и даже теперь, когда привычные ориентиры скрылись под снегом, он без особого труда узнавал знакомые деревья и повороты. Однако холод постепенно брал своё.

Март плотнее закутался в меховую одежду, стараясь уберечь лицо от пронизывающего ветра. Его сапоги промокли, пальцы почти перестали слушаться, а дыхание превращалось в небольшие облачка пара, которые мгновенно исчезали в морозном воздухе. Временами ему чудилось, будто за спиной раздаются чьи-то шаги. Он останавливался, прислушивался и осторожно оглядывался по сторонам, однако ви-

дел лишь заснеженные деревья, неподвижно возвышавшиеся над лесной тропой. Мальчик пытался убедить себя, что всё это лишь последствия недавнего недомогания. Но с каждым новым шагом тревога становилась сильнее. Перед глазами вновь возникал образ незнакомца, облачённого во всё серое. Март не мог припомнить его лица с достаточной ясностью. Стоило попытаться сосредоточиться на отдельных чертах, как воспоминание начинало расплываться, словно отражение в воде, потревоженной внезапным порывом ветра. И всё же он был уверен, что видел этого человека. Не только во сне. От подобной мысли по спине пробежал неприятный холодок.

Мальчик ускорил шаг. К тому времени, когда среди деревьев наконец показалась небольшая лачуга Хранителя Разлома, силы практически оставили его. Он едва сумел преодолеть последние несколько десятков шагов и, приблизившись к двери, принялся отчаянно стучать окоченевшими пальцами.

— Афрод! — позвал он дрожащим голосом. — Афрод, открой! — Внутри послышалось движение.

— Кого ещё принесло в такую погоду?! — донёсся раздражённый голос старца. Дверь распахнулась. — На пороге появился седовласый Хранитель, закутанный в тёплую одежду. Увидев стоявшего перед ним мальчика, он изумлённо вскинул брови.

— Март?! — Маленький принц попытался улыбнуться,

однако губы его почти не слушались.

— Т-ты… вернулся… Я… я ждал тебя… — Афрод несколько мгновений смотрел на него, словно не веря собственным глазам. Затем схватил мальчика за плечо и поспешно втянул внутрь.

— Да ты совсем рассудка лишился! — воскликнул старец, захлопывая дверь. — Кто позволил тебе отправляться сюда одному?! — Март хотел ответить, но вместо слов из его уст вырвался лишь слабый стон.

Афрод усадил его возле холодного камина, после чего торопливо принялся разжигать огонь. Сухие поленья долго не желали заниматься, однако вскоре среди них появились первые языки пламени, постепенно наполнившие небольшое помещение приятным теплом.

— Снимай мокрые сапоги! И эту одежду тоже! — распоряжался Хранитель, подкладывая новые дрова. — Ты ведь знаешь, чем может закончиться подобное безрассудство? Ещё немного, и я нашёл бы тебя замёрзшим посреди леса!

— Я… хотел получить новые знания, — виновато произнёс Март. — Афрод резко обернулся.

— Знания?! — Он всплеснул руками.

— Глупец! Мы только-только завершили свои дела, а ты уже явился сюда! Один! После такой метели! Да ещё и в то время, когда возле обители собираются войска Стольгримца! — Старец прошёлся по комнате, раздражённо поглаживая длинную седую бороду.

— Ужас! Настоящий ужас! Твой отец, должно быть, с ума сходит от беспокойства!

— Прости… — Март опустил голову. Афрод остановился. Некоторое время он молча смотрел на маленького принца, который сидел перед камином, протягивая к огню покрасневшие от холода руки. Раздражение постепенно уступило место тревоге.

— Ладно уж, — наконец пробормотал Хранитель. — Сиди здесь. Домой я тебя сегодня не отпущу, иначе окончательно заболеешь. Но отцу твоему непременно сообщу, где ты находишься. — Он приблизился к письменному столу, заваленному пергаментами, книгами и различными письменными принадлежностями, после чего взял небольшой лист и принялся торопливо выводить на нём несколько строк. Март молча наблюдал за наставником. Закончив послание, Афрод свернул пергамент, закрепил его на лапке белой совы и подошёл к окну. Птица недовольно встряхнула крыльями, однако, стоило старцу распахнуть ставни, немедленно устремилась в морозный воздух.

— Вот теперь твой отец хотя бы будет знать, что ты жив, — проворчал Хранитель, возвращаясь к камину. — Март помолчал.

— Афрод…

— Слушаю.

— Мои сны… — Старец обернулся.

— Что сны? — Мальчик неуверенно поднял глаза.

— Последнее время мне снятся странные вещи. Очень странные. И я… я не понимаю, что они означают. — Афрод нахмурился. Он подошёл к ученику и приложил ладонь к его лбу.

— Температуры вроде нет. Благодари Создателя, что сегодня он оказался к тебе благосклонен.

— Я серьёзно! — Март осторожно отстранил руку наставника.

— Мне снятся видения. Иногда я вижу отца, но не таким, каким знаю его сейчас. Будто проживаю рядом с ним совершенно другую жизнь. — Афрод перестал улыбаться.

— И что же ты видишь? — Мальчик некоторое время собирался с мыслями.

— Корабли. Много кораблей. Я вижу южан, какие-то незнакомые земли и крепость, к которой подступает мой отец. Всё кажется таким настоящим, словно я действительно нахожусь там. — Он запнулся. Перед глазами вновь возникли обрывки сновидения. Холодные каменные стены. Чужие голоса. Фигура Фридриха, которую он узнавал без малейшего сомнения, хотя происходившее вокруг совершенно не походило на известные ему воспоминания.

— И?.. — осторожно спросил Афрод. — Март покачал головой.

— Не знаю. Дальше всё становится слишком запутанным. — Хранитель опустился на край кровати.

— Возможно, это всего лишь сны, юный принц. Ты много

думаешь о предстоящем походе, слышишь разговоры отца и братьев. Разум порой способен создавать удивительные картины из того, что мы видели и слышали прежде.

— Нет, — упрямо возразил Март. — Это не просто сны. — Афрод внимательно посмотрел на него.

— Почему ты так уверен? — Мальчик опустил голос.

— Потому что я видел мужчину, облачённого во всё серое. — В комнате воцарилось молчание. За окном ветер вновь зашевелил заснеженные ветви, а в камине с треском раскололось полено.

— Мужчину? — переспросил Хранитель. — Март кивнул.

— Я не могу вспомнить его лицо. Но мне кажется, будто он наблюдает за мной. Иногда я вижу его во сне, а иногда… — Он замолчал. Афрод слегка подался вперёд.

— Иногда что?

— Иногда мне кажется, что он находится совсем рядом. — Старец нахмурился.

— Скорее всего, это лишь последствия твоего недавнего недомогания. Однако ты упомянул ещё кое-что. Сказал, будто проживаешь другую жизнь. Как именно это происходит? — Март задумался.

— Мне кажется, будто я отделяюсь от собственного тела. Словно поднимаюсь над ним и начинаю парить под самым потолком. Я вижу всё вокруг, но не могу пошевелиться или позвать кого-нибудь на помощь. — Он поёжился.

— И ещё слышу шум. Очень громкий. Такой, будто множество голосов одновременно пытаются что-то мне сказать, но я не могу разобрать ни единого слова. — Афрод слушал, не перебивая.

— Порой мне кажется, — продолжил мальчик, — что именно из-за этого я и потерял сознание перед отъездом отца. — Он коснулся виска.

— А когда прихожу в себя, почти ничего не помню. — Хранитель некоторое время молчал. Его взгляд невольно опустился на кожаную тетрадь, лежавшую возле сумки Марта.

— Покажи мне свои записи. — Мальчик поспешно подал её наставнику. Афрод раскрыл тетрадь и принялся внимательно разглядывать причудливые символы, покрывавшие пожелтевшие страницы. Он уже видел их прежде. И всё же теперь, после рассказа Марта, некоторые знаки казались ему особенно тревожными.

— Если это действительно то, о чём я думаю… — пробормотал старец.

— Что? — немедленно спросил мальчик. — Афрод провёл пальцем вдоль одной из рун.

— Возможно, они имеют отношение к древним письменам первых лимов. — Март подался вперёд.

— Значит, ты знаешь, что они означают?!

— Нет, — ответил Хранитель. — И именно это меня беспокоит. — Он перевернул страницу.

— Я встречал упоминания о подобных символах в старинных трудах, однако их значения давно утрачены. Даже среди сохранившихся архивов почти не осталось сведений, позволяющих установить их истинное предназначение.

— Но ведь ты сможешь разобраться? — Афрод тяжело вздохнул.

— Возможно. Если поднимем старые записи, сравним известные начертания и отыщем хотя бы несколько совпадений. Однако я не стану обещать тебе того, в чём сам не уверен. — Март опустил взгляд. Ему хотелось получить ответы немедленно. Вместо этого загадка становилась лишь сложнее.

— Тогда что мне делать? — Хранитель закрыл тетрадь.

— Для начала — отдохнуть. — Он поднялся и приблизился к небольшой полке, на которой хранились высушенные растения, аккуратно разложенные по глиняным сосудам и полотняным мешочкам. Среди них находились листья снежной капли, собранные в северных землях, а также несколько трав, названия которых Марту были совершенно неизвестны. Афрод отобрал небольшую порцию, завернул её в чистую ткань и протянул ученику.

— Добавляй это в чайный отвар перед сном. Возможно, тебе удастся наконец выспаться без столь тревожных видений. — Март осторожно принял свёрток.

— Хорошо.

— И не вздумай самостоятельно увеличивать количество

трав, — строго добавил старец.

— Я знаю твою привычку торопить события. — Мальчик слабо улыбнулся. — Афрод вернулся к письменному столу.

— Сегодня останешься у меня. А завтра утром мне необходимо отправиться в Скаггерак на турнир. Пойдёшь со мной?

— Нет, — ответил Март. — Мне это неинтересно. — Хранитель посмотрел на него поверх плеча.

— Даже ради братьев? — Мальчик отрицательно покачал головой.

— Пусть они соревнуются. Я всё равно не собираюсь участвовать. — Афрод не стал настаивать. Он и сам прекрасно понимал, насколько далёк младший сын Фридриха от стремлений остальных наследников. Там, где Рассел видел долг, Кастер — возможность доказать собственное превосходство, а Эйрик — очередное развлечение, Март искал лишь ответы на вопросы, которые большинству северян показались бы совершенно бессмысленными. Старец протянул руку к верхней полке и снял оттуда тяжёлый альманах в потёртом кожаном переплёте. Март сразу оживился.

— Что это?

— Один из старых сборников, посвящённых древним символам, — ответил Афрод, осторожно сдувая пыль с обложки. — Не уверен, что он поможет нам, однако некоторые начертания вполне могут оказаться знакомыми. — Он уселся возле камина и раскрыл книгу.

— Ну что, юный принц? Попробуем разобраться в твоих загадочных рунах? — Март придвинулся ближе.

— Я не против. — За окнами постепенно сгущались сумерки. Ветер вновь завывал среди деревьев Сожжённого леса, заставляя скрипеть старые стены лачуги, однако внутри было тепло и спокойно. Огонь освещал страницы древнего альманаха, над которым склонились седовласый Хранитель и его юный ученик.

Март внимательно следил за движением пальца наставника, сравнивая изображения в книге с собственными записями. Впервые за долгое время он чувствовал себя почти счастливым. Но где-то в глубине сознания продолжал жить образ человека в сером. И сколько бы мальчик ни старался сосредоточиться на древних письменах, ему никак не удавалось избавиться от ощущения, что однажды незнакомец вновь появится перед ним. Только тогда он, возможно, уже не исчезнет вместе с пробуждением.

Глава 5. Турнир наследников

Северная душа.

Оказавшись в собственных покоях, Кастер поспешно избавился от одежды, в которой ещё недавно покидал злополучный бордель. На тёмной ткани виднелись засохшие пятна крови, а меховая накидка успела пропитаться неприятным запахом сырости, дыма и человеческого пота. Юноша небрежно скомкал её вместе с остальными вещами и затолкал под кровать, решив избавиться от всего позднее, когда появится подходящая возможность. Затем он подошёл к широкому умывальнику, наполненному ледяной водой, и принялся тщательно отмывать руки.

Вода быстро помутнела. Кастер некоторое время наблюдал за тем, как с его пальцев исчезают последние следы произошедшего, после чего зачерпнул полную пригоршню и ополоснул лицо. Холод заставил его невольно зажмуриться, однако даже теперь, когда всё осталось позади, воспоминания о случившемся продолжали вызывать в нём странное возбуждение.

Он убил человека. И не одного. Прежде Кастер полагал, что подобное деяние непременно оставит в душе неизгладимый след, однако теперь всё представлялось совершенно иначе. Он не слышал голосов убитых, не видел их лиц всякий раз, когда закрывал глаза, и не испытывал того мучительного

раскаяния, о котором рассказывал Вельтон Резорский. Напротив, юноше казалось, будто он наконец избавился от чего-то, долгие годы сковывавшего его изнутри. Он больше не был тем мальчишкой, который лишь грезил о сражениях. Теперь ему довелось собственноручно пролить кровь.

Кастер надел белоснежную рубашку, натянул кожаные штаны и принялся зашнуровывать потрескавшиеся ботинки. Закончив приготовления, он задержался возле небольшого зеркала, висевшего над деревянным сундуком. Оттуда на него смотрел всё тот же юный Хардсейм. Те же голубые глаза, светлые волосы и знакомая самоуверенная ухмылка. Лишь взгляд казался несколько иным. Кастер усмехнулся собственному отражению и направился к выходу. Вечер уже вступил в свои права, а из медового зала доносились многочисленные голоса. Фридрих распорядился собрать ярлов, дружинников и наиболее уважаемых жителей Скаггерака, чтобы объявить о дальнейших планах и окончательно утвердить условия предстоящего турнира. Юноша спустился по лестнице и вскоре оказался среди собравшихся. Медовый зал был наполнен теплом и светом. В широких каменных очагах пылали огромные поленья, отбрасывая на стены причудливые тени, а вдоль массивных деревянных столов стояли многочисленные скамьи, занятые воинами, ярлами и старейшинами. Под высокими потолочными сводами висели знамёна Хардсеймов, рядом с которыми покоились трофейные щиты и оружие, добытые во время прежних похо-

дов. Воздух был пропитан запахами жареного мяса, свежего хлеба и крепкой медовухи. Слуги сновали между столами, наполняя серебряные кубки и глиняные кружки, а в дальнем углу несколько музыкантов пытались заглушить шум бесконечных разговоров незатейливой мелодией.

Кастер не успел отыскать свободного места, как рядом с ним появился Эйрик. В руке младшего брата находился серебряный кубок, доверху наполненный элем. Его лицо украшала довольная улыбка, однако в глазах проскальзывало нечто такое, что сразу заставило Кастера насторожиться.

— Ну как всё прошло? — поинтересовался Эйрик, приблизившись к нему. — Кастер медленно повернул голову.

— Превосходно. — Он улыбнулся, обнажив белоснежные зубы. Эйрик усмехнулся.

— Видимо, она тебе сильно понравилась.

— С чего ты взял?

— Да так, — протянул младший брат, сделав несколько глотков из кубка. — Просто решил поинтересоваться. Не каждый день наш доблестный Кастер посещает подобные заведения. — Хардсейм нахмурился.

— Говори прямо, Эйрик. — Буркнул Кастер. — Тот негромко рассмеялся.

— Что ж, изволь. — Он приблизился к брату и несколько понизил голос.

— Я видел тебя ночью. — после сказанного Кастер перестал улыбаться.

— И что с того?

— Видел, как ты возвращался. Причём не один, а с какой-то девицей. Сначала я решил, что ты просто обзавёлся новой знакомой, однако наутро мне довелось услышать весьма любопытные новости. — Эйрик выдержал небольшую паузу, наслаждаясь вниманием брата.

— В борделе Фигеля произошло побоище. Несколько человек мертвы, сам хозяин также отправился к праотцам, а одна из его девиц бесследно исчезла. Забавное совпадение, не находишь? — Кастер равнодушно пожал плечами.

— Мне ничего неизвестно. — Он дернул бровями.

— Разумеется. — Эйрик прищурился.

— А мне вот известно достаточно многое. — Некоторое время братья молча смотрели друг на друга.

Кастер пытался определить, насколько серьёзны намерения Эйрика. Тот никогда не отличался особенной приверженностью семейным обязанностям, однако обладал неприятной привычкой вмешиваться в чужие дела, особенно когда представлялась возможность воспользоваться обнаруженной тайной.

— Если желаешь обвинить меня в чём-либо, — наконец произнёс Кастер, — то лучше сделай это сейчас. — Эйрик улыбнулся.

— Обвинить? Тебя? Да помилуют меня боги зимы! Я всего лишь интересуюсь судьбой собственного брата.

— Тогда оставь свои расспросы.

— Как пожелаешь. — Младший Хардсейм вновь пригубил эль.

— Хотя, признаться, никогда не думал, что именно ты решишься вытащить девчонку из подобного места. Я-то полагал, что ты отправился туда совсем за другим. — Кастер резко повернулся к нему.

— Закрой рот. — Эйрик приподнял брови.

— Вот как? Значит, всё-таки угадал?

Юноша почувствовал, как пальцы невольно сжимаются в кулак. Ещё совсем недавно подобная насмешка могла бы закончиться обыкновенной перебранкой. Теперь же в сознании Кастера промелькнула куда более неприятная мысль. Он прекрасно помнил, насколько легко оказалось заставить замолчать охранников Фигеля. Но Эйрик был его братом. Кастер отвернулся.

— Ты слишком много пьёшь. — Подметил он.

— А ты, как погляжу, слишком многое скрываешь. — Эйрик довольно ухмыльнулся и перевёл взгляд в сторону возвышавшегося в дальнем конце зала трона.

— Впрочем, не стану портить тебе вечер. Наш дорогой отец, кажется, собирается произнести очередную великую речь. — На это Кастер выдал лишь ухмылку и предался безмолвию. Он взял со стола металлический кубок, привезённый когда-то с южных земель, и некоторое время разглядывал собственное отражение на его отполированной поверхности. Лицо казалось совершенно спокойным.

***

Фридрих Хардсейм восседал на своём троне, окружённый наиболее приближёнными советниками и прославленными воинами. Несмотря на тяжёлое путешествие и пережитую метель, старый конунг держался с привычным величием, не позволяя окружающим заметить ни усталости, ни сомнений. На его плечах покоился роскошный меховой плащ, скреплённый тяжёлой серебряной застёжкой. Под ним виднелись богато украшенные одежды, достойные правителя северных земель. Седина, всё заметнее проступавшая среди волос, лишь подчёркивала суровость его облика. Перед троном стоял Рассел. Старший наследник с нетерпением ожидал начала тинга. Он прекрасно понимал, что предстоящий разговор определит не только судьбу похода, но и ближайшее будущее всех сыновей Фридриха. Когда последние голоса постепенно стихли, конунг поднялся. В зале воцарилось почтительное молчание.

— Славные ярлы, доблестные воины и жители Скаггерака! — громогласно произнёс Фридрих. — Я благодарю каждого, кто явился сегодня в эти чертоги. Наш народ пережил очередное испытание, которое суровые северные земли послали нам, словно желая вновь проверить нашу стойкость. — Он обвёл присутствующих тяжёлым взглядом.

— Многие зимы мы терпели голод и холод. Многие поколения наших предков проливали кровь за право жить на этой земле, возводили крепости, строили корабли и защища-

ли собственные семьи от врагов. Но даже после всех одержанных побед мы по-прежнему вынуждены сражаться с самой природой. — Среди собравшихся послышались одобрительные возгласы. Фридрих поднял руку, призывая к тишине. — Я не желаю, чтобы наши дети и внуки обрекали себя на те же страдания, что выпали нам. Не желаю видеть, как старики умирают от голода, а молодые воины замерзают посреди бескрайних пустошей, так и не успев обнажить собственное оружие. — На мгновение перед его глазами возникли лица двенадцати дружинников, погибших во время возвращения из Земной обители. — Конунг нахмурился.

— Поэтому настало время действовать. — Рассел невольно подался вперёд.

— Когда, отец? — спросил он, не сумев сдержать нетерпения. — Фридрих посмотрел на первенца и довольно улыбнулся.

— Следующая полнолуния. — По залу прокатился гул.

— Через две недели мы отправимся в дальнее странствие, которое, я уверен, принесёт плоды для нашего будущего выживания. Мы соберём небольшое войско, подготовим необходимые припасы и направимся к южным землям. Этот поход станет лишь началом задуманного. — Конунг выдержал паузу. — Когда же наши драккары будут готовы принять куда более многочисленную дружину, мы вернёмся с новыми силами. Возведём поселения, укрепим наши владения и положим начало новой жизни, свободной от извечных северных

холодов! — Несколько ярлов одобрительно застучали кулаками по столам. Однако Фридрих продолжал:

— Я не стану обещать вам лёгких побед. Южные земли не распахнут перед нами ворота лишь потому, что мы устали от собственных зим. Нам придётся сражаться, терять товарищей и вновь доказывать, что северяне достойны того, чтобы их имена помнили потомки. — Он медленно обнажил меч. Сталь сверкнула в свете многочисленных факелов.

— Но если мы останемся едины, если каждый будет помнить, ради чего обнажает оружие, никакие преграды не смогут навеки остановить нас! — Фридрих поднял клинок над головой.

— За наших предков! За наших потомков! За Скаггерак!

— За Скаггерак! — грянуло в ответ.

Многочисленные голоса слились в единый оглушительный рёв. Воины поднимались со своих мест, размахивали оружием, ударяли кубками о столы и выкрикивали имя конунга. Некоторые ярлы, охваченные воодушевлением, обнимали соседей, словно грядущий поход уже завершился великой победой.

— Слава конунгу Фридриху! — раздавалось со всех сторон. — Рассел стоял неподвижно, ощущая, как по спине пробегают мурашки. Он смотрел на отца с неподдельным восхищением. Перед ним возвышался человек, которому удалось объединить вокруг себя столь разных людей, заставить их позабыть о прежних разногласиях и вновь поверить в

возможность лучшего будущего. Именно таким правителем Рассел мечтал однажды стать. Он повернулся к братьям.

— Они любят его, — произнёс юноша, не скрывая волнения. — Это удивительно. Не думаю, что когда-нибудь на трон Скаггерака взойдёт правитель лучше нашего отца. — Эйрик, стоявший неподалёку, лукаво улыбнулся.

— Они ещё не познали достойного правителя, — ответил он. — Но скоро это произойдёт. — Рассел нахмурился.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ничего особенного, братец. — Эйрик развёл руками и, продолжая улыбаться, растворился среди ликующих воинов. Кастер проводил его взглядом.

— Ещё познают, — негромко повторил он, сделав несколько глотков из кубка. — Рассел посмотрел на него. Но прежде чем он успел что-либо ответить, голос Фридриха вновь разнёсся по залу.

— А теперь, сыновья мои, настало время объявить о событии, которого многие из вас ожидали с особенным нетерпением! — Конунг вложил меч в ножны и снял с шеи серебряную цепочку. На ней покоился древний волчий клык. Реликвия Хардсеймов.

— Завтра состоится долгожданный турнир между моими сыновьями, — продолжил Фридрих. — В состязаниях будут испытаны их выносливость, находчивость и воинское мастерство. — Он поднял клык, позволяя собравшимся разглядеть его.

— Двое лучших по итогам состязаний будут удостоены чести сопровождать меня в походе на Франбург. А победитель турнира получит право хранить древний символ нашего рода, передававшийся из поколения в поколение на протяжении более сотни лет! — Зал вновь наполнился возгласами. Для большинства присутствующих турнир являлся прежде всего зрелищем, возможностью увидеть, насколько достойны наследники Фридриха славы собственного отца. Но для трёх братьев значение предстоящего испытания было куда глубже. — Рассел смотрел на волчий клык, едва замечая происходившее вокруг. Он уже представлял, как выходит из состязаний победителем, как отец с гордостью кладёт руку ему на плечо, а народ приветствует его как будущего конунга.

— Им стану я, — едва слышно прошептал юноша. Кастер, находившийся поодаль, также не сводил взгляда с фамильной реликвии. Но мысли его были иными. Он вспоминал слова Вельтона, насмешки братьев, суровые отцовские упрёки и собственные бесконечные попытки доказать, что ничем не уступает старшему наследнику.

Ему наскучило быть вторым. Наскучило наблюдать, как Рассел получает похвалу за каждое своё достижение, тогда как его собственные старания зачастую остаются незамеченными. И теперь, после событий минувшей ночи, Кастер был уверен, что наконец способен изменить привычный порядок вещей.

Он поставил кубок на стол. Затем молча поднялся и на-

правился к выходу. Пиршество продолжалось. Воины уже предались выпивке, ярлы громогласно обсуждали предстоящий поход, а многочисленные слуги едва поспевали наполнять опустевшие кружки. Отсутствия молодого Хардсейма никто даже не заметил.

На крыльце длинного дома царила непривычная тишина. Небо, впервые за долгое время освободившееся от тяжёлых туч, было усеяно маленькими звёздами. Над крепостными стенами возвышался тонкий серебряный полумесяц, а холодный ветер медленно разносил по улицам лёгкие снежные хлопья. Кастер глубоко вдохнул морозный воздух. После душного медового зала ночная прохлада казалась почти приятной. Он уже собирался направиться к собственным покоям, когда со стороны винного погреба донеслись грубые мужские голоса. Юноша повернул голову. Возле тяжёлой деревянной бочки, наполненной элем, стояли несколько дружинников. Их лица раскраснелись от выпитого, движения стали неуклюжими, а разговор сопровождался громким хохотом и непристойными замечаниями.

Между ними находилась маленькая служанка. Кастер прищурился. Он сразу узнал Эллери. Девочка, которую он совсем недавно вывел из борделя Фигеля, теперь пыталась сдвинуть с места огромную бочку, едва ли не превосходившую её собственным весом. Она упиралась ладонями в грубую древесину, напрягала тонкие руки и изо всех сил стара-

лась исполнить приказ, однако тяжёлый сосуд почти не двигался. Один из дружинников недовольно сплюнул.

— Шевелись, дрянь! Мы не собираемся ждать тебя до утра! — Эллери вновь попыталась толкнуть бочку. Та едва заметно качнулась. Мужчины разразились хохотом.

— Да она и мышонка поднять не сумеет! — воскликнул один из них.

— Тогда зачем её вообще притащили в крепость? — поддержал другой. — Кастер медленно спустился на несколько ступеней. Он видел, как девочка дрожит от холода, как тщетно пытается справиться с непосильной работой и как каждый новый окрик заставляет её ещё сильнее втягивать голову в плечи. Один из воинов грубо схватил Эллери за шею.

— Работай лучше, сучка! — Он толкнул её.

Девочка потеряла равновесие и рухнула на колени, болезненно ударившись ладонями о покрытую льдом землю. Из её груди вырвался тихий всхлип. Она попыталась подняться, однако дружинник ухватил её за волосы и вновь заставил склонить голову. Кастер остановился. Его рука невольно потянулась к поясу. Он мог бы вмешаться. Мог бы одним приказом заставить дружинников прекратить издевательства. А если бы те осмелились возразить, ему не составило бы труда напомнить, кто именно стоит перед ними. Но юноша не двигался.

Зачем? Этот вопрос возник в сознании совершенно неожиданно. Зачем ему вновь вмешиваться в чужую судьбу?

Эллери была всего лишь служанкой. Обыкновенной девочкой, одной из множества несчастных, чья жизнь ничего не значила для суровых северных воинов. Он уже спас её однажды. Разве этого было недостаточно? Кастер стиснул зубы. Слабость. Именно так назвал бы подобное чувство Вельтон. Жалость. Привязанность. Неспособность отвернуться от чужих страданий.

Юноша вспомнил рассказы о прославленных воинах, которые не позволяли собственным чувствам управлять их поступками. Они принимали решения, руководствуясь необходимостью, а не жалостью, и именно поэтому становились великими. Кастер желал быть таким же. Он медленно убрал руку с пояса.

— Меня поражает, что ты не спасаешь свою малышку. — Знакомый голос заставил его обернуться. Позади стоял Эйрик. В руке младшего брата покоился рог, наполненный пенистым элем, а на лице играла привычная язвительная улыбка.

— Как-то неблагородно, — добавил он, переводя взгляд на Эллери. — Кастер нахмурился.

— Это не твоё дело, Эйрик.

— Разумеется. — Тот сделал глоток.

— Просто забавно наблюдать, как человек, совсем недавно перебивший половину борделя ради спасения девчонки, теперь спокойно смотрит, как её унижают собственные воины.

— Я сказал, оставь меня. — Эйрик усмехнулся.

— Ты ведь мог бы помочь ей. — Кастер скрестил руки на груди.

— А ты мог бы перестать совать нос в чужие дела. — Младший брат некоторое время смотрел на него. — Затем пожал плечами.

— Что ж, как пожелаешь. — Он спустился по ступеням и направился к винному погребу. Дружинники заметили его приближение и поспешно выпрямились.

— Господин Эйрик, — произнёс один из них, неловко склоняя голову. — Хардсейм не ответил. Он поставил рог на ближайший деревянный выступ и приблизился к Эллери. Девочка всё ещё сидела на коленях, стараясь скрыть окровавленные ладони под рукавами одежды.

— Поднимайся, — негромко произнёс Эйрик. — Она испуганно посмотрела на него.

— Я… я сейчас всё сделаю, господин…

— Я не об этом. — Он протянул руку и помог ей подняться. Затем ухватился за край тяжёлой бочки и без особого труда сдвинул её с места.

— Куда её нужно отнести? — Один из воинов поспешно указал на погреб. Эйрик кивнул.

— Тогда помогайте, раз уж вам так хочется поскорее напиться. — Дружинники переглянулись. В их глазах читалось недовольство, однако никто не осмелился возразить сыну конунга. Через несколько мгновений бочка была убрана. —

Эйрик вновь посмотрел на Эллери.

— Пойдём. — Девочка в миг замерла.

— Куда, господин? — Вымолвила Эллери, покорно опуская глаза в пол.

— Туда, где тебе хотя бы не придётся таскать бочки тяжелее собственного тела. — Он повернулся к дружинникам.

— И чтобы больше никто из вас её не трогал. — Мужчины молча склонили головы.

Однако стоило Эйрику отвернуться, как один из них презрительно сплюнул на землю. Кастер наблюдал за происходившим с крыльца. Он видел, как младший брат берёт девочку за руку и уводит её прочь, как дружинники провожают их недовольными взглядами и как Эллери, всё ещё не оправившаяся от испуга, послушно следует за своим новым защитником. Юноша почувствовал раздражение. Не столько на Эйрика, сколько на самого себя. Ему хотелось убедить себя, что он поступил правильно, позволив младшему брату вмешаться вместо него. В конце концов, какое ему дело до обычной служанки? Но чем настойчивее Кастер повторял эти слова, тем меньше верил им. Он сжал кулак.

«Это слабость. У меня не должно быть слабостей». Хардсейм прикрыл глаза. Холодный ветер коснулся его лица, однако не сумел унять неприятное чувство, поселившееся внутри. Завтра ему предстояло доказать отцу, братьям и всему Скаггераку, что он достоин отправиться на Юг. И он не собирался позволять какой-то жалости отвлечь себя от этой

цели. Кастер развернулся и скрылся за дверями длинного дома.

Эйрик тем временем провёл Эллери через один из боковых входов, стараясь не привлекать внимания пирующих воинов. Девочка шла рядом, не поднимая глаз. Она всё ещё не понимала, почему сын конунга решил заступиться за неё. После всего пережитого доверять незнакомым людям казалось ей почти невозможным, а доброта зачастую представлялась лишь предвестием новых неприятностей. Эйрик заметил её беспокойство.

— Не бойся, — произнёс он. — Я не собираюсь причинять тебе вред. — Эллери ничего не ответила. Они поднялись по узкой лестнице и вскоре оказались в просторных покоях, где горел небольшой очаг. Здесь было тепло, а вдоль стен стояли деревянные сундуки, покрытые мехами скамьи и широкая кровать с тяжёлым шерстяным покрывалом. — Эйрик затворил дверь.

— Можешь остаться здесь, — сказал он, указывая на кровать. — Уверяю, тебя никто не тронет. — Эллери нерешительно остановилась возле порога.

— Господин…

— Ничего не говори, — перебил её Хардсейм. — Для начала согрейся. — Он взял со стола чистую ткань и небольшой сосуд с водой.

— Покажи руки. — Девочка осторожно протянула ладони. На коже виднелись неглубокие ссадины, оставшиеся по-

сле падения. Эйрик поморщился.

— Проклятые болваны. — Он поставил воду рядом с ней.

— Промой раны. Я распоряжусь, чтобы тебе принесли еды и чистую одежду. — Эллери некоторое время смотрела на него.

— С чего такая доброта к обычной служанке? — Эйрик приподнял брови.

— А разве для этого непременно нужна причина?

— Обычно… — Девочка запнулась. — Обычно люди ничего не делают просто так. — Хардсейм усмехнулся.

— В таком случае все вопросы к моему брату. — Эллери нахмурилась.

— Кастеру?

— Именно. — Эйрик прислонился плечом к деревянной стене.

— Он привёл тебя сюда, а теперь делает вид, будто совершенно не интересуется твоей судьбой. Довольно странный у меня братец, не находишь? — Девочка опустила взгляд.

— Он спас меня.

— Знаю.

— Но почему тогда… — Она не договорила. — Эйрик некоторое время наблюдал за ней.

— Потому что Кастер слишком занят попытками доказать самому себе, что ничто на свете не способно причинить ему боль. — Он слабо улыбнулся.

— А те варвары, что окружили тебя возле погреба… У

них были весьма дурные намерения. — Эллери вздрогнула.

— Такие же, как у пришедших в бордель… — Эйрик перестал улыбаться.

— Верно. — Он помолчал.

— Но здесь они тебя не достанут. — Девочка впервые за весь вечер позволила себе немного расслабиться.

— Спасибо, господин.

— Отдыхай, Эллери. И набирайся сил. — Эйрик направился к выходу, однако возле двери на мгновение остановился. Его взгляд невольно задержался на маленькой фигуре, сидевшей возле очага. Он не считал себя добродетельным человеком. И уж тем более не собирался становиться им. За последние дни ему довелось совершить поступок, который при определённых обстоятельствах мог погубить всю его семью. Золото Цезака Ортена по-прежнему оставалось при нём, а мысли о предстоящем предательстве не позволяли обрести покой даже во время самых шумных пиршеств. Однако теперь, глядя на испуганную девочку, Эйрик неожиданно почувствовал, что способен хотя бы однажды поступить иначе, нежели от него ожидали окружающие.

Он не знал, имело ли это хоть какое-нибудь значение. Возможно, никакого. Но этой ночью Эллери должна была остаться в безопасности. Эйрик вышел в коридор и плотно затворил за собой дверь. За стенами длинного дома вновь усилился снегопад. Над Скаггераком медленно сгущалась ночь, а в медовом зале всё ещё раздавались пьяные песни,

прославлявшие конунга и грядущий поход. Никто из пирующих не подозревал, сколь разные мысли занимали сыновей Фридриха Хардсейма. Рассел мечтал о славе и отцовском признании. Кастер жаждал доказать собственное превосходство. Эйрик же носил в душе тайну, способную однажды уничтожить всё, что было дорого его семье. И пока Скаггерак погружался в сон, трое наследников ожидали наступления утра, которое должно было определить их дальнейшую судьбу.

Утро застало Скаггерак в объятиях пронизывающего холода. За ночь снегопад успел укрыть крепостные стены, крыши длинных домов и узкие улочки толстым белоснежным покрывалом. С моря тянуло ледяным ветром, заставлявшим редких прохожих плотнее запахивать меховые плащи и прятать лица под капюшонами. Над городом нависли тяжёлые серые облака, сквозь которые едва пробивался тусклый свет восходящего солнца. Однако, несмотря на столь неприветливую погоду, жители Скаггерака с самого рассвета устремились к крепостному двору. Сегодня предстояло событие, которого многие ожидали на протяжении нескольких долгих зим. Турнир наследников. Состязание, призванное определить, кто из сыновей Фридриха Хардсейма окажется достойным сопровождать своего отца в предстоящем походе на южные земли.

Ещё до того, как над крепостными башнями раздались

первые удары сигнального колокола, слуги принялись расчищать снег, а дружинники — устанавливать деревянные ограждения вокруг просторной площадки, предназначенной для поединков. Вдоль стен разместились торговцы, предлагавшие горячую похлёбку, жареное мясо и крепкий эль. Неподалёку несколько стариков уже ожесточённо спорили о том, кому из молодых Хардсеймов суждено одержать победу.

— Рассел, говорю тебе! — воскликнул седобородый северянин, с силой ударив ладонью по деревянному столу. — Этот мальчишка с малых лет не выпускал меча из рук. Я собственными глазами видел, как он одолел троих дружинников на тренировочном дворе!

— Троих пьяных дружинников, небось! — расхохотался его собеседник. — А вот Кастер, говорят, дерётся так, словно сам Создатель вложил ему в руки клинок!

— Создатель? — Старик презрительно сплюнул в снег. — Скорее уж проклятый Варггрей! Видел я этого юнца. Глаза у него недобрые.

Мужчины рассмеялись. Но смех их вскоре потонул среди множества голосов, наполнявших крепостной двор. В этот день Скаггерак желал зрелищ. И не каждому из собравшихся было важно, какой ценой они достанутся. Кастер проснулся задолго до рассвета. Некоторое время он лежал неподвижно, устремив взгляд в темноту, окружавшую его постель. За стенами покоев завывал ветер, а где-то вдалеке раздавались глухие удары молота. Вероятно, кузнецы уже готовили оружие

для предстоящего состязания. Юноша медленно сел. Вчерашние события по-прежнему не давали ему покоя. Перед глазами то и дело возникало лицо Эллери, испуганно смотревшей на него возле винного погреба. Он помнил, как дружинник схватил её за волосы, как она упала на обледеневшую землю и как сам Кастер остался стоять на крыльце, не сделав ни единого шага.

Но куда сильнее его раздражало воспоминание об Эйрике. О том, с какой лёгкостью младший брат вмешался в происходящее. Словно желал показать, что способен совершить поступок, на который не решился сам Кастер.

— Проклятье, — прошептал юноша.

Он отбросил шерстяное покрывало и поднялся. Пол оказался настолько холодным, что босые ноги невольно свело. Кастер подошёл к умывальнику, погрузил ладони в ледяную воду и несколько раз плеснул ею себе в лицо. Затем поднял голову. В небольшом зеркале отражался всё тот же молодой Хардсейм. Только теперь ему казалось, будто вчерашняя ночь оставила на его лице нечто такое, чего прежде он никогда не замечал. Он вспомнил охранников Фигеля. Их крики. Кровь, растекавшуюся по деревянным доскам. Странное удовлетворение, испытанное после того, как последний из них перестал сопротивляться. Кастер медленно сжал кулаки. Нет. Сегодня он не позволит ничему отвлечь себя. Ни Эллери. Ни Эйрику. Ни даже собственным воспоминаниям.

Сегодня ему предстояло одержать победу. Он желал уви-

деть, как Рассел опустит перед ним голову. Как дружинники, ещё вчера называвшие старшего наследника будущим конунгом, станут выкрикивать его собственное имя. Как Фридрих, наконец, будет вынужден признать, что младший сын ничем не уступает своему любимцу. А возможно, даже превосходит его. От этой мысли губы Кастера тронула едва заметная улыбка. Он облачился в плотную шерстяную рубаху, поверх которой надел кожаный поддоспешник. Затем принялся застёгивать ремни потёртого боевого облачения, укреплённого небольшими металлическими пластинами. Каждое движение было привычным. Каждая застёжка находилась на своём месте. Но когда Кастер потянулся за мечом, его пальцы неожиданно замерли.

Перед ним вновь возник Рассел. Не тот брат, с которым он когда-то бегал по крепостным коридорам, прятался от наставников и мечтал о далёких странствиях. А человек, чьё существование на протяжении многих лет служило постоянным напоминанием о его собственных неудачах. Кастер крепче сжал рукоять.

— Сегодня всё изменится.

Рассел тем временем находился на тренировочном дворе. Несмотря на ранний час, он уже успел провести несколько коротких поединков с одним из старших дружинников. Его волосы намокли от пота, дыхание стало тяжёлым, а на правом предплечье проступило красноватое пятно от неудачно отражённого удара.

— Довольно, господин, — произнёс воин, опуская затупленный меч. — Ещё немного, и вы выйдете на турнир совершенно измотанным. — Рассел вытер лицо рукавом.

— Ещё раз.

— Но...

— Я сказал, ещё раз.

Дружинник тяжело вздохнул. Он вновь поднял оружие. Рассел атаковал первым. Его движения отличались уверенностью и точностью. В отличие от Кастера, нередко полагавшегося на стремительность и силу, старший наследник предпочитал терпеливо выжидать подходящего мгновения. Он не стремился наносить как можно больше ударов. Напротив, каждый взмах его меча имел определённую цель. Через несколько мгновений дружинник оказался вынужден отступить. Рассел воспользовался открывшейся возможностью и ударил его по предплечью. Меч выскользнул из руки противника и с глухим стуком упал в снег.

— Достаточно, — произнёс юноша. — Он тяжело дышал, однако в глазах его читалось удовлетворение. Дружинник наклонился за оружием.

— Сегодня вам нечего опасаться, господин.

Рассел не ответил. Он прекрасно понимал, что подобные слова не имели никакого значения. Кастер был опасным противником. Временами невыносимым, вспыльчивым и самоуверенным, но отнюдь не слабым. Именно поэтому Рассел не собирался недооценивать его. Однако больше самого по-

ражения он боялся другого. Разочарования Фридриха. Ему хотелось, чтобы отец смотрел на него с той же гордостью, с какой некогда рассказывал о собственных победах. Хотелось доказать, что годы тренировок, бесконечных наставлений и суровых наказаний не прошли напрасно. Он должен был стать достойным наследником. Не ради древнего волчьего клыка. Не ради одобрительных криков толпы. Ради будущего, которое с самого детства представлялось ему единственно возможным.

Рассел поднял взгляд к крепостным башням.

— Я не подведу тебя, отец. — Эйрик проснулся от настойчивого стука в дверь.

— Господин! — раздался из коридора чей-то встревоженный голос. — Турнир скоро начнётся! — Младший Хардсейм недовольно застонал и натянул покрывало на голову.

— Пусть начинается.

— Но ваш отец приказал...

— Передай моему отцу, что я пал смертью храбрых в неравной схватке с похмельем. — За дверью воцарилось молчание. Затем послышались удаляющиеся шаги. Эйрик приоткрыл один глаз.

— Вот и славно.

Он перевернулся на спину и некоторое время разглядывал деревянные балки потолка. Во рту пересохло. Голова неприятно гудела. На полу возле кровати валялась опустевшая фляга, а рядом с ней — брошенный накануне плащ. Од-

нако даже сквозь тяжёлое похмелье мысли Эйрика возвращались к событиям минувших дней. К Цезаку Ортену. К золоту, которое он принял. К обещанию, данному человеку, чьи намерения едва ли могли принести Скаггераку что-либо хорошее. Младший Хардсейм медленно провёл ладонью по лицу. Ему необходимо было остаться в крепости. Во что бы то ни стало. Отправиться вместе с Фридрихом означало разрушить всё, что он успел задумать. Но открыто отказаться от участия в турнире он не мог. Отец воспринял бы подобное как очередное проявление трусости, а Рассел непременно воспользовался бы случаем, чтобы прочитать ему одну из своих бесконечных нравоучительных речей.

Кастер же... Эйрик усмехнулся. Кастер, вероятно, только обрадовался бы. Он сел на край кровати, нашарил ногами сапоги и поднялся.

— Что ж, братцы, — пробормотал он, потягиваясь. — Сегодня один из вас непременно станет счастливее.

Он ещё не решил, каким именно образом проиграет. Но в одном был совершенно уверен. Победа ему не нужна. К тому времени, когда над крепостным двором раздался третий удар колокола, собравшиеся уже едва умещались за деревянными ограждениями. На возвышении, сооружённом возле северной стены, находился Фридрих Хардсейм. По правую руку от него стояли наиболее приближённые ярлы, по левую — прославленные дружинники, которым предстояло следить за соблюдением правил. Среди них находился и

Вельтон Резорский. Старый воин внимательно осматривал площадку, время от времени бросая взгляд на вход, откуда должны были появиться наследники. Наконец тяжёлые ворота распахнулись. Первым вышел Рассел. Толпа встретила его громкими одобрительными возгласами.

Следом появился Кастер. На этот раз крики оказались менее дружными, однако среди собравшихся нашлось немало тех, кто приветствовал молодого Хардсейма с неподдельным воодушевлением. Последним, заметно опоздав, явился Эйрик. Он шёл неторопливо, словно направлялся не на состязание, способное определить его дальнейшую судьбу, а на очередное пиршество. Фридрих нахмурился.

— Рад, что ты всё-таки соизволил почтить нас своим присутствием. — Эйрик склонил голову.

— Не мог же я лишить тебя удовольствия наблюдать за моими выдающимися способностями, отец. — Среди дружинников послышались сдержанные смешки. Однако Фридрих не улыбнулся.

— Надеюсь, сегодня ты хотя бы попытаешься оправдать своё происхождение. — Эйрик ничего не ответил. Кастер, стоявший неподалёку, бросил на него насмешливый взгляд.

— Постарайся не уснуть с мечом в руках.

— А ты постарайся не пораниться собственной гордостью, — отозвался младший брат. — Рассел раздражённо выдохнул.

— Может быть, вы хотя бы сегодня перестанете вести себя

как дети?

— Разумеется, — ответил Эйрик. — Сразу после того, как ты перестанешь изображать нашего отца. — Кастер невольно усмехнулся. Но прежде чем Рассел успел ответить, над двором раздался голос Фридриха.

— Довольно!

Братья умолкли. Конунг медленно поднялся. Ветер трепал края его тяжёлого мехового плаща, а серебряная застёжка на груди тускло поблёскивала под холодным утренним светом.

— Сегодня перед вами стоят мои сыновья, — произнёс он, обращаясь к собравшимся. — Трое наследников рода Хардсеймов. Трое молодых воинов, которым однажды предстоит нести на своих плечах судьбу нашего народа. — Он выдержал небольшую паузу.

— Но одного лишь происхождения недостаточно, чтобы называться достойным сыном Севера! — Несколько дружинников одобрительно ударили кулаками по щитам.

— В предстоящем походе нам потребуются не только крепкие руки и острые клинки. Потребуются мужество, выдержка и способность принимать решения, от которых будут зависеть жизни других людей. — Фридрих посмотрел на сыновей.

— Поэтому сегодня вы пройдёте три испытания. — Кастер невольно выпрямился. Рассел сосредоточенно слушал. Эйрик же опустил взгляд на покрытую снегом землю.

— Первое покажет, насколько искусно вы владеете оружием. Второе — способны ли вести за собой воинов. Третье определит, кто из вас достоин носить древнюю реликвию нашего рода.

Конунг снял с шеи серебряную цепочку. На ней покоился волчий клык. Кастер сразу узнал знакомую реликвию. Ту самую, которой Фридрих дорожил едва ли не больше собственного меча.

— Двое, показавшие лучшие результаты, отправятся со мной на Франбург, — продолжил конунг. — Но лишь один получит право именоваться победителем турнира. — Он поднял клык.

— И лишь один станет его хранителем. — Толпа вновь разразилась криками. Фридрих дождался, пока шум немного утихнет.

— Запомните мои слова, сыновья. Сегодня вам позволено проливать кровь. Позволено причинять боль. Но тот, кто намеренно лишит жизни собственного брата или продолжит наносить удары после остановки поединка, навсегда лишится права участвовать в этом походе.

Кастер почувствовал, как внутри неприятно шевельнулось раздражение. Он не собирался убивать Рассела. Разумеется, нет. Но почему-то слова отца показались ему обращёнными прежде всего к нему.

— Пусть победит достойнейший! — провозгласил Фридрих. — И, повернувшись к дружинникам, коротко прика-

зал:

— Начинайте. — Вельтон Резорский встретил Кастера возле оружейной стойки.

— Как себя чувствуешь? — поинтересовался наставник.

— Лучше некуда. — Старый воин внимательно посмотрел на него.

— Не похоже. — Кастер нахмурился.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ты слишком напряжён.

— Сегодня турнир, Вельтон. Неужели я должен веселиться, словно Эйрик? — Резорский покачал головой.

— Нет. Но и выходить на поединок с таким лицом не стоит. — Кастер взял со стойки затупленный меч и несколько раз взмахнул им, проверяя равновесие клинка.

— Меня беспокоит лишь одно.

— Рассел? — Юноша усмехнулся.

— Его поражение. — Вельтон некоторое время молчал. Затем приблизился к ученику.

— Послушай меня внимательно, Кастер. Твой брат хорошо владеет оружием. Возможно, даже лучше тебя. — Улыбка исчезла с лица молодого Хардсейма.

— Я бы поспорил.

— Именно поэтому ты до сих пор ему уступаешь. — Кастер резко повернулся.

— Что?

— Ты слышал. — Старый воин указал на меч в его руке.

— Ты всякий раз пытаешься доказать, что сильнее. Бьёшь быстрее, наступаешь яростнее, стремишься закончить поединок одним ударом. Но хороший противник не станет сражаться так, как удобно тебе. — Кастер опустил взгляд на клинок.

— И что ты предлагаешь?

— Думать. — Юноша недовольно усмехнулся.

— Превосходный совет.

— А ты попробуй им воспользоваться. — Вельтон положил ладонь ему на плечо.

— Иногда, чтобы победить человека, достаточно позволить ему поверить, что он уже победил тебя. — Кастер медленно поднял глаза. Несколько мгновений он смотрел на наставника, не произнося ни слова. Затем уголки его губ тронула едва заметная улыбка.

— Пожалуй, сегодня я действительно попробую. — Над крепостным двором вновь ударил колокол. Вельтон убрал руку.

— Ступай.

Кастер направился к ограждённой площадке. Под сапогами хрустел утоптанный снег. Со всех сторон доносились возбуждённые голоса. Впереди, возле противоположного края арены, уже ожидал Рассел. И когда взгляды братьев встретились, Кастер неожиданно почувствовал не привычную злость, а странное, почти приятное спокойствие. Впервые за долгое время ему не хотелось немедленно броситься на стар-

шего брата. Он желал посмотреть, как тот будет сражаться. Узнать его слабости. Заставить ошибиться. И лишь затем — победить. Кастер крепче сжал рукоять меча. Сегодня он намеревался доказать, что достоин волчьего клыка. Но теперь понимал: для этого вовсе не обязательно быть сильнее Рассела. Достаточно оказаться умнее.

Первое испытание

Кастер вышел на середину площадки, ощущая, как сотни взглядов устремляются в его сторону. Утоптанный снег под ногами давно утратил первоначальную белизну. Здесь и там проступала тёмная земля, смешанная с грязью, а возле деревянных ограждений виднелись небольшие лужицы, покрытые тонкой ледяной коркой. Холодный ветер свободно проникал под кожаное облачение, заставляя молодого Хардсейма невольно напрягать плечи. Однако юноша почти не замечал холода. Его внимание было приковано к Расселу. Старший брат стоял напротив, неторопливо проверяя крепление ремней на предплечье. Он выглядел совершенно спокойным, словно предстоящее состязание являлось для него лишь очередной тренировкой. Это спокойствие раздражало Кастера.

Ему хотелось увидеть хотя бы малейшее проявление тревоги. Хотелось убедиться, что Рассел также понимает, насколько многое поставлено на карту. Но тот лишь поднял голову и встретился с ним взглядом.

— Надеюсь, сегодня ты не станешь обвинять меня в нечестной победе, — произнёс Рассел. — Кастер усмехнулся.

— Для начала тебе следовало бы победить.

— Ты всегда слишком много говоришь.

— А ты слишком часто принимаешь собственные желания за действительность. — Рассел покачал головой.

— Когда-нибудь твоя самоуверенность погубит тебя, брат.

— Возможно, — ответил Кастер. — Но сегодня она погубит лишь твою надежду на победу. — Старший наследник уже собирался возразить, когда к ним приблизился один из дружинников Фридриха.

— Господа, — произнёс он, — конунг велел объявить порядок первого испытания. — Братья повернулись к нему.

— Каждому из вас предстоит сразиться с двумя опытными воинами дружины. Победой будет считаться обезоруживание противника, принуждение его к сдаче либо нанесение трёх засчитанных ударов. За каждый поединок присуждаются очки. Удары в голову запрещены, равно как и нападение на поверженного противника. — Кастер нахмурился.

— А если противник не пожелает признать поражение? — Дружинник посмотрел на него.

— Тогда решение примут судьи.

— Удобно.

— Правила одинаковы для всех, господин. — Рассел

одобрительно кивнул.

— И справедливы. — Кастер бросил на него короткий взгляд.

— Разумеется. Ты ведь так любишь справедливость.

Первым на площадку вызвали Эйрика. Младший Хардсейм появился перед зрителями с таким видом, будто его насильно вытащили из тёплой постели. Он лениво размял плечи, поправил ремень и принял из рук дружинника затупленный меч. Против него вышел широкоплечий северянин с густой рыжей бородой. В отличие от своего молодого соперника, воин выглядел весьма решительно.

— Готовы, господин? — спросил он. — Эйрик окинул его задумчивым взглядом.

— А у меня есть выбор? — Среди зрителей раздался смех.

— Начинайте! — приказал судья.

Рыжебородый немедленно бросился вперёд. Эйрик отступил. Клинок противника со свистом рассёк воздух, едва не задев его плечо. Младший Хардсейм уклонился от второго удара, затем неожиданно шагнул в сторону и коротким движением собственного меча заставил северянина потерять равновесие. Толпа одобрительно загудела. На мгновение Эйрик оказался в положении, из которого мог без особого труда завершить поединок. Он видел открытую спину противника. Видел, как тот слишком медленно разворачивается. Достаточно было одного удара. Всего одного. Но Эйрик замешкался. Перед глазами неожиданно возникло лицо Цезака Орте-

на. Затем — мешочек с золотом. И обещание, исполнение которого требовало его присутствия в Скаггераке.

Младший Хардсейм опустил меч чуть ниже. Рыжебородый развернулся и с силой ударил его по предплечью. Эйрик поморщился.

— Проклятье!

— Первый удар! — объявил судья.

Воин вновь атаковал. На этот раз Эйрик даже не попытался воспользоваться открывшейся возможностью. Он отразил несколько ударов, отступил к ограждению, а затем позволил противнику выбить меч из своей руки. Оружие упало в снег.

— Победа дружинника! — Зрители встретили объявление недовольным гулом. Эйрик поднял руки.

— Что ж, по крайней мере, никто не умер. — На возвышении Фридрих стиснул челюсти.

— Позорище, — негромко произнёс он. — Один из ярлов осторожно наклонился к нему.

— Возможно, юноша просто недостаточно подготовился.

— Он прекрасно подготовлен, — отрезал конунг. — Его взгляд не отрывался от сына.

— Именно поэтому меня и раздражает увиденное. — Кастер наблюдал за младшим братом возле оружейной стойки.

— Ты заметил? — спросил стоявший рядом Вельтон.

— Что именно?

— Он мог победить. — Кастер презрительно усмехнулся.

— Эйрик мог бы победить собственную лень, если бы за-

хотел. Но даже на это у него не хватает воли.

— Я говорю серьёзно. — Резорский скрестил руки на груди.

— В самом начале поединка у него была прекрасная возможность нанести решающий удар. Он сознательно ею не воспользовался. — Кастер посмотрел на наставника.

— И что с того?

— Тебя это не удивляет?

Юноша перевёл взгляд на Эйрика, который уже покидал площадку, потирая ушибленное предплечье. Вчера младший брат спас Эллери. Сегодня намеренно позволил какому-то дружиннику одержать над собой победу. Кастер нахмурился.

— У него всегда были странности.

— Возможно. — Вельтон некоторое время молчал.

— Но не стоит путать нежелание с неспособностью.

Эти слова заставили Кастера задуматься. Лишь ненадолго. Потому что в следующее мгновение над двором прозвучало имя Рассела. Старший наследник вышел на площадку под громкие приветствия. Его первым противником оказался высокий дружинник, служивший Фридриху уже более пятнадцати лет. На лице мужчины тянулся длинный шрам, начинавшийся возле левого виска и исчезавший под густой бородой. Рассел почтительно склонил голову. Воин ответил тем же. Затем прозвучал сигнал. Первый удар последовал почти сразу. Сталь с глухим звоном встретилась со сталью. Рассел отступил на полшага, принимая силу удара на кли-

нок, после чего плавно развернулся и попытался поразить противника в бок. Дружинник успел защититься. Они вновь сошлись.

На этот раз северянин действовал осторожнее. Он прекрасно понимал, что перед ним находится не неопытный мальчишка, а молодой воин, годами обучавшийся у лучших наставников Скаггерака. Рассел не спешил. Он позволял противнику атаковать, внимательно следил за движением его плеч и ног, постепенно замечая, какие удары тот предпочитает наносить. Однажды дружиннику удалось достать его по бедру. Судья объявил первый засчитанный удар. Толпа оживилась. Однако Рассел не выказал ни малейшего раздражения. Он лишь поправил хватку меча. Следующая атака противника оказалась слишком размашистой. Старший Хардсейм отступил, пропуская клинок мимо себя, и коротким движением ударил северянина по предплечью. Тот невольно ослабил хватку.

Рассел немедленно воспользовался этим. Он сблизился с противником, подставил ногу и толкнул его плечом. Дружинник рухнул в снег. Прежде чем мужчина успел подняться, затупленное остриё меча оказалось возле его груди.

— Сдаюсь, господин, — тяжело выдохнул он.

Рассел немедленно отступил и протянул ему руку. Зрители разразились одобрительными криками. Фридрих довольно улыбнулся. Кастер заметил это. И улыбка отца причинила ему куда больше неприятных ощущений, нежели любой удар

меча. Когда назвали его собственное имя, Кастер уже едва сдерживал нетерпение. Он вышел на площадку, ощущая, как кровь быстрее движется по жилам. Ему хотелось сражаться. Хотелось почувствовать сопротивление чужого оружия, услышать звон стали и увидеть, как противник отступает под натиском его ударов. Напротив стоял коренастый дружинник с короткой тёмной бородой. Мужчина был заметно старше Кастера, однако его движения отличались удивительной лёгкостью.

— Готов, юный господин? — поинтересовался он. — Кастер усмехнулся.

— Надеюсь, ты тоже. — Судья поднял руку.

— Начинайте!

Кастер атаковал первым. Его меч обрушился на клинок противника с такой силой, что тот невольно отступил. Следом последовал второй удар. Третий. Четвёртый. Кастер не давал дружиннику времени перевести дыхание. Он наступал стремительно, вынуждая мужчину пятиться к деревянному ограждению. Под ногами взлетали комья грязного снега, а воздух наполнялся тяжёлым дыханием сражающихся. Зрители встретили подобную ярость восторженными возгласами. Но дружинник оказался опытнее, чем предполагал Кастер. В какой-то момент он неожиданно опустился на одно колено, пропуская очередной удар над головой, и с силой ударил юношу по рёбрам. Боль вспыхнула мгновенно. Кастер отшатнулся.

— Первый удар! — объявил судья. — Молодой Хардсейм стиснул зубы. Противник выпрямился.

— Не стоит так торопиться, господин. — Кастер медленно поднял глаза. На губах его появилась улыбка.

— Благодарю за совет.

Он вновь бросился вперёд. Однако теперь его движения стали несколько иными. Он больше не пытался обрушить на дружинника бесконечную череду ударов. Вместо этого принялся отступать, вынуждая противника самому переходить в наступление. Мужчина насторожился. Он нанёс короткий удар справа. Кастер отразил его. Затем ещё один. И ещё. С каждым движением молодой Хардсейм всё внимательнее следил за противником. Он заметил, что перед особенно сильным ударом тот едва заметно переносит вес на правую ногу. Заметил, что после размашистой атаки мужчина на мгновение оставляет открытым левое плечо. И наконец понял, каким образом может воспользоваться этой привычкой. Кастер намеренно отступил. Дружинник последовал за ним.

Ещё шаг. Ещё один. Затем мужчина поднял меч, готовясь нанести привычный сильный удар. Кастер уже ждал его. Он резко шагнул навстречу, отвёл клинок противника в сторону и ударил рукоятью собственного меча в защищённое плечо. Дружинник потерял равновесие. Кастер немедленно подсек его ногу. Мужчина рухнул на спину. Молодой Хардсейм приставил затупленный клинок к его груди.

— Сдаёшься? — Дружинник тяжело дышал. Затем коротко кивнул.

— Сдаюсь, господин.

— Победа Кастера Хардсейма!

Толпа взревела. Кастер медленно отступил. Он чувствовал, как ноют рёбра, как холодный пот стекает вдоль позвоночника и как сердце продолжает бешено колотиться в груди. Но боль почти не имела значения. Он победил. Причём победил не так, как привык прежде. Юноша поднял взгляд на возвышение. Фридрих наблюдал за ним. На лице конунга не было улыбки. Однако Кастеру показалось, что на этот раз в глазах отца промелькнуло нечто похожее на одобрение. И этого оказалось достаточно, чтобы молодой Хардсейм почувствовал неожиданное удовлетворение. Неподалёку Вельтон Резорский едва заметно кивнул. Кастер ответил ему короткой усмешкой. Он начинал понимать. Сила позволяла заставить противника отступить. Но лишь терпение давало возможность узнать, когда именно следует нанести решающий удар.

А впереди его ожидало ещё два испытания. И Рассел. Которого он намеревался победить любой ценой.

Первое испытание. Продолжение

Победа Кастера вызвала немало разговоров среди собравшихся. Одни восхищались стремительностью молодо-

го Хардсейма, другие утверждали, что ему попросту повезло, поскольку противник оказался недостаточно осторожен. Несколько дружинников, наблюдавших за поединком возле оружейных стоек, ожесточённо спорили о последнем движении юноши, пытаясь определить, каким образом тот сумел опрокинуть человека, превосходившего его весом едва ли не в полтора раза.

Сам Кастер не обращал на разговоры никакого внимания. Он стоял возле деревянного ограждения, время от времени касаясь ладонью ушибленных рёбер. Боль постепенно становилась ощутимее. При каждом глубоком вдохе под кожаным облачением возникало неприятное жжение, заставлявшее его невольно морщиться. Но показывать слабость он не собирался. Особенно теперь.

— Неплохо, — раздался рядом знакомый голос.

Кастер повернул голову. Эйрик прислонился плечом к одному из столбов, лениво разглядывая старшего брата. В руке он держал небольшую флягу, содержимое которой, судя по запаху, едва ли имело какое-либо отношение к воде.

— Не ожидал услышать от тебя похвалу, — усмехнулся Кастер.

— А я не ожидал, что ты сумеешь одержать победу, не проломив кому-нибудь череп. — Улыбка исчезла с лица юноши.

— Следи за языком. — Эйрик приподнял брови.

— Видишь? Стоило мне тебя похвалить, как ты вновь сде-

лался невыносимым.

Кастер отвернулся. Некоторое время братья молчали. Над крепостным двором раздавались возбуждённые голоса. Слуги торопливо убирали с площадки сломанный ремень, оставшийся после предыдущего поединка, а двое дружинников подсыпали на особенно скользкие участки песок и мелкий гравий.

— Ты нарочно проиграл, — неожиданно произнёс Кастер. — Эйрик перестал улыбаться. Лишь на мгновение.

— Неужели?

— Я видел твой поединок.

— Тогда должен был заметить, насколько безжалостно меня избили.

— Ты мог ударить его в спину.

— Какое благородное предложение. — Кастер повернулся к нему.

— Зачем? — Эйрик сделал глоток.

— Что именно?

— Зачем ты позволил ему победить? — Младший Хардсейм задумчиво посмотрел на брата.

— Возможно, мне просто не хочется отправляться в путешествие, во время которого придётся мёрзнуть, голодать и выслушивать бесконечные наставления Рассела.

— Ты никогда не отличался храбростью.

— А ты никогда не отличался умением вовремя замолчать. — Кастер стиснул зубы. Эйрик, заметив его раздраже-

ние, довольно усмехнулся.

— Успокойся, братец. Сегодня твой день. Наслаждайся им, пока есть возможность.

Он оттолкнулся от столба и направился прочь. Кастер проводил его взглядом. Впервые за долгое время поведение Эйрика казалось ему не просто глупым, а подозрительным. Однако прежде чем он успел задуматься об этом всерьёз, над площадкой вновь прозвучал голос распорядителя.

— Рассел Хардсейм! Приготовиться ко второму поединку!

На этот раз против старшего наследника вышел воин по имени Торвальд. Среди дружинников Фридриха он пользовался заслуженным уважением. За долгие годы походов северянин успел пережить немало сражений, потерять два пальца на левой руке и обзавестись таким количеством шрамов, что некоторые молодые воины в шутку называли его старой дублёной шкурой. Однако шутить подобным образом в его присутствии осмеливались немногие. Торвальд был человеком суровым. И чрезвычайно сильным. Он вышел на площадку, неся широкий деревянный щит и короткий затупленный меч. Рассел внимательно осмотрел противника.

— Рад вновь видеть тебя, Торвальд. — Северянин коротко кивнул.

— Взаимно, господин. Надеюсь, сегодня вы не станете рассчитывать на мою снисходительность.

— Я был бы разочарован, поступи ты иначе. — Торвальд

усмехнулся. Затем оба заняли исходные позиции.

— Начинайте!

Старый дружинник атаковал без промедления. Он обрушил на Рассела несколько тяжёлых ударов, заставив того отступить почти к самому ограждению. Деревянный щит с глухим стуком встретился с клинком молодого Хардсейма, а следом последовал мощный толчок плечом. Рассел едва удержался на ногах. Торвальд не позволил ему восстановить равновесие. Ещё один удар. Затем второй. Третий. Толпа восторженно загудела. Старший наследник отступал. Его сапоги скользили по грязному снегу, дыхание постепенно становилось тяжелее, а правая рука начинала неметь от непрерывных столкновений клинков. Однако страха он не испытывал. Напротив. Рассел прекрасно понимал, чего добивается противник. Торвальд хотел прижать его к ограждению, лишить пространства для манёвра и закончить поединок несколькими сильными ударами.

Именно так старый воин привык сражаться на узких палубах драккаров. Рассел помнил рассказы отца. Помнил, как Фридрих однажды заметил, что Торвальд способен удерживать проход даже против нескольких вооружённых противников. Но открытая площадка не являлась палубой корабля. И Рассел намеревался воспользоваться этим. Он внезапно перестал отступать. Торвальд поднял щит, ожидая очередного столкновения. Однако молодой Хардсейм не стал наносить удар. Вместо этого он резко переместился вправо, заста-

вив противника развернуться. Торвальд последовал за ним. Рассел вновь изменил направление. Затем ещё раз. Старый дружинник нахмурился.

— Что же ты, мальчишка? Боишься приблизиться?

— Напротив, — спокойно ответил Рассел. — Просто не вижу необходимости торопиться.

Торвальд недовольно зарычал. Он бросился вперёд, рассчитывая вновь прижать юношу к ограждению. Но Рассел уже ожидал подобного движения. Он уклонился от удара, коротко коснулся мечом открытого бедра противника и немедленно отступил.

— Первый удар! — объявил судья.

Старый дружинник выругался. Рассел не улыбнулся. Он продолжал двигаться. Медленно. Осторожно. Заставляя Торвальда вновь и вновь поворачиваться, переносить вес с одной ноги на другую и тратить силы на бесполезные атаки. Прошло несколько долгих мгновений. Затем ещё несколько. Дыхание старого северянина стало заметно тяжелее. Он по-прежнему оставался опасным противником, однако прежняя стремительность постепенно покидала его движения. Рассел заметил это. И перешёл в наступление. Первый удар пришёлся по щиту. Второй заставил Торвальда поднять оружие. Третий был обманным. Старый дружинник попытался отразить его, однако клинок Рассела уже изменил направление. Затупленное лезвие с силой ударило противника по правому предплечью.

— Второй удар!

Торвальд отступил. На его лице проступило раздражение. Он вновь поднял щит. Но Рассел не позволил ему восстановить прежнюю защиту. Сделав короткий шаг вперёд, молодой Хардсейм ударил мечом по нижнему краю щита, заставив противника невольно опустить его, а затем коснулся клинком открытого плеча.

— Третий удар! Победа Рассела Хардсейма! — Залитый потом Торвальд тяжело выдохнул. Несколько мгновений он неподвижно смотрел на юношу. Затем рассмеялся.

— Проклятье! Ты заставил меня бегать по двору, словно старого кабана! — Рассел улыбнулся.

— Ты сам однажды говорил, что против сильного противника следует использовать его собственную силу.

— Говорил, — признал северянин. — И теперь жалею об этом. — Он протянул руку. Рассел крепко пожал её. Толпа разразилась громкими приветствиями. На возвышении Фридрих довольно кивнул.

— Вот так и должен сражаться человек, которому предстоит вести воинов, — произнёс он.

Кастер услышал эти слова. И почувствовал, как прежнее удовлетворение от собственной победы постепенно сменяется раздражением. Второй поединок Эйрика оказался значительно короче первого. Его противником стал молодой дружинник, едва успевший заслужить место среди воинов Фридриха. Юноша заметно нервничал. Он то и дело поправлял

ремни на запястьях, переминался с ноги на ногу и украдкой поглядывал на возвышение, где находился конунг. Эйрик встретил его ленивой улыбкой.

— Как тебя зовут?

— Хальвар, господин.

— Что ж, Хальвар. Надеюсь, ты не станешь слишком сильно меня бить. — Молодой дружинник растерянно моргнул.

— Я... постараюсь, господин.

— Вот и славно.

Прозвучал сигнал. Хальвар осторожно приблизился. Эйрик поднял меч. Первый удар молодого дружинника оказался неуклюжим. Младший Хардсейм без труда отвёл его в сторону. Второй — ещё более предсказуемым. Эйрик отступил и неожиданно оказался за спиной противника. Хальвар поспешно развернулся. На мгновение он потерял равновесие. Эйрик мог завершить поединок. Но вместо этого опустил оружие.

— Осторожнее, — заметил он. — Ещё немного, и ты сам себя покалечишь.

Хальвар покраснел. Среди зрителей послышались смешки. Молодой дружинник бросился вперёд. Эйрик отразил несколько ударов. Затем ещё несколько. И вдруг позволил противнику коснуться клинком собственного плеча.

— Первый удар! — Фридрих резко выпрямился.

— Что он творит?

Никто из стоявших рядом не ответил. Эйрик вновь отсту-

пил. Хальвар, воодушевлённый неожиданным успехом, принялся наступать увереннее. Однако младший Хардсейм уже почти не защищался. Он пропустил второй удар. Затем третий.

— Победа Хальвара! — Толпа встретила объявление удивлённым молчанием. Эйрик опустил меч.

— Превосходно сражался, — произнёс он, похлопав растерянного дружинника по плечу. — Хальвар смотрел на него с нескрываемым недоумением.

— Но, господин...

— Не стоит благодарностей. — Эйрик повернулся к выходу.

— Пользуйся славой, пока она не наскучила. — Он направился прочь. Но не успел пройти и нескольких шагов, как над двором прогремел голос Фридриха.

— Эйрик! — Младший Хардсейм остановился. Медленно повернулся.

— Отец?

— Подойди.

В голосе конунга не было ничего, что предвещало бы приятный разговор. Эйрик тяжело вздохнул. Затем направился к возвышению. Фридрих ожидал его стоя. Лицо старого конунга оставалось неподвижным, однако Эйрик слишком хорошо знал собственного отца, чтобы не заметить ярости, скрывавшейся за этим спокойствием.

— Ты считаешь происходящее забавным? — негромко

спросил Фридрих. — Эйрик пожал плечами.

— Не особенно. Признаться, я предпочёл бы провести сегодняшний день в более тёплом месте.

— Я не шучу.

— Я тоже. — Фридрих медленно спустился на одну ступень.

— Ты намеренно проиграл оба поединка. — Эйрик ничего не ответил.

— Неужели ты полагаешь, что я настолько стар и глуп, чтобы не заметить подобного?

— Разумеется, нет.

— Тогда объясни мне, какого проклятья ты творишь!

Последние слова прозвучали настолько громко, что несколько стоявших неподалёку дружинников невольно повернули головы. Эйрик опустил взгляд. На мгновение ему захотелось рассказать отцу правду. Не всю. Хотя бы ту её часть, которая объяснила бы его нежелание отправляться на Юг. Но стоило вспомнить золото Цезака Ортена, как подобное желание исчезло. Слишком поздно. Он уже сделал свой выбор.

— Я не хочу участвовать в походе, — наконец произнёс Эйрик. — Фридрих нахмурился.

— Почему?

— Потому что не желаю.

— Этого недостаточно.

— Боюсь, другого ответа у меня нет. — Конунг некоторое

время смотрел на сына. Затем медленно покачал головой.

— Ты всегда был разочарованием для меня, Эйрик. Но прежде я хотя бы надеялся, что однажды ты повзрослеешь. — Младший Хардсейм почувствовал неприятный укол где-то глубоко внутри. Однако внешне ничем не выдал своих чувств.

— Что ж, надежда — весьма коварная вещь. — Фридрих отвернулся.

— Убирайся с моих глаз. — Эйрик коротко склонил голову.

— Как пожелаешь, отец.

Он развернулся и направился прочь. Лишь оказавшись достаточно далеко, младший Хардсейм позволил себе тяжело выдохнуть. Слова Фридриха продолжали звучать в голове. Ты всегда был разочарованием для меня. Эйрик усмехнулся. Он слышал нечто подобное далеко не впервые. И всё же сегодня почему-то оказалось больнее обычного. Кастер ожидал своего второго противника возле южного края площадки. Он видел разговор Эйрика с отцом, хотя и не сумел разобрать всех произнесённых слов. Но выражение лица Фридриха говорило достаточно. Младший брат вновь навлёк на себя его гнев. Кастер испытал мимолётное удовлетворение. По крайней мере, сегодня не он один вызывал у отца раздражение. Однако это чувство быстро исчезло.

Потому что на площадку вышел его следующий противник. Высокий, широкоплечий северянин с густой чёрной бо-

родой и перебитым носом. В правой руке мужчина держал тяжёлый затупленный меч, а на левом предплечье виднелись старые рубцы, оставшиеся после многочисленных сражений. Кастер узнал его. Хродгар. Один из самых опытных воинов Фридриха. Человек, который когда-то участвовал в походах вместе с самим конунгом.

— Вот уж не ожидал, что сегодня мне придётся сражаться с тобой, — произнёс Кастер. — Хродгар усмехнулся.

— А я не ожидал, что ты успеешь вырасти настолько, чтобы держать меч без помощи наставника. — Кастер нахмурился.

— Посмотрим, насколько хорошо ты помнишь мои детские годы после поединка.

— С удовольствием.

Мужчина поднял оружие. Кастер последовал его примеру. Судья подал сигнал. И Хродгар немедленно атаковал. Первый удар оказался настолько сильным, что молодой Хардсейм едва сумел удержать меч. По рукам пробежала болезненная дрожь. Второй удар последовал снизу. Кастер поспешно отступил. Третий заставил его почти вплотную приблизиться к ограждению. Проклятье. Хродгар был не похож на предыдущего противника. Он не пытался подавить Кастера бесконечной чередой атак. Каждое его движение отличалось удивительной точностью. Каждый удар приходился именно туда, где защита юноши оказывалась слабее. Кастер попытался перейти в наступление. Но Хродгар без тру-

да отразил его клинок. Затем ударил молодого Хардсейма по бедру.

— Первый удар! — Боль оказалась резкой. Кастер невольно поморщился. Хродгар отступил.

— Слишком торопишься, мальчик.

Юноша стиснул зубы. Он ненавидел, когда его называли мальчиком. Особенно перед столь многочисленными зрителями. Кастер вновь атаковал. Но старый дружинник ожидал подобного. Он уклонился, шагнул в сторону и коротким движением ударил юношу по плечу.

— Второй удар!

Толпа загудела. Кастер отшатнулся. В груди вспыхнула ярость. Ещё один удар. Всего один. И он проиграет. Перед глазами возникло лицо Фридриха. Затем — Рассела. Их довольные улыбки. И собственное унижение. Кастер почувствовал, как пальцы сжимают рукоять меча с такой силой, что начали болеть суставы. Он хотел броситься на Хродгара. Заставить его замолчать. Сбить с ног. Ударить снова и снова, пока тот не перестанет сопротивляться. Но в этот момент в памяти неожиданно прозвучали слова Вельтона. Иногда, чтобы победить человека, достаточно позволить ему поверить, что он уже победил тебя. Кастер медленно выдохнул. Нет. Не сейчас. Он опустил меч чуть ниже. Хродгар прищурился.

— Устал? — Кастер тяжело дышал.

— Возможно. — Старый дружинник усмехнулся.

— Тогда тебе ещё многому предстоит научиться.

Он приблизился. Кастер отступил. Ещё на шаг. Затем ещё. Он намеренно позволял противнику теснить себя к ограждению, время от времени неловко поднимая меч, словно руки окончательно перестали его слушаться. Хродгар постепенно становился увереннее. Ему казалось, что молодой Хардсейм окончательно выдохся. Что прежняя ярость покинула его. Что победа уже близка. Именно этого Кастер и добивался. Он заметил, что перед каждым сильным ударом Хродгар слегка разворачивает корпус вправо. Заметил, как тот переносит вес на переднюю ногу. И понял, что старый воин слишком уверен в собственной силе. Когда Хродгар вновь приблизился, Кастер намеренно опустил левое плечо. Открывая бок. Старый дружинник увидел возможность.

И немедленно воспользовался ею. Его меч устремился вперёд. Кастер резко развернулся. Клинок Хродгара прошёл мимо. В то же мгновение молодой Хардсейм шагнул вплотную к противнику и с силой ударил его плечом в грудь. Старый дружинник потерял равновесие. Кастер немедленно нанёс удар по его предплечью.

— Первый удар Кастера! — Хродгар отступил. На лице его появилось удивление. Кастер усмехнулся.

— Что-то случилось? — Северянин нахмурился.

— Хитрый щенок.

— Благодарю.

Хродгар вновь поднял меч. Но теперь он действовал осто-

рожнее. Старый воин больше не стремился завершить поединок одним сильным ударом. Он понял, что молодой Хардсейм намеренно заманил его в ловушку. И не собирался повторять прежнюю ошибку. Некоторое время противники медленно двигались по площадке. Снег под их ногами превратился в грязную кашу. Холодный воздух обжигал лёгкие. Кастер чувствовал, как ноет плечо и как каждый вдох отдаётся болью в ушибленных рёбрах. Но теперь он уже не думал о боли. Он наблюдал. Ждал. Хродгар атаковал первым. Кастер отразил удар. Затем ещё один. Они вновь сошлись. На этот раз старый дружинник сумел оттеснить юношу к самому краю площадки. Кастер почувствовал за спиной деревянное ограждение.

Отступать было некуда. Хродгар поднял меч. И тогда молодой Хардсейм неожиданно шагнул вперёд. Не назад. Не в сторону. Прямо навстречу противнику. Хродгар не успел изменить направление удара. Кастер сбил его клинок собственным, прижался плечом к груди старого воина и, воспользовавшись мгновенным замешательством, нанёс короткий удар по его боку.

— Второй удар Кастера!

Толпа взревела. Хродгар отступил. Теперь счёт сравнялся. Два удара против двух. Один-единственный успешный выпад должен был решить исход поединка. Кастер тяжело дышал. Пот стекал по вискам, несмотря на пронизывающий холод. Перед глазами всё ещё стояло лицо Хродгара. Сосре-

доточенное. Настороженное. Старый дружинник больше не улыбался. И это доставляло Кастеру почти детское удовольствие. Он заставил его воспринимать себя всерьёз. Теперь оставалось лишь победить. Хродгар медленно приблизился. Кастер поднял меч. Они обменялись несколькими короткими ударами. Затем старый дружинник неожиданно попытался сбить оружие юноши мощным движением сверху. Кастер отразил атаку. Но его правая рука болезненно онемела.

Меч едва не выскользнул из пальцев. Хродгар заметил это. Он немедленно шагнул вперёд. Кастер отступил. И поскользнулся. Левая нога неожиданно ушла в сторону. Юноша едва удержался на ногах. Хродгар бросился добивать противника. Однако Кастер уже успел восстановить равновесие. Он резко присел, пропуская клинок над плечом, и ударил старого дружинника по открывшемуся бедру. Затупленное лезвие с глухим стуком встретилось с кожаной защитой.

— Третий удар! Победа Кастера Хардсейма!

На мгновение во дворе воцарилась тишина. Затем раздался оглушительный рёв. Кастер остался стоять неподвижно. Он тяжело дышал, не сразу осознав, что поединок завершён. Хродгар медленно опустил меч. Некоторое время старый дружинник смотрел на молодого Хардсейма. Затем неожиданно рассмеялся.

— Проклятье, мальчишка! — Кастер поднял глаза.

— Я предупреждал тебя. — Хродгар покачал головой.

— Предупреждал. — Он протянул руку.

— Сегодня ты заслужил победу.

Кастер крепко пожал её. И впервые за всё утро почувствовал нечто большее, чем простое удовлетворение. Уважение. Не вынужденное. Не продиктованное происхождением. Настоящее. Он одержал победу над человеком, который ещё совсем недавно мог без труда повалить его на землю во время тренировок. И сделал это не благодаря одной лишь силе. Кастер медленно повернулся к возвышению. Фридрих стоял неподвижно. Его взгляд был прикован к сыну. Некоторое время конунг ничего не говорил. Затем едва заметно кивнул. Кастер почувствовал, как внутри разливается странное тепло. Один короткий кивок. Ничтожный жест. Но ради него он, вероятно, был готов вновь пройти через всю боль, которую испытал сегодня. Когда последние поединки завершились, дружинники собрались возле возвышения.

Фридрих поднялся.

— Первое испытание окончено! — Толпа постепенно умолкла.

— Рассел Хардсейм одержал две победы! — Раздались одобрительные возгласы.

— Кастер Хардсейм также одержал две победы!

На этот раз приветствия оказались не менее громкими. Кастер невольно улыбнулся. Он бросил взгляд на старшего брата. Рассел стоял неподалёку, сохраняя привычное спокойствие. Однако теперь Кастер заметил, что тот несколько крепче сжимает рукоять меча.

— Эйрик Хардсейм потерпел два поражения. — Среди зрителей послышался недовольный гул. Младший брат лишь пожал плечами. Фридрих некоторое время смотрел на него. Затем продолжил:

— Но искусство владения оружием — лишь малая часть того, что необходимо настоящему предводителю. — Он обвёл взглядом собравшихся.

— Воин может быть сильнее десятка противников. Может владеть мечом лучше любого другого человека. Но если он не способен вести за собой товарищей, если не умеет принимать решения и отвечать за чужие жизни, его сила не принесёт народу никакой пользы! — Конунг указал рукой в сторону северных ворот.

— Поэтому второе испытание состоится за пределами Скаггерака. — Кастер насторожился. Рассел поднял голову. Эйрик перестал улыбаться.

— В Сожжённом лесу, — продолжил Фридрих, — вас будут ожидать три отряда дружинников. Каждый из вас получит под своё командование нескольких воинов и должен будет выполнить поставленную задачу. — Он выдержал паузу.

— Вам предстоит захватить укреплённую позицию, удерживаемую людьми, которым приказано сопротивляться до последнего. — Среди собравшихся раздались возбуждённые голоса. Фридрих поднял руку.

— Победит не тот, кто первым обнажит меч. И не тот, кто сумеет уложить на землю больше противников. — Он

посмотрел на сыновей.

— Победит тот, кто выполнит задачу, сохранив как можно больше собственных людей.

Кастер почувствовал, как сердце вновь забилось быстрее. Он посмотрел на Рассела. Старший брат встретил его взгляд. На этот раз никто из них не улыбнулся. Оба прекрасно понимали, что впереди их ожидает куда более серьёзное испытание. И что победа в нём может оказаться значительно важнее всего произошедшего сегодня. А Эйрик, стоявший чуть поодаль, медленно опустил глаза. Проклятье. Он надеялся, что после двух поражений отец попросту отстранит его от дальнейшего участия. Но Фридрих, похоже, решил иначе. Младший Хардсейм тяжело вздохнул. Второе испытание обещало доставить ему куда больше неприятностей, нежели первое. Особенно теперь, когда под его командованием должны были оказаться настоящие люди.

Люди, которые будут ждать от него приказов. И которым, возможно, придётся расплачиваться за его намеренное поражение.

Второе испытание

Сожжённый лес встретил наследников Хардсеймов неприветливой тишиной. Здесь, вдали от крепостных стен Скаггерака, ветер казался ещё холоднее. Он свободно проникал между почерневшими стволами деревьев, срывал с обло-

манных ветвей небольшие комья снега и разносил по узким тропам мелкую ледяную пыль. Под ногами хрустела замёрзшая земля, а местами из-под белоснежного покрова выступали обугленные корни, напоминавшие скрюченные пальцы давно погибших великанов.

Когда-то здесь бушевал страшный пожар. Старые северяне рассказывали, будто пламя пожирало лес на протяжении нескольких недель, оставляя после себя лишь пепел, обгоревшие деревья и землю, которая ещё долгие годы отказывалась принимать новые семена. Теперь среди мёртвых стволов постепенно пробивалась молодая поросль. Однако прежнего величия лес так и не обрёл. Кастер медленно огляделся. Он бывал здесь прежде, но никогда не испытывал особенной привязанности к этому месту. Сожжённый лес казался ему слишком тихим, слишком мрачным и каким-то противоестественным. Даже птицы здесь встречались значительно реже, нежели в окрестностях Скаггерака. Впрочем, сегодня его занимало совсем другое. Неподалёку находились три небольших отряда дружинников.

Каждому из братьев предстояло принять командование над шестью воинами. Среди них имелись как опытные северяне, участвовавшие в прежних походах Фридриха, так и молодые дружинники, ещё не успевшие заслужить настоящую славу. Все были вооружены затупленными мечами, деревянными щитами и короткими копьями с защищёнными наконечниками. Но даже подобное оружие могло причинить

немало боли. Кастер прекрасно знал это по собственному опыту. Ушибленные рёбра продолжали неприятно ныть после утренних поединков. Рассел стоял неподалёку, внимательно слушая распоряжения одного из старших воинов. Эйрик же с мрачным видом разглядывал собственные сапоги.

— Господа, — произнёс седобородый дружинник, выступивший вперёд. — Ваши отряды будут отправлены к трём укреплённым позициям, расположенным в разных частях леса. Каждую удерживают пятеро наших товарищей. Ваша задача — завладеть знаменем, находящимся внутри укрепления, и доставить его к назначенному месту. — Он указал на три деревянных столба, установленных возле широкой лесной дороги.

— На выполнение отводится время до третьего сигнала рога. Захват знамени принесёт основную часть очков. Дополнительные очки будут начислены за скорость и сохранение людей. Воин, получивший три засчитанных удара, считается выбывшим и обязан немедленно покинуть место сражения. — Рассел кивнул.

— А если командир окажется выведен из строя?

— Его отряд вправе продолжать выполнение задачи. Но потеря командира повлечёт значительный штраф. — Кастер усмехнулся.

— Значит, лучше не подставляться.

— Лучше думать о своих людях, — заметил Рассел. — Младший брат посмотрел на него.

— Одно другому не мешает.

— Посмотрим. — Эйрик тяжело вздохнул.

— Как же приятно наблюдать, когда два будущих великих полководца начинают спорить ещё до первого сражения. — Кастер повернулся к нему.

— А ты, полагаю, намерен провести всё испытание за ближайшим деревом?

— Если найдётся достаточно широкое, непременно. — Рассел покачал головой.

— Иногда мне кажется, что ты совершенно не понимаешь, насколько важен сегодняшний день. — Эйрик посмотрел на него. На мгновение привычная улыбка исчезла с его лица.

— Поверь, братец. Я понимаю это лучше, чем ты думаешь. — Но прежде чем Рассел успел ответить, старший дружинник вновь поднял руку.

— Разойдитесь по своим отрядам. Испытание начнётся после первого сигнала.

Кастер получил под своё командование шестерых воинов. Самым старшим среди них оказался невысокий коренастый северянин по имени Бьорн. Его густая борода была уже наполовину седой, а над правой бровью тянулся глубокий старый шрам. Остальные дружинники выглядели значительно моложе. Двое едва ли были старше самого Кастера. Юноша внимательно осмотрел их.

— Кто из вас бывал в этой части леса? — Бьорн поднял руку.

— Я, господин. Неоднократно.

— Прекрасно. Что можешь сказать об укреплении? — Северянин задумался.

— Если память мне не изменяет, там проходит старый охотничий тракт. С северной стороны подступы открытые, зато к востоку тянется овраг. Зимой он почти полностью занесён снегом. — Кастер кивнул.

— Значит, с севера нас будут ждать.

— Вероятнее всего.

— А овраг? — Бьорн нахмурился.

— Неприятное место. Можно провалиться по пояс, а то и глубже. Да и выбраться оттуда в доспехах будет нелегко. — Кастер некоторое время молчал. Затем посмотрел на остальных.

— Как хорошо вы умеете передвигаться по глубокому снегу? — Молодые дружинники переглянулись.

— Достаточно хорошо, господин, — ответил один из них.

— Проверим. — Бьорн прищурился.

— Вы намерены идти через овраг?

— Возможно.

— Но, господин, северный тракт значительно безопаснее. — Кастер усмехнулся.

— Именно поэтому нас там и будут ждать.

Старый воин не ответил. Он уже понял, что молодой Хардсейм намеревается воспользоваться неожиданностью. Но подобное решение ему явно не нравилось. Рассел начал

с другого. Он приказал своим людям снять лишние вещи, проверить крепления щитов и внимательно осмотрел каждого дружинника. Один из молодых воинов заметно прихрамывал.

— Что с ногой? — спросил Рассел.

— Ничего серьёзного, господин. Ушиб после вчерашней тренировки. — Старший наследник нахмурился.

— Покажи. — Юноша нерешительно приподнял штанину. Возле лодыжки виднелась припухлость. Рассел тяжело вздохнул.

— Ты не сможешь быстро передвигаться.

— Смогу, господин!

— Я не спрашивал, чего ты желаешь. Я спрашиваю, на что ты способен. — Молодой дружинник опустил голову. Рассел некоторое время разглядывал его. Затем указал на небольшой холм неподалёку.

— Ты останешься позади основного отряда. Будешь наблюдать за подходами и подавать сигналы. В ближний бой не вступать.

— Но...

— Это приказ. — Юноша нехотя кивнул. Рассел повернулся к остальным.

— Нам не нужно доказывать, что мы способны проломить укрепление собственными головами. Для начала выясним, где находятся защитники, а затем заставим их покинуть выгодные позиции. — Один из дружинников усмехнулся.

— Вы говорите совсем как ваш отец, господин. — Рассел невольно улыбнулся.

— Надеюсь, когда-нибудь я научусь принимать решения не хуже него.

Эйрик между тем стоял перед собственным отрядом, не испытывая ни малейшего желания приступать к испытанию. Шестеро дружинников ожидали его распоряжений. Младший Хардсейм медленно оглядел их.

— Что ж, господа. Предлагаю не торопиться. — Один из воинов удивлённо поднял брови.

— Но, господин, нам необходимо захватить знамя.

— Совершенно верно.

— Тогда...

— Тогда сперва следует убедиться, что мы не угодим в какую-нибудь неприятность.

Эйрик улыбнулся. Однако улыбка получилась натянутой. Он прекрасно понимал, что не может открыто приказать своим людям проиграть. Они были дружинниками Фридриха. Верными слугами конунга. И едва ли согласились бы намеренно опозорить себя ради прихоти одного из его сыновей. Поэтому Эйрик решил действовать иначе. Он намеревался двигаться медленно. Слишком осторожно. Затратить как можно больше времени на разведку и обсуждение очевидных вещей. Возможно, когда прозвучит третий сигнал рога, его отряд окажется ещё достаточно далеко от укрепления. И тогда поражение будет выглядеть вполне естественным. По

крайней мере, он надеялся на это. Первый сигнал разнёсся над лесом протяжным, низким звуком. Кастер немедленно двинулся вперёд.

Его дружинники последовали за ним, стараясь не отставать. Поначалу путь оказался сравнительно лёгким. Под ногами тянулась узкая тропа, протоптанная охотниками, а редкие деревья позволяли без особого труда ориентироваться среди почерневших стволов. Но вскоре Кастер свернул на восток. Бьорн недовольно нахмурился.

— Господин, овраг находится именно там.

— Знаю.

— Позвольте напомнить, что...

— Я прекрасно помню твои слова. — Кастер остановился. Он посмотрел на старого дружинника.

— Скажи мне, Бьорн. Если бы тебе приказали оборонять укрепление, откуда ты ожидал бы нападения?

— С северного тракта.

— Почему?

— Потому что там наиболее удобный подход.

— Именно. — Юноша указал рукой в сторону густых зарослей.

— А теперь представь, что противник внезапно появляется у тебя за спиной. — Бьорн некоторое время молчал.

— Это может сработать. — Кастер улыбнулся.

— Непременно сработает.

Однако уже через несколько минут его уверенность под-

верглась первому испытанию. Овраг оказался значительно глубже, чем предполагалось. Снег почти полностью скрывал неровности земли. Местами под ним находились обледеневшие камни, а кое-где — старые корни, о которые легко было споткнуться. Первым упал один из молодых дружинников. Он провалился почти по пояс, выругался и принялся отчаянно выбираться из рыхлого снега. Кастер раздражённо обернулся.

— Поднимайся!

— Сейчас, господин! — Юноша попытался подтянуться, но его нога оказалась зажата между корнями. Бьорн немедленно бросился к нему.

— Не дёргайся, дурень! Только хуже сделаешь!

Кастер нетерпеливо огляделся. Время уходило. Он уже представлял, как Рассел спокойно захватывает собственное знамя, пока его отряд возится посреди проклятого оврага.

— Быстрее! — приказал он. — Бьорн поднял голову.

— Господин, ему нужно помочь.

— Так помогай!

— Мне потребуется ещё один человек.

Кастер стиснул зубы. На мгновение ему захотелось приказать оставить неудачника. Всего один дружинник. Один человек, который оказался недостаточно осторожен. Разве стоило из-за него рисковать победой? Но затем Кастер вспомнил условия испытания. Каждый потерянный воин означал штраф. Он недовольно выдохнул.

— Двое остаются с Бьорном. Остальные — за мной. — Старый дружинник нахмурился.

— Вы разделяете отряд?

— Я не собираюсь ждать, пока вытащат каждого, кто не способен смотреть себе под ноги.

Кастер развернулся. И направился дальше. Рассел тем временем уже обнаружил укрепление. Оно представляло собой небольшую площадку, окружённую деревянными заграждениями. Между двумя толстыми соснами было натянуто знамя с изображением чёрного волка. Возле входа стояли двое защитников. Ещё трое скрывались за невысокими баррикадами. Рассел некоторое время наблюдал за ними из-за поваленного дерева.

— Если пойдём напрямик, потеряем как минимум двоих, — негромко произнёс один из дружинников. — Старший Хардсейм кивнул.

— Возможно, больше. — Он задумался. Затем указал на узкую тропу, проходившую вдоль западного края укрепления.

— Двое обойдут их с той стороны. Остальные останутся здесь.

— Нападём одновременно?

— Нет. — Рассел посмотрел на своих людей.

— Сначала заставим их поверить, что вся наша сила находится перед воротами. — Дружинники переглянулись.

— А затем?

— Затем они сами откроют нам дорогу. — Кастер достиг края оврага, когда над лесом раздался второй сигнал рога. Он замер. Половина отведённого времени уже прошла.

— Проклятье! — Один из дружинников осторожно приблизился.

— Господин, нам следует дождаться остальных. — Кастер резко повернулся.

— Если мы продолжим ждать, турнир закончится прежде, чем мы увидим это проклятое знамя!

Он поднялся на небольшой холм. И неожиданно заметил укрепление. Оно находилось совсем близко. За невысоким деревянным частоколом виднелись фигуры защитников, сосредоточивших внимание на северном подходе. Кастер медленно улыбнулся. Бьорн оказался прав. И сам Кастер тоже. С восточной стороны укрепление практически не охранялось. Он повернулся к оставшимся дружинникам.

— Вот теперь слушайте внимательно.

Нападение началось внезапно. Один из защитников едва успел обернуться, когда из-за обгоревших деревьев выскочили трое северян. Кастер бежал впереди. Его меч с силой ударил по щиту первого противника, заставив того отступить к деревянному заграждению. Второй защитник попытался перехватить молодого Хардсейма, однако один из дружинников Кастера немедленно бросился ему наперерез. Раздался глухой стук деревянных щитов. Затем болезненный вскрик. Кастер не обернулся. Его внимание было приковано к знаме-

ни. Оно находилось всего в нескольких шагах. Он уже протянул руку, когда перед ним появился третий защитник. Высокий северянин с широким щитом.

— Не так быстро, господин! — Кастер усмехнулся.

— Попробуй остановить.

Они столкнулись. Первый удар защитник отразил. Второй заставил его отступить. Третий пришёлся по краю щита, от которого откололась небольшая щепка. Кастер почувствовал, как вновь отзываются болью ушибленные рёбра. Но теперь он не собирался отступать. Он резко шагнул в сторону, заставил противника развернуться и ударил его по открывшемуся плечу.

— Первый удар! — крикнул наблюдавший за сражением судья. — Защитник выругался. Кастер вновь атаковал. Через несколько мгновений противник оказался прижат к заграждению. Ещё один удар. Затем третий.

— Выбыл! — Кастер немедленно бросился к знамени. Он сорвал его с крепления и поднял над головой.

— Знамя захвачено!

Его дружинники встретили победу громкими криками. Однако радость оказалась недолгой. Один из молодых воинов сидел возле поваленного дерева, прижимая ладонь к окровавленному лицу. Во время столкновения ему разбили нос. Другой лежал на снегу, тяжело дыша и держась за плечо. Кастер остановился.

— Что с ним? — Один из дружинников повернулся.

— Получил три удара, господин. Выбыл из испытания. — Кастер нахмурился.

— А остальные?

— Бьорн всё ещё возвращается с теми, кто задержался в овраге.

Юноша стиснул зубы. Он завладел знаменем. Но потерял слишком много времени. И людей. Рассел захватил собственное укрепление несколько позднее. Однако его победа оказалась значительно спокойнее. Пока трое дружинников отвлекали защитников возле главного входа, двое остальных незаметно приблизились с западной стороны. Когда противники окончательно сосредоточились на отражении ложного нападения, Рассел подал сигнал. Его люди ворвались в укрепление почти одновременно. Защитники попытались перегруппироваться. Но было поздно. Через несколько мгновений знамя оказалось в руках старшего Хардсейма. Лишь один из его дружинников получил три засчитанных удара и выбыл из испытания. Остальные сохранили способность продолжать бой.

Рассел осмотрел людей.

— Все целы?

— Так точно, господин! — Он облегчённо выдохнул.

— Тогда возвращаемся.

Эйрик к тому времени всё ещё находился в лесу. Его отряд продвигался медленно. Слишком медленно. Дружинники уже начали переглядываться, однако никто не осмеливал-

ся открыто обвинить сына конунга в намеренном промедлении.

— Господин, — наконец произнёс один из воинов, — до третьего сигнала осталось совсем немного. — Эйрик кивнул.

— Знаю.

— Нам необходимо ускориться.

— Возможно. — Дружинник нахмурился.

— Возможно? — Эйрик уже собирался ответить, когда из-за деревьев донёсся приглушённый крик. Все остановились. Затем раздался второй. Более отчётливый.

— Помогите! — Эйрик резко повернул голову.

— Что там? — Один из дружинников указал в сторону узкой низины.

— Похоже, кто-то попал в беду.

Младший Хардсейм почувствовал неприятное раздражение. Только этого ему не хватало. Он уже собирался приказать продолжать путь, когда крик повторился. На этот раз в нём отчётливо слышался страх. Эйрик выругался.

— Идём.

Они поспешили к низине. И вскоре обнаружили молодого дружинника, лежавшего возле обледеневшего склона. Его нога оказалась зажата между двумя тяжёлыми брёвнами, оставшимися после старой вырубки. Рядом валялся сломанный деревянный щит. Юноша был бледен.

— Господин... — выдохнул он. — Помогите... — Эйрик опустился возле него на колено.

— Какого проклятья ты здесь делаешь?

— Я... шёл к укреплению... Соскользнул... — Младший Хардсейм осмотрел ногу. Даже сквозь плотную ткань было заметно, что она неестественно вывернута. Эйрик поморщился.

— Проклятье. — Один из дружинников приблизился.

— Нам следует сообщить судьям.

— Пока они доберутся сюда, парень успеет окончательно отморозить ногу. — Эйрик поднял голову.

— Двое — сюда. Остальные найдите длинную жердь. Нужно приподнять бревно.

Воины немедленно подчинились. Через несколько мгновений они уже пытались освободить зажатую конечность. Молодой дружинник вскрикнул. Эйрик крепко удержал его за плечи.

— Смотри на меня. — Юноша тяжело дышал.

— Больно...

— Знаю.

— Я не чувствую ступню... — Эйрик на мгновение замер. Затем заставил себя улыбнуться.

— Значит, придётся поторопиться. — Он повернулся к остальным.

— Поднимайте! — Бревно медленно сдвинулось. Юноша закричал. Эйрик стиснул зубы.

— Ещё немного!

Наконец ногу удалось освободить. Дружинники осторож-

но оттащили пострадавшего в сторону. Один из воинов снял плащ и укрыл его. Эйрик некоторое время смотрел на бледное лицо юноши. Затем медленно поднялся. Где-то вдали раздался третий сигнал рога. Испытание завершилось. Его отряд не захватил знамя. Эйрик закрыл глаза. Он добился того, чего желал. Но почему-то не испытывал никакого удовлетворения.

К тому времени, когда наследники вернулись к месту сбора, солнце уже начало медленно опускаться за почерневшие верхушки деревьев. Фридрих ожидал их возле широкого костра. Вокруг стояли дружинники, судьи и несколько ярлов, которым предстояло объявить результаты второго испытания. Кастер прибыл первым. Он держал захваченное знамя, однако его лицо оставалось мрачным. Следом появился Рассел. Старший брат выглядел уставшим, но довольным. Последним вернулся Эйрик. Он шёл рядом с дружинниками, несшими пострадавшего товарища на наскоро изготовленных носилках. Фридрих нахмурился.

— Что произошло? — Эйрик остановился.

— Несчастный случай, отец. — Конунг посмотрел на раненого.

— Кто он?

— Один из дружинников, участвовавших в обороне укрепления. Сорвался со склона. — Фридрих немедленно приказал позвать лекаря. Затем повернулся к сыну.

— А твоё знамя? — Эйрик пожал плечами.

— Боюсь, оно осталось там, где и находилось. — Конунг тяжело выдохнул. Но прежде чем он успел произнести очередной упрёк, один из старших дружинников выступил вперёд.

— Господин, если позволите... — Фридрих посмотрел на него.

— Говори.

— Ваш сын остановил испытание, чтобы помочь раненому. Его люди могли продолжить путь, но он приказал им заняться спасением товарища. — Конунг перевёл взгляд на Эйрика. Тот ничего не ответил. Некоторое время Фридрих молчал. Затем негромко произнёс:

— Понятно.

В его голосе больше не было прежней ярости. Результаты объявили после того, как судьи завершили подсчёт. Кастер захватил знамя быстрее остальных. Однако двое его дружинников были выведены из строя, а ещё один получил повреждение ноги во время перехода через овраг. Рассел выполнил задачу несколько позднее, зато сумел сохранить большую часть отряда. Эйрик не достиг укрепления вовсе. Но его люди вернулись невредимыми, а пострадавший дружинник был доставлен к лекарю. Фридрих внимательно выслушал доклад. Затем поднялся.

— Второе испытание показало мне больше, чем все сегодняшние поединки. — Он посмотрел на Кастера.

— Ты сумел найти путь, которого не ожидали защитники.

Захватил укрепление и первым доставил знамя. — Кастер выпрямился.

— Благодарю, отец.

— Но ради этого ты разделил собственный отряд и подверг людей неоправданному риску. — Улыбка исчезла с лица юноши.

— Я добился победы.

— Победа не всегда оправдывает цену, которую за неё приходится платить. — Кастер стиснул зубы. Фридрих перевёл взгляд на Рассела.

— Ты действовал медленнее, но сумел выполнить задачу, сохранив почти всех своих людей. Именно поэтому судьи присудили тебе первое место во втором испытании. — Рассел почтительно склонил голову.

— Благодарю, отец.

Кастер почувствовал, как внутри вновь вспыхивает раздражение. Он прибыл первым. Он захватил знамя быстрее. И всё же победителем объявили Рассела. Фридрих повернулся к Эйрику.

— Что же касается тебя... — Младший Хардсейм поднял глаза. Конунг некоторое время молчал.

— Ты вновь не выполнил поставленную задачу. — Эйрик опустил голову.

— Да, отец.

— Однако сегодня ты хотя бы вспомнил, что жизни наших людей стоят дороже твоих прихотей. — Младший Хард-

сейм неожиданно почувствовал неловкость. Он не привык слышать от Фридриха подобные слова.

— Я всего лишь помог раненому.

— Именно это ты и должен был сделать. — Конунг отвернулся.

— Теперь возвращаемся в Скаггерак. Последнее испытание состоится перед заходом солнца.

Обратный путь прошёл почти в полном молчании. Кастер шёл немного впереди остальных. Его лицо оставалось неподвижным, однако внутри постепенно разрасталось неприятное чувство. Он вновь оказался вторым. Снова. Даже после того, как сумел выполнить задачу быстрее Рассела. Даже после того, как проявил находчивость, о которой прежде говорил Вельтон. Отец всё равно нашёл причину похвалить старшего сына. Кастер стиснул кулаки.

— Ты злишься, — раздался позади голос Рассела. — Юноша не обернулся.

— Оставь меня. — Старший брат приблизился.

— Фридрих прав. Ты слишком рисковал людьми. — Кастер остановился. Медленно повернулся.

— Я захватил знамя.

— Ценой трёх выбывших дружинников.

— Они живы.

— Сегодня — да. — Кастер почувствовал, как внутри закипает ярость.

— Ты всегда находишь причину читать мне наставления.

— Рассел нахмурился.

— Я лишь пытаюсь объяснить...

— Мне ничего не нужно объяснять! — Несколько дружинников, шедших неподалёку, невольно обернулись. Кастер сделал шаг к брату.

— Ты считаешь себя лучше меня. Всегда считал. Потому что отец хвалит тебя за каждое движение, за каждое слово, за каждый проклятый вздох! — Рассел побледнел.

— Это неправда.

— Разумеется. — Кастер горько усмехнулся.

— Ты ведь никогда не замечал, как он смотрит на меня. — Старший брат некоторое время молчал. Затем негромко произнёс:

— Ты ошибаешься, Кастер.

— В чём?

— Ты думаешь, что мне всё достаётся без труда. — Кастер отвернулся.

— Оставь свои жалобы для кого-нибудь другого.

Рассел хотел ответить. Но передумал. Он лишь тяжело вздохнул и направился дальше. Кастер остался стоять посреди заснеженной тропы. Ветер коснулся его лица. Где-то вдали каркнула ворона. Юноша медленно поднял глаза к серому небу. Сегодня он ещё мог всё изменить. Впереди оставалось последнее испытание. Поединок. Он и Рассел. Без дружинников. Без знамён. Без чужих ошибок, за которые приходилось расплачиваться собственным поражением. Только два

брата. Два меча. И древний волчий клык Хардсеймов. Кастер медленно улыбнулся. На этот раз он не собирался уступать. Ни при каких обстоятельствах.

Последнее испытание

К тому времени, когда наследники Хардсеймов вернулись в Скаггерак, солнце уже клонилось к горизонту. Над крепостными стенами медленно сгущались сумерки. Небо приобрело грязновато-серый оттенок, а редкие лучи заходящего солнца, пробивавшиеся сквозь тяжёлые облака, окрашивали заснеженные крыши в тусклые багровые цвета. Ветер постепенно усиливался, заставляя деревянные ставни жалобно скрипеть, а знамёна, развешанные над крепостным двором, — беспокойно трепетать на холоде.

Однако жители Скаггерака не спешили расходиться. Напротив. С каждым мгновением возле ограждённой площадки собиралось всё больше людей. Мужчины, женщины, старики и даже дети теснились вдоль деревянных заграждений, стараясь занять места, откуда можно было бы лучше разглядеть предстоящее сражение. Кто-то держал в руках кружку с горячим элем, кто-то закутывался в меховые плащи, а наиболее нетерпеливые уже выкрикивали имена наследников, заключая последние пари. За прошедший день разговоры о турнире успели распространиться по всему городу. Рассел одержал две победы в поединках и продемонстриро-

вал превосходное умение командовать дружинниками. Кастер также не потерпел ни единого поражения, а во время второго испытания сумел первым захватить укрепление, хотя и заплатил за собственную поспешность потерей нескольких воинов.

Эйрик же, к удивлению немногих, кто всё ещё верил в его способности, оказался последним. Теперь оставалось определить победителя. И никто не сомневался, что решающее сражение состоится между двумя старшими братьями. Кастер сидел на деревянной скамье возле оружейной стойки. Его плечи были покрыты тяжёлым меховым плащом, однако холод всё равно проникал под одежду. Ушибленные рёбра продолжали неприятно ныть, правое предплечье заметно опухло, а на бедре проступил большой синяк, оставшийся после поединка с Хродгаром. Юноша медленно провёл ладонью по лицу. Он устал. Гораздо сильнее, чем желал признавать.

За сегодняшний день ему довелось сразиться с двумя опытными дружинниками, преодолеть заснеженный овраг и принять участие в штурме укрепления. Каждое движение теперь сопровождалось неприятным ощущением тяжести, а пальцы правой руки с трудом разгибались после долгих часов, проведённых с мечом. И всё же Кастер не испытывал желания отдохнуть. Он смотрел на площадку. Туда, где совсем скоро должен был встретиться с Расселом.

— Ты выглядишь так, словно уже проиграл. — Знакомый

голос заставил его поднять голову. Перед ним стоял Вельтон Резорский. Старый воин держал в руках небольшой кожаный сосуд с водой.

— Благодарю за поддержку, — недовольно произнёс Кастер. — Вельтон усмехнулся.

— Я всегда говорил тебе правду. — Он протянул сосуд. Кастер сделал несколько больших глотков. Холодная вода неприятно обожгла пересохшее горло.

— Как Рассел? — спросил юноша.

— Готовится.

— Разумеется. — Кастер вернул сосуд.

— Он ведь всегда готов ко всему. — Вельтон некоторое время смотрел на ученика.

— Ты завидуешь ему. — Юноша резко поднял глаза.

— Что?

— Ты слышал.

— Я не завидую Расселу.

— Тогда почему всякий раз, когда речь заходит о твоём брате, ты ведёшь себя так, словно он отнял у тебя нечто бесценное?

Кастер нахмурился. Он хотел ответить. Сказать, что Вельтон ошибается. Что ему совершенно безразличны успехи старшего брата. Но слова почему-то не находились. Перед глазами возник Фридрих. Его улыбка после победы Рассела. Его одобрительные слова. То, как он смотрел на первенца, когда тот рассказывал о собственных достижениях. Кастер

опустил голову.

— Ты не понимаешь. — Вельтон сел рядом.

— Возможно. — Некоторое время они молчали. Затем старый воин негромко произнёс:

— Знаешь, Кастер, я много лет наблюдаю за тобой. Видел, как ты впервые взял в руки деревянный меч. Как падал на тренировочном дворе, разбивал колени, сдирал кожу с ладоней и всякий раз поднимался, требуя продолжения. — Юноша невольно улыбнулся.

— Помню.

— Тогда ты не боялся проигрывать. — Кастер посмотрел на наставника.

— Потому что был ребёнком.

— Нет. — Вельтон покачал головой.

— Потому что понимал: поражение ещё не делает тебя слабым. — Улыбка исчезла с лица молодого Хардсейма.

— Сегодня я не проиграю.

— Я и не прошу тебя проигрывать. — Резорский поднялся.

— Но запомни одну вещь. Рассел знает, как ты сражаешься. Он видел твою ярость, твою поспешность и твоё желание закончить каждый поединок как можно быстрее. — Кастер медленно выпрямился.

— И что с того?

— Позволь ему увидеть именно это. — Юноша прищурился. Вельтон улыбнулся.

— А затем покажи то, чего он не ожидает. — Кастер некоторое время смотрел на наставника. Потом медленно кивнул.

— Пожалуй, я понял.

Рассел находился в противоположной части двора. Один из дружинников помогал ему затягивать ремни на кожаном нагруднике, пока другой проверял состояние затупленного меча. Старший наследник выглядел сосредоточенным. Он почти не разговаривал. Лишь время от времени поднимал взгляд на возвышение, где уже занял своё место Фридрих. Рассел прекрасно понимал, что сегодняшний поединок окажется труднее всех предыдущих. Кастер изменился. Он заметил это ещё утром. Младший брат по-прежнему оставался вспыльчивым, упрямым и чрезмерно самоуверенным, однако в его движениях появилось нечто новое. Терпение. Пусть ещё неуверенное. Пусть временами уступавшее место привычной ярости. Но всё же терпение. Рассел вспомнил поединок Кастера с Хродгаром.

То, как младший брат намеренно отступал, позволял противнику приблизиться и лишь затем наносил неожиданный удар. Подобного прежде за ним не замечалось.

— Господин, — обратился к нему дружинник, — оружие готово.

Рассел кивнул. Он взял меч. Несколько раз взмахнул им, проверяя равновесие клинка. Затем глубоко вдохнул. Сегодня он должен был победить. Не потому, что ненавидел Ка-

стера. И не потому, что желал унизить его перед народом. Напротив. В глубине души Рассел по-прежнему любил младшего брата. Помнил, как они вместе убегали от наставников, как прятались среди конюшен и как однажды, ещё совсем детьми, поклялись отправиться в дальнее странствие, когда станут достаточно взрослыми. Но годы постепенно изменили их. Между ними возникло соперничество, которое с каждым новым днём становилось всё ожесточённее. Рассел не знал, когда именно брат начал воспринимать его как врага. И ещё меньше понимал, каким образом можно было это исправить.

Он лишь надеялся, что сегодняшний турнир не разрушит последние остатки прежней близости. Когда над двором раздался протяжный звук рога, разговоры постепенно стихли. Фридрих поднялся со своего места. На груди старого конунга покоилась серебряная цепочка с волчьим клыком.

— Славные жители Скаггерака! — громогласно произнёс он. — Сегодня мои сыновья доказали, что кровь Хардсеймов по-прежнему способна рождать достойных воинов! — Толпа ответила одобрительными криками.

— Они сражались, преодолевали трудности и учились принимать решения, от которых зависели не только их собственные судьбы, но и судьбы товарищей. — Конунг выдержал паузу.

— Однако испытание ещё не завершено! — Он поднял руку.

— По итогам первых двух состязаний право сразиться за

древнюю реликвию нашего рода получили Рассел и Кастер Хардсеймы! — Двор взорвался приветственными возгласами. Эйрик, стоявший возле одного из ограждений, лениво захлопал в ладони.

— Как неожиданно, — пробормотал он. — Фридрих продолжил:

— Победителем станет тот, кто сумеет обезоружить противника либо заставить его признать поражение. Поединок будет продолжаться до решения судей. Удары в голову запрещены. Намеренное нападение на поверженного соперника повлечёт немедленное поражение. — Он посмотрел на сыновей.

— И помните: перед вами не враг.

Кастер едва заметно усмехнулся. Рассел почтительно склонил голову. Затем оба вышли на площадку. Некоторое время братья молча стояли друг напротив друга. Между ними оставалось всего несколько шагов. Кастер внимательно разглядывал Рассела. Старший наследник выглядел спокойным, однако по тому, как крепко он удерживал рукоять меча, юноша понимал, что брат также испытывает напряжение.

— Что ж, — наконец произнёс Рассел. — Похоже, мы вновь оказались здесь. — Кастер усмехнулся.

— На этот раз всё закончится иначе.

— Возможно. — Рассел поднял оружие.

— Но я не собираюсь уступать тебе лишь потому, что ты так сильно этого желаешь.

— Я и не прошу. — Кастер принял боевую стойку.

— Мне будет куда приятнее победить тебя по-настоящему. — Судья поднял руку. На мгновение во дворе воцарилась почти полная тишина. Затем прозвучал приказ:

— Начинайте!

Рассел атаковал первым. Его клинок стремительно устремился к левому плечу Кастера. Младший брат успел отразить удар. Сталь встретилась со сталью. Раздался резкий звон. Кастер немедленно попытался ответить, однако Рассел уже отступил, не позволив ему воспользоваться открывшейся возможностью. Следующий удар последовал снизу. Кастер уклонился. Затем ещё один. И ещё. Рассел действовал уверенно. Его движения были точными, экономными и лишёнными ненужной поспешности. Он не стремился подавить брата одной лишь силой. Напротив, постепенно заставлял его отступать, вынуждая расходовать силы на отражение непрерывных атак. Кастер почувствовал раздражение. Он попытался перейти в наступление. Его меч с силой обрушился на клинок Рассела.

Затем последовал второй удар. Третий. Четвёртый. Толпа оживилась. Однако старший брат не растерялся. Он спокойно отражал атаки, время от времени отступая на полшага, пока Кастер не совершил первую ошибку. Слишком широко размахнулся. Рассел немедленно воспользовался этим. Он шагнул вперёд и с силой ударил брата по предплечью. Кастер болезненно поморщился. Пальцы на мгновение осла-

били хватку.

— Осторожнее, — негромко произнёс Рассел. — Кастер поднял глаза.

— Не смей меня жалеть.

— Тогда перестань сражаться так, словно желаешь доказать что-то самому себе.

Эти слова оказались болезненнее удара. Кастер стиснул зубы. И вновь бросился вперёд. Поединок продолжался. Снег под ногами братьев постепенно превращался в грязную кашу. Их дыхание становилось всё тяжелее, а движения — менее стремительными. Кастер уже несколько раз едва не потерял равновесие. Рассел также начал уставать. Однако преимущество по-прежнему оставалось за старшим наследником. Он лучше распределял силы. Точнее выбирал моменты для атаки. И значительно реже допускал ошибки. Фридрих внимательно наблюдал за происходящим. На его лице не отражалось никаких чувств. Неподалёку Вельтон Резорский скрестил руки на груди. Старый воин прекрасно видел, что Кастер постепенно уступает. Но пока не вмешивался.

Он ждал. Очередной удар Рассела пришёлся по мечу младшего брата с такой силой, что тот едва не выскользнул из его руки. Кастер отступил. Затем ещё на шаг. Он тяжело дышал. Перед глазами на мгновение потемнело. Ушибленные рёбра болезненно отзывались при каждом движении. Рассел приблизился.

— Довольно, Кастер. — Юноша поднял голову.

— Что?

— Ты устал. — Кастер усмехнулся.

— Неужели?

— Я не хочу причинять тебе серьёзных увечий.

Младший Хардсейм почувствовал, как внутри вспыхивает ярость. Он хотел броситься на брата. Ударить. Заставить замолчать. Но в этот момент вновь вспомнил слова Вельтона. Позволь ему увидеть то, чего он ожидает. Кастер медленно выдохнул. Затем опустил меч чуть ниже.

— Возможно, ты прав. — Рассел нахмурился. Он явно не ожидал подобного ответа.

— Что? — Кастер покачал головой.

— Я сказал, возможно, ты прав.

Он сделал шаг назад. Неловко переставил левую ногу. Затем тяжело опёрся на меч, словно тот внезапно оказался слишком тяжёлым для его уставших рук. Рассел некоторое время смотрел на брата.

— Ты сдаёшься? — Кастер усмехнулся.

— Не торопись.

Он вновь поднял оружие. Но теперь его движения казались значительно медленнее. Рассел осторожно приблизился. Нанёс короткий удар. Кастер с трудом отразил его. Затем ещё один. Младший брат отступил. Среди зрителей послышались возбуждённые голоса. Кто-то уже начал выкрикивать имя Рассела. Кастер слышал их. Каждый крик. Каждое слово. Но теперь они не вызывали прежней ярости. Напротив.

Он внимательно наблюдал за братом. За тем, как тот переносит вес с одной ноги на другую. Как поднимает плечо перед сильным ударом. Как постепенно становится увереннее в собственной победе. Кастер позволял ему верить. Позволял приближаться. Позволял думать, что всё уже решено. Рассел вновь атаковал. Кастер отступил.

Ещё один удар. Ещё шаг назад. Позади оказалось деревянное ограждение. Отступать было практически некуда. Рассел остановился.

— Кастер. — Младший брат поднял глаза.

— Что?

— Довольно. — Кастер тяжело дышал.

— Тогда заканчивай.

Рассел нахмурился. Он не желал наносить брату лишних увечий. Но и отступать теперь не собирался. Старший наследник поднял меч. И шагнул вперёд. Именно этого Кастер и ждал. Рассел нанёс сильный удар справа. Кастер резко изменил положение корпуса. Клинок прошёл мимо его плеча. В то же мгновение младший Хардсейм шагнул навстречу брату, сбил его оружие в сторону и с силой толкнул плечом. Рассел потерял равновесие. Левая нога скользнула по утоптанному снегу. Он попытался отступить. Но Кастер уже оказался слишком близко. Короткая подсечка. Резкий толчок. И старший наследник рухнул на спину. Воздух с шумом вырвался из его груди. Прежде чем Рассел успел подняться, Кастер приставил затупленное остриё меча к его горлу.

На мгновение во дворе воцарилась тишина. Рассел смотрел на брата широко раскрытыми глазами. Он не сразу понял, что произошло. Ещё мгновение назад победа казалась почти неизбежной. А теперь он лежал на грязном снегу, ощущая холод металла возле собственной шеи. Кастер тяжело дышал. Его лицо было покрыто потом. На губах появилась улыбка.

— Сдавайся. — Рассел стиснул зубы. Он попытался пошевелиться. Кастер немедленно приблизил клинок.

— Не стоит. — Старший брат замер. Некоторое время они молча смотрели друг на друга. Затем Рассел медленно произнёс:

— Ты нарочно позволил мне поверить, что побеждаю. — Кастер усмехнулся.

— А ты позволил себе в это поверить.

Рассел закрыл глаза. На его лице отразилось горькое разочарование. Он проиграл. Не потому, что оказался слабее. Не потому, что хуже владел мечом. А потому, что недооценил собственного брата.

— Признаёшь поражение? — повторил Кастер. — Рассел медленно открыл глаза. Затем едва заметно кивнул.

— Признаю. — Кастер отступил. Судья немедленно поднял руку.

— Победа Кастера Хардсейма!

Крепостной двор взорвался оглушительным рёвом. Люди вскакивали со своих мест, размахивали руками, выкрики-

вали имя победителя. Несколько дружинников с силой ударили мечами по щитам, а возле западного ограждения кто-то опрокинул целую бочку эля, вызвав громкую перебранку среди стоявших рядом северян.

— Кастер!

— Слава Хардсейму!

— Да здравствует победитель!

Юноша стоял посреди площадки. Он тяжело дышал. Руки дрожали от усталости. Ушибленные рёбра болели настолько сильно, что каждый вдох давался с трудом. Но всё это внезапно перестало иметь значение. Он победил. Рассела. Собственного старшего брата. Человека, которого на протяжении стольких лет считали самым достойным из сыновей Фридриха. Кастер медленно поднял меч. Толпа ответила ещё более громкими криками. Он улыбнулся. Широко. Почти счастливо. И впервые за долгое время позволил себе поверить, что теперь всё действительно изменится. Рассел тем временем медленно поднялся. Грязный снег прилип к его одежде. Левая рука болезненно ныла после падения, а в груди поселилось неприятное чувство, которое он тщетно пытался подавить.

Унижение. Он слышал восторженные крики толпы. Видел поднятый меч Кастера. И понимал, что сегодняшний день навсегда останется в памяти жителей Скаггерака. Не как день его собственных побед. А как день, когда младший брат сумел превзойти его. Рассел опустил голову. Ему хо-

телось немедленно покинуть площадку. Скрыться от чужих взглядов. Остаться одному. Но он заставил себя выпрямиться. Затем подошёл к Кастеру. Тот заметил его приближение. Улыбка постепенно исчезла с лица молодого Хардсейма. Рассел остановился напротив. Некоторое время братья молчали. Затем старший наследник протянул руку.

— Ты победил честно. — Кастер посмотрел на неё.

— Не ожидал услышать от тебя подобное. — Рассел тяжело выдохнул.

— Я не стану отрицать очевидное. — Кастер медленно пожал протянутую руку.

— Тогда запомни сегодняшний день. — Рассел нахмурился.

— Что? — Юноша приблизился.

— Запомни, каково это — оказаться вторым.

На лице старшего брата отразилась боль. Но он ничего не ответил. Лишь медленно отпустил руку Кастера. И направился прочь. Фридрих поднялся со своего места. Его лицо оставалось суровым. Однако в глазах старого конунга читалось неподдельное удивление. Он видел, как Кастер сражался. Видел, как постепенно уступал Расселу. Как позволял брату приближаться. Как терпеливо ожидал единственной ошибки. И наконец понял, что младший сын сумел одержать победу не благодаря одной лишь силе. Он переиграл противника. Заставил того поверить в собственное превосходство. А затем воспользовался этим. Фридрих медленно спустился

с возвышения. Толпа постепенно умолкла. Конунг приблизился к Кастеру. Некоторое время они молча смотрели друг на друга.

Юноша чувствовал, как сердце вновь начинает биться быстрее. Вот он. Момент, которого он ожидал на протяжении стольких лет. Теперь отец должен был признать его победу. Должен был увидеть, чего стоит собственный сын. Фридрих снял с шеи серебряную цепочку. На ней покоился древний волчий клык. Реликвия Хардсеймов. Символ, передававшийся из поколения в поколение на протяжении более сотни лет. Конунг некоторое время разглядывал его. Затем поднял глаза на Кастера.

— Сегодня ты удивил меня, сын. — Юноша почувствовал, как внутри разливается тепло.

— Благодарю, отец. — Фридрих медленно кивнул.

— Ты сражался упорно. Проявил находчивость и сумел победить противника, который превосходил тебя опытом. — Кастер невольно улыбнулся. Но конунг продолжил:

— Однако запомни одну вещь. — Улыбка исчезла.

— Победа ещё не делает человека великим. — Фридрих приблизился.

— Сегодня ты доказал, что способен одолеть собственного брата. Но впереди тебя ожидают противники, которые не станут признавать поражение лишь потому, что ты приставил меч к их горлу. — Кастер молчал.

— Ты должен научиться отвечать не только за себя, но и

за тех, кто последует за тобой. — Конунг поднял цепочку.

— Иначе однажды твоя жажда победы погубит не только тебя самого.

Он надел реликвию на шею Кастера. Холодный серебряный металл коснулся кожи. Волчий клык лёг на грудь молодого Хардсейма. Толпа вновь разразилась приветственными криками.

— Да здравствует Кастер Хардсейм!

— Слава победителю!

— Слава роду Хардсеймов! — Кастер стоял неподвижно. Он смотрел на отца. Ожидал ещё чего-нибудь. Похвалы. Улыбки. Возможно, объятий. Но Фридрих лишь положил ладонь ему на плечо.

— Ты заслужил эту реликвию. — Затем отступил. И повернулся к собравшимся.

— Отныне хранителем волчьего клыка становится Кастер Хардсейм!

Толпа взревела. Юноша медленно опустил взгляд на собственную грудь. Он получил то, чего желал. Но почему-то радость оказалась совсем не такой, какой представлялась прежде. Позднее, когда зрители начали расходиться, а дружинники принялись разбирать деревянные ограждения, Кастер остался стоять возле края площадки. Солнце окончательно скрылось за крепостными стенами. Сумерки постепенно превращались в ночь. Холодный ветер разносил по двору мелкие снежные хлопья. Кастер медленно коснулся

волчьего клыка. Реликвия казалась тяжёлой. Значительно тяжелее, чем он ожидал.

— Ну что, победитель? — Юноша обернулся. Позади стоял Эйрик. Младший брат выглядел уставшим, однако привычная язвительная улыбка по-прежнему украшала его лицо.

— Пришёл поздравить? — спросил Кастер.

— Разумеется. — Эйрик приблизился.

— Не каждый день мой брат становится героем Скаггерака. — Кастер усмехнулся.

— Завидуешь?

— Безмерно. — Эйрик посмотрел на волчий клык.

— Должен признать, тебе он подходит. — Юноша невольно улыбнулся.

— Впервые слышу от тебя нечто приятное.

— Не привыкай. — Некоторое время братья молчали. Затем Эйрик неожиданно произнёс:

— Рассел тяжело переживает поражение. — Кастер отвернулся.

— Переживёт.

— Несомненно. — Эйрик задумчиво посмотрел на него.

— Но ты ведь мог обойтись без последних слов. — Кастер нахмурился.

— Каких ещё слов?

— О том, каково это — быть вторым. — Юноша стиснул зубы.

— Он заслужил. — Эйрик некоторое время молчал. Затем покачал головой.

— Возможно. — Он посмотрел в сторону длинного дома.

— Только знаешь, Кастер... иногда мне кажется, что ты сражаешься вовсе не с Расселом. — Молодой Хардсейм резко повернулся.

— Что? — Эйрик слабо улыбнулся.

— Подумай об этом.

Он развернулся и направился прочь. Кастер остался стоять неподвижно. Слова младшего брата неприятно засели в голове. Ты сражаешься вовсе не с Расселом. Юноша медленно сжал кулаки. Чепуха. Разумеется, чепуха. Он победил старшего брата. Получил древнюю реликвию. Заслужил право отправиться вместе с Фридрихом на Франбург. Чего ещё ему было желать? Кастер поднял взгляд на окна длинного дома. За одним из них горел свет. Вероятно, отец уже обсуждал с ярлами приготовления к предстоящему походу. Юноша некоторое время смотрел туда. Затем вновь коснулся волчьего клыка. И неожиданно понял, что всё ещё ждёт. Ждёт, когда Фридрих позовёт его. Когда скажет, что гордится им. Когда хотя бы однажды посмотрит на него так же, как смотрел на Рассела.

Кастер горько усмехнулся.

— Проклятье.

Он отвернулся. Над Скаггераком медленно сгущалась ночь. Где-то вдали раздавались пьяные песни, прославляв-

шие победителя турнира. Но сам победитель уже не испытывал прежней радости. Он получил волчий клык. Получил славу. Получил право отправиться на Юг. И всё же самое желанное по-прежнему оставалось недосягаемым. В медовом зале Фридрих Хардсейм сидел перед небольшим очагом. Напротив него находился Вельтон Резорский. Некоторое время мужчины молчали. Затем старый наставник негромко произнёс:

— Сегодня Кастер показал себя достойно. — Конунг кивнул.

— Да.

— Ты удивлён? — Фридрих медленно провёл ладонью по седой бороде.

— Признаться, не ожидал, что он сумеет победить Рассела. — Вельтон усмехнулся.

— Я ожидал. — Конунг посмотрел на него.

— Ты слишком веришь в этого мальчишку.

— Возможно. — Резорский некоторое время наблюдал за пламенем.

— Но он способен на большее, чем ты привык думать. — Фридрих нахмурился.

— Я видел это сегодня.

— Тогда почему не сказал ему? — Конунг поднял глаза.

— Чего именно?

— Что гордишься им. — Фридрих замолчал. За стенами длинного дома завывал ветер. В очаге потрескивали поле-

нья. Старый конунг некоторое время смотрел на огонь. Затем тяжело вздохнул.

— Потому что гордость способна погубить его быстрее любого врага. — Вельтон покачал головой.

— А отсутствие признания порой делает человека ещё опаснее.

Фридрих ничего не ответил. Он лишь продолжал смотреть на пламя. И впервые за долгое время задумался, не слишком ли суров был к собственному сыну. За стенами медового зала вновь раздались крики воинов, праздновавших победу Кастера. Фридрих медленно закрыл глаза. Впереди его ожидал поход на Франбург. Путешествие, которое должно было изменить судьбу всего Скаггерака. Но старый конунг ещё не подозревал, что куда более серьёзные перемены уже начинались внутри его собственной семьи.

Глава 6. Перед дальними берегами

Северная душа.

Утро в Скаггераке выдалось холодным и пасмурным. С самого рассвета над крепостью нависали тяжёлые серые облака, сквозь которые едва пробивался тусклый солнечный свет. Ветер, налетавший со стороны моря, проносился по узким улицам, заставляя прохожих плотнее запахивать меховые плащи и прятать лица от колючего снега. Однако, несмотря на непогоду, город уже давно проснулся. Возле гавани раздавались удары молотов, скрипели деревянные телеги, а над причалами поднимались густые клубы дыма от костров, возле которых грелись работавшие с самого утра люди.

Предстоящий поход на Франбург заставил Скаггерак забыть о привычной размеренности. По приказу Фридриха Хардсейма дружинники проверяли оружие, кузнецы занимались починкой повреждённых доспехов, а корабельщики осматривали суда, которым предстояло отправиться в далёкое плавание. Между складами и причалами беспрерывно сновали слуги, нагруженные мешками с зерном, бочонками солонины и связками сушёной рыбы. Изредка над всем этим шумом возвышались грубые голоса надсмотрщиков, недовольных медлительностью работников.

Возле одного из причалов двое мужчин ожесточённо спорили из-за треснувшей бочки. Старший, с густой рыжей бо-

родой, утверждал, что подобную рухлядь следовало немедленно выбросить за борт, тогда как его товарищ настаивал, что дерево ещё можно стянуть железными обручами. Их перебранка продолжалась до тех пор, пока проходивший мимо дружинник не пригрозил обоим плетью за задержку погрузки.

Неподалёку молодой мальчишка, едва достигший возраста, когда ему позволяли работать в гавани, пытался поднять тяжёлый мешок с зерном. Он несколько раз безуспешно взваливал его на плечо, пока стоявший рядом мужчина не выругался, не оттолкнул его в сторону и не поднял мешок самостоятельно. Никто не обращал внимания на чужие трудности. Каждый торопился выполнить собственную работу, прекрасно понимая, что гнев Фридриха едва ли окажется приятнее зимнего ветра.

Впрочем, среди простого люда приготовления вызывали не только раздражение, но и немалое любопытство. Многие гадали, сколько кораблей отправится на Юг, какие богатства удастся привезти из чужих земель и сколько воинов вернётся домой. Старики вспоминали прежние походы, молодые дружинники хвастались будущими подвигами, а женщины с тревогой прислушивались к разговорам о далёком Франбурге, куда вскоре должны были отправиться их мужья и сыновья.

Кастер Хардсейм наблюдал за происходящим из окна собственной комнаты. Он проснулся значительно позднее обыч-

ного. Всё тело неприятно ныло после вчерашнего турнира, а правая рука, которой он держал меч, казалась тяжёлой и неповоротливой. На плече проступил большой синяк, рёбра болезненно отзывались при каждом глубоком вдохе, а на бедре виднелась тёмная полоса, оставшаяся после удара Хродгара. Однако молодой Хардсейм почти не обращал внимания на эти неудобства.

На его груди покоился волчий клык. Кастер медленно коснулся реликвии пальцами. За прошедшую ночь он уже несколько раз снимал цепочку, внимательно разглядывал потемневший от времени клык и вновь надевал его на шею, словно опасался, что утром обнаружит всё произошедшее лишь приятным сновидением. Теперь же холодный металл служил неопровержимым доказательством вчерашней победы.

Он усмехнулся. Рассел проиграл. Воспоминание об этом по-прежнему доставляло ему удовольствие. Кастер отчётливо помнил выражение лица старшего брата, когда тот оказался повержен на грязный снег. Помнил удивление в его глазах, тяжёлое дыхание и короткое признание поражения. Ещё никогда прежде ему не удавалось одержать над Расселом настолько значительную победу.

И всё же стоило вспомнить слова Фридриха, как улыбка постепенно исчезла с лица юноши. Победа ещё не делает человека великим. Кастер раздражённо отвернулся от окна. Даже вчера отец не сумел обойтись без наставлений. Вместо

того чтобы просто поздравить собственного сына, он вновь принялся рассуждать об ответственности, осторожности и необходимости думать о других людях. Словно Кастер был каким-то неразумным мальчишкой. Словно все его усилия ничего не значили.

Юноша стиснул зубы, но почти сразу заставил себя успокоиться. Теперь у него появится другая возможность доказать собственную состоятельность. Поход на Франбург обещал оказаться куда серьёзнее любого турнира, а значит, и победы, одержанные вдали от родных берегов, будут иметь значительно большую цену.

Он вновь посмотрел в окно. В гавани уже готовили корабли. Через несколько дней Кастер впервые отправится в дальнее плавание вместе с отцом. И на этот раз он намеревался сделать всё, чтобы Фридрих наконец увидел в нём достойного наследника рода Хардсеймов. Раздался негромкий стук.

— Войдите, — произнёс Кастер. — Дверь открылась, и на пороге появился молодой слуга с небольшой миской тёплой воды.

— Господин, — почтительно произнёс он, — конунг приказал передать, чтобы вы явились в большой зал после утренней трапезы. — Кастер повернулся.

— Зачем? — Слуга нерешительно пожал плечами.

— Мне не сообщили, господин. — Юноша недовольно выдохнул.

— Разумеется. — Он указал на стол.

— Оставь воду и ступай.

Слуга поклонился и поспешно удалился. Кастер некоторое время смотрел на закрывшуюся дверь, затем вновь коснулся волчьего клыка. Возможно, отец собирался поручить ему какое-нибудь важное дело. Эта мысль заметно улучшила его настроение. Рассел Хардсейм встретил утро значительно раньше младшего брата. Ещё до рассвета он успел посетить конюшни, поговорить с несколькими дружинниками и осмотреть оружие, приготовленное для предстоящего похода. Теперь старший наследник находился возле одного из складов, наблюдая за погрузкой провизии. На первый взгляд он выглядел совершенно спокойным. Однако ночь выдалась для него тяжёлой. Рассел почти не спал. Всякий раз, когда ему удавалось сомкнуть глаза, перед ним возникал вчерашний поединок. Он вновь видел Кастера, стоявшего возле деревянного ограждения, вновь вспоминал его тяжёлое дыхание и собственную уверенность в скорой победе. Затем следовал неожиданный удар, потеря равновесия и холодный снег, в который он рухнул под восторженные крики толпы.

Но больше всего Рассела мучило не само поражение. Он прекрасно понимал, что любой воин рано или поздно может проиграть. Гораздо болезненнее оказались слова младшего брата. Запомни, каково это — оказаться вторым. Рассел тяжело вздохнул. Он не знал, когда Кастер успел накопить столько злости. В детстве они часто соперничали, но тогда каждое поражение заканчивалось новой тренировкой,

шутками или очередной ссорой, о которой оба забывали уже к вечеру. Теперь всё изменилось. Младший брат словно перестал видеть в нём родного человека.

Рассел понимал, что отчасти виноват и сам. Он слишком часто пытался поучать Кастера, слишком охотно повторял слова отца и редко задумывался, как всё это выглядит со стороны. Но разве желание уберечь брата от ошибок являлось преступлением?

— Господин? — Рассел поднял голову. Перед ним стоял один из старших дружинников.

— Что случилось?

— Прибыли последние бочки с питьевой водой. Но корабельщик утверждает, что на одном из судов необходимо заменить несколько досок обшивки. — Рассел нахмурился.

— Насколько серьёзные повреждения?

— Говорит, что во время последнего плавания в трюм начала просачиваться вода.

— Тогда судно не должно выходить в море, пока повреждения не устранят. — Дружинник кивнул.

— Я передам.

Рассел проводил его взглядом. Затем посмотрел на стоявшие у причалов корабли. Впереди их ожидал долгий путь. И в отличие от вчерашнего турнира, здесь любая ошибка могла обернуться настоящей смертью. Эйрик проснулся от громкого стука в дверь. Сначала он попытался не обращать на него внимания. Затем накрыл голову одеялом, надеясь, что

незваный посетитель наконец оставит его в покое. Но стук повторился.

— Господин Эйрик! — Младший Хардсейм тихо выругался.

— Если Скаггерак ещё не горит, советую тебе немедленно исчезнуть! — За дверью послышалось нерешительное покашливание.

— Господин, вас просят спуститься во двор. — Эйрик приоткрыл один глаз.

— Кто?

— Один из торговцев, господин. — Сонливость исчезла почти мгновенно. Эйрик медленно сел.

— Торговцев?

— Да, господин. Он сказал, что прибыл по вашему распоряжению. — Младший Хардсейм некоторое время молчал. Затем тяжело выдохнул.

— Передай, что я скоро спущусь.

Слуга удалился. Эйрик остался сидеть на кровати. Он прекрасно понимал, кто мог явиться к нему столь ранним утром. И это ему совершенно не нравилось. В большом зале Фридрих Хардсейм уже ожидал сыновей. Перед ним на длинном деревянном столе лежали несколько грубых карт, исписанных пометками. Рядом находились небольшие деревянные фигурки кораблей, которыми конунг время от времени обозначал предполагаемые стоянки во время плавания. Возле стола стояли Вельтон Резорский и двое опытных мо-

реходов. Когда Кастер вошёл в зал, Фридрих поднял голову.

— Наконец-то. — Юноша остановился.

— Ты велел явиться после трапезы.

— А я надеялся, что победитель вчерашнего турнира сумеет подняться с постели раньше полудня. — Кастер почувствовал раздражение, но сдержался.

— Я здесь, отец. — Фридрих коротко кивнул.

— Тогда подойди.

Кастер приблизился к столу. На карте были изображены северные берега, несколько островов и широкие морские пространства, разделявшие Скаггерак и земли, лежавшие далеко на Юге. Юноша внимательно разглядел неровные линии побережий.

— Это путь на Франбург?

— Один из возможных, — ответил Фридрих. — Он указал на небольшой остров.

— Здесь мы сможем пополнить запасы пресной воды, если погода позволит пристать к берегу. Затем пойдём дальше, вдоль западного побережья. — Кастер нахмурился.

— Почему не отправиться прямо через открытое море? — Один из мореходов усмехнулся.

— Потому что море не всегда желает пропускать тех, кто слишком торопится, господин. — Кастер посмотрел на него.

— Я спросил отца. — Фридрих медленно поднял глаза.

— А он ответил тебе правильно. — Юноша стиснул зубы. Конунг продолжил:

— В открытом море мы можем потерять корабли во время шторма. Если же будем держаться ближе к берегам, появится возможность укрыться в бухтах и пополнить запасы. — Кастер вновь посмотрел на карту.

— Но так мы потеряем время.

— Возможно. — Фридрих скрестил руки на груди.

— Однако я предпочту прибыть во Франбург несколькими днями позднее, нежели вовсе не добраться до него. — Вельтон едва заметно улыбнулся. Кастер заметил это, но ничего не сказал. В этот момент в зал вошёл Рассел.

— Отец. — Фридрих повернулся.

— Подойди, сын. — Рассел приблизился к столу.

— Я осмотрел корабли. На одном из них необходимо заменить несколько повреждённых досок. Корабельщики утверждают, что управятся за два дня. — Фридрих нахмурился.

— Пусть работают без промедления.

— Я уже распорядился. — Конунг довольно кивнул.

— Хорошо. — Кастер отвёл взгляд. Опять. Всего несколько слов — и Рассел вновь заслужил одобрение отца. Фридрих тем временем указал на карту.

— Теперь слушайте внимательно. Через несколько дней мы покинем Скаггерак. До этого времени каждый корабль должен быть полностью подготовлен к плаванию, а дружинники — обеспечены оружием и провизией. — Он посмотрел на старшего сына.

— Рассел, ты будешь отвечать за проверку припасов и размещение воинов на судах.

— Да, отец. — Затем конунг повернулся к Кастеру.

— А тебе я поручаю подготовку оружия и проверку боеспособности дружины. — Юноша поднял голову.

— Всей дружины?

— Тех людей, которые отправятся вместе с нами. — Кастер почувствовал неожиданное удовлетворение.

— Я справлюсь. — Фридрих кивнул.

— Надеюсь. — Он приблизился к сыну.

— Но запомни, Кастер. Я поручаю тебе не только проверить, насколько хорошо эти люди умеют владеть мечом. Ты должен убедиться, что они способны действовать вместе. — Юноша сдержанно кивнул.

— Понимаю.

— И ещё одно. — Фридрих посмотрел ему прямо в глаза.

— Никаких бессмысленных наказаний и чрезмерной жестокости. Мне нужны живые воины, способные сражаться, а не калеки, оставленные после твоих тренировок. — Кастер почувствовал, как прежнее удовлетворение постепенно исчезает.

— Ты считаешь, что я не способен отличить тренировку от настоящего боя?

— Я считаю, что тебе ещё многому предстоит научиться. — Несколько мгновений отец и сын молча смотрели друг на друга. Затем Кастер опустил голову.

— Как прикажешь. — Фридрих отвернулся к карте.

— Приступайте. — Когда братья покинули большой зал, Рассел некоторое время шёл рядом с Кастером, не произнося ни слова. Наконец он остановился.

— Нам нужно поговорить. — Кастер продолжил идти.

— Не сейчас.

— Кастер. — Юноша раздражённо обернулся.

— Чего тебе? — Рассел некоторое время смотрел на него.

— Я не собираюсь вновь обсуждать вчерашний поединок.

— Тогда нам действительно не о чем говорить.

— Я хочу, чтобы во время похода мы действовали вместе. — Кастер усмехнулся.

— Как трогательно. — Рассел нахмурился.

— Я говорю серьёзно.

— Я тоже. — Юноша приблизился.

— Ты получил собственное поручение. Я — своё. Занимайся припасами, Рассел, а я позабочусь о воинах.

— Мы отправляемся в один поход.

— И что?

— Это значит, что нам придётся полагаться друг на друга. — Кастер некоторое время молчал. Затем медленно улыбнулся.

— Не беспокойся, брат. Если тебе потребуется помощь, я непременно подам руку. — Рассел внимательно посмотрел на него.

— Надеюсь, ты говоришь искренне.

— Разумеется. — Кастер развернулся.

— Но постарайся хотя бы на этот раз не оказаться на земле.

Он направился прочь, оставив старшего брата стоять посреди коридора. Рассел тяжело вздохнул. Вчерашнее поражение, похоже, ещё долго будет стоять между ними. Эйрик тем временем спустился во внутренний двор, где возле конюшен его ожидал незнакомый мужчина в тёмном дорожном плаще. На первый взгляд тот ничем не отличался от обычного торговца. Его сапоги были покрыты засохшей грязью, а на плече висела небольшая кожаная сумка. Однако Эйрик сразу заметил, что незнакомец держится слишком уверенно для человека, которому пришлось явиться в крепость одного из самых могущественных северных конунгов.

Мужчина почтительно склонил голову.

— Господин Эйрик. — Младший Хардсейм остановился.

— Кто тебя прислал? — Незнакомец едва заметно улыбнулся.

— Человек, с которым у вас имеется общее дело. — Эйрик нахмурился.

— Здесь не место для подобных разговоров.

— Разумеется. — Мужчина осторожно огляделся.

— Однако мой господин желает убедиться, что вы не забыли о своём обещании. — Эйрик почувствовал, как внутри поднимается раздражение.

— Передай своему господину, что я прекрасно помню

собственные слова.

— Он будет рад это услышать. — Незнакомец приблизился.

— Особенно учитывая, что конунг Фридрих вскоре покинет Скаггерак. — Эйрик медленно поднял глаза.

— Откуда ему известно? — Мужчина усмехнулся.

— Мой господин привык быть осведомлённым. — Несколько мгновений они молчали. Затем незнакомец негромко произнёс:

— Цезак Ортен ожидает, что вы исполните свою часть договорённости. — Эйрик стиснул зубы. Он уже собирался ответить, когда со стороны конюшен донёсся громкий смех дружинников. Младший Хардсейм немедленно отступил.

— Уходи. — Мужчина удивлённо поднял брови.

— Но...

— Я сказал, уходи. — Эйрик приблизился.

— И передай Ортену, что если он ещё раз пришлёт ко мне человека прямо в крепость моего отца, я лично позабочусь о том, чтобы этот человек не сумел вернуться обратно. — Незнакомец некоторое время смотрел на него. Затем медленно склонил голову.

— Как пожелаете, господин.

Он развернулся и направился к воротам. Эйрик остался стоять возле конюшен. Холодный ветер коснулся его лица. Младший Хардсейм медленно выдохнул. Вчера он сумел остаться в Скаггераке. Но теперь начинал понимать, что на-

стоящие неприятности только приближаются. И в отличие от турнира, проиграть в предстоящей игре по собственному желанию уже не получится.

Продолжение главы. Дружина К полудню ветер несколько стих, однако небо над Скаггераком по-прежнему оставалось затянутым тяжёлыми облаками. Снег, выпавший минувшей ночью, постепенно превращался в грязную кашу под ногами многочисленных дружинников, собравшихся на тренировочном дворе. Возле деревянных ограждений лежали связки затупленных мечей, копий и щитов, а неподалёку несколько слуг разводили костры, возле которых воины могли согреться после занятий.

Кастер появился во дворе в сопровождении Вельтона Резорского. На молодом Хардсейме был плотный кожаный нагрудник, поверх которого он накинул тёмный меховой плащ. Волчий клык по-прежнему покоился на его груди, время от времени поблёскивая в тусклом дневном свете. Среди собравшихся дружинников послышались негромкие разговоры. Некоторые приветствовали победителя вчерашнего турнира одобрительными возгласами, другие лишь молча наблюдали за его приближением. Кастер заметил несколько знакомых лиц. Здесь находились Бьорн, участвовавший в испытании в Сожжённом лесу, Торвальд, вчерашний противник Рассела, и Хродгар, которому молодой Хардсейм сумел нанести поражение во втором поединке.

Последний стоял немного в стороне, опираясь на длинное

копьё. Увидев Кастера, он усмехнулся.

— Гляди-ка, мальчишка уже командует нами. — Несколько дружинников рассмеялись. Кастер остановился. Он прекрасно расслышал сказанное, однако не сразу повернулся к старому воину.

— Если желаешь, Хродгар, я могу напомнить тебе, чем закончилась наша вчерашняя встреча. — Северянин довольно оскалился.

— Помню, господин. Моя задница до сих пор болит после падения. — Смех стал громче. Кастер невольно улыбнулся.

— Тогда советую сегодня держаться на ногах.

— Постараюсь, — ответил Хродгар. — Только ты уж не заставляй старика бегать по всему двору. — Вельтон, наблюдавший за происходящим, негромко хмыкнул.

— Для начала, Кастер, объясни людям, чего ты от них хочешь. — Молодой Хардсейм кивнул и вышел вперёд.

— Слушайте внимательно! Через несколько дней мы отправимся во Франбург. Мой отец поручил мне проверить вашу готовность к предстоящему походу. Я прекрасно понимаю, что большинство из вас уже участвовало в сражениях и не нуждается в объяснениях, каким концом следует держать меч. — Среди дружинников раздались смешки.

— Однако, — продолжил Кастер, — я также знаю, что некоторые из вас слишком много времени проводят в тавернах, а другие настолько растолстели за зиму, что едва ли сумеют догнать даже хромую козу. — На этот раз смех оказал-

ся значительно громче. Хродгар покачал головой.

— Это он про тебя, Торвальд!

— Пошёл ты к Хель, старый пёс! — отозвался тот. — Кастер поднял руку.

— Поэтому сегодня мы проверим, насколько хорошо вы способны сражаться не только поодиночке, но и вместе. Разделитесь на два отряда. По двенадцать человек в каждом.

Дружинники принялись переговариваться, выбирая товарищей. Некоторые стремились оказаться рядом с друзьями, другие предпочитали присоединиться к наиболее опытным воинам. Кастер некоторое время наблюдал за ними, после чего раздражённо нахмурился.

— Я сказал разделиться на отряды, а не собраться по кружкам для вечерней выпивки! — Несколько мужчин поспешно разошлись. Вельтон приблизился к ученику.

— Неплохое начало. — Кастер усмехнулся.

— Благодарю.

— Но ты уже допустил первую ошибку. — Улыбка исчезла.

— Какую? — Резорский указал на дружинников.

— Позволил им самим выбирать товарищей. Теперь в одном отряде окажутся преимущественно опытные воины, а в другом — молодые.

Кастер посмотрел на собравшихся. Старый наставник оказался прав. Возле Хродгара уже стояли почти все наиболее опытные дружинники, тогда как у противоположного

ограждения переминались с ноги на ногу несколько молодых северян. Кастер стиснул зубы.

— Тогда поменяем состав.

— Именно.

Юноша громко окликнул воинов и принялся распределять их заново. На этот раз он внимательно следил за тем, чтобы в каждом отряде оказалось примерно одинаковое количество опытных дружинников и молодых бойцов. Когда приготовления завершились, Кастер приказал им занять позиции.

Первое столкновение закончилось значительно быстрее, чем он ожидал. Один из отрядов, возглавляемый Хродгаром, немедленно перешёл в наступление. Старый воин приказал своим людям сомкнуть щиты и двигаться вперёд плотным строем. Противники попытались встретить их собственным натиском, однако молодые дружинники не сумели удержать строй. Один из них отступил слишком рано, другой поднял щит выше необходимого, открыв бок, а третий и вовсе поскользнулся на грязном снегу.

Через несколько мгновений строй распался. Хродгар немедленно воспользовался этим.

— Вперёд, бездельники! Давите их!

Его люди с громкими криками бросились на противников. Раздался глухой стук деревянных щитов, звон затупленных клинков и недовольные ругательства тех, кто оказался пова-

лен на землю. Кастер наблюдал за происходящим, постепенно мрачнея.

— Прекратить! — наконец рявкнул он.

Дружинники остановились. Несколько молодых воинов поспешно поднялись с земли, отряхивая одежду от грязного снега. Один из них держался за ушибленное плечо, другой вытирал кровь из разбитой губы. Кастер приблизился.

— Что это было? — Никто не ответил.

— Я спрашиваю, какого проклятья вы только что устроили?! — Один из молодых дружинников нерешительно поднял голову.

— Господин, мы пытались удержать строй...

— Пытались? — Кастер резко повернулся к нему.

— Если бы перед вами находились настоящие враги, половина вашего отряда уже лежала бы с перерезанными глотками! — Юноша побледнел.

— Простите, господин.

— Мне не нужны твои извинения! — Кастер указал на остальных.

— Вы даже не сумели продержаться несколько мгновений против собственных товарищей! — Вельтон, стоявший неподалёку, нахмурился, но пока не вмешивался. Кастер продолжил:

— Ещё раз. И на этот раз постарайтесь хотя бы не разбежаться при первом столкновении.

Дружинники поспешно заняли исходные позиции. Одна-

ко второе столкновение оказалось ненамного лучше первого. На этот раз молодые воины сумели удержать строй несколько дольше, но стоило Хродгару приказать своим людям ударить по левому краю, как защита вновь распалась. Один из дружинников потерял щит, другой отступил, столкнувшись со стоявшим позади товарищем, а третий получил болезненный удар по бедру и рухнул на колено.

Кастер выругался.

— Прекратить! — Он направился к поверженным воинам.

— Вы издеваетесь надо мной? — Молодой дружинник, потерявший щит, поспешно поднялся.

— Господин, я...

— Молчать! — Кастер приблизился к нему вплотную.

— Как тебя зовут?

— Освальд, господин.

— Сколько времени ты служишь в дружине моего отца?

— Второй год. — Кастер презрительно усмехнулся.

— Второй год? И за всё это время тебя так и не научили удерживать проклятый щит? — Освальд опустил голову.

— Простите.

Кастер почувствовал, как внутри вновь поднимается раздражение. Он прекрасно понимал, что отец поручил ему важное дело. Возможно, впервые в жизни Фридрих доверил ему нечто действительно значительное. И теперь эти неуклюжие болваны рисковали превратить его первое поручение

в настоящее посмешище.

— Подними оружие, — приказал Кастер. — Освальд растерянно посмотрел на него.

— Господин?

— Я сказал, подними оружие. — Молодой дружинник поспешно поднял щит и меч. Кастер снял плащ и передал его ближайшему слуге. Затем взял затупленный клинок.

— Нападай. — Освальд замер.

— Но, господин...

— Нападай! — Юноша нерешительно шагнул вперёд. Его первый удар оказался слабым. Кастер без труда отразил его и немедленно ударил противника по щиту. Освальд отступил.

— Ещё! — Молодой дружинник попытался атаковать вновь. Кастер сбил его клинок в сторону, шагнул вперёд и с силой ударил по открытому плечу. Освальд вскрикнул.

— Вот что происходит, когда ты оставляешь себя без защиты!

Кастер вновь поднял меч. На этот раз Освальд успел прикрыться щитом, однако удар оказался настолько сильным, что юноша потерял равновесие. Он рухнул на колено. Кастер приблизился.

— Поднимайся. — Освальд тяжело дышал.

— Господин...

— Поднимайся! — Молодой дружинник попытался выпрямиться. Но прежде чем Кастер успел нанести следующий удар, между ними появился Хродгар.

— Довольно, господин. — Кастер резко поднял глаза.

— Отойди. — Старый северянин не пошевелился.

— Парень уже понял свою ошибку.

— Я сам решу, когда он её поймёт. — Хродгар некоторое время смотрел на молодого Хардсейма. Затем негромко произнёс:

— Ты можешь избить его до полусмерти. Но от этого он не станет лучше держать строй.

Во дворе воцарилась неприятная тишина. Кастер почувствовал, как лицо начинает гореть. Он не привык, чтобы его распоряжения оспаривали. Тем более перед собственными дружинниками.

— Ты забываешься, Хродгар. — Старый воин медленно покачал головой.

— Нет, господин. Я прекрасно помню, кто ты. — Он сделал короткую паузу.

— Но я также помню, что твой отец приказал подготовить людей к походу, а не переломать им кости.

Кастер стиснул рукоять меча. На мгновение ему захотелось ударить старого северянина. Прямо здесь. На глазах у всех. Заставить его замолчать и напомнить, кому он обязан подчиняться. Но затем молодой Хардсейм заметил Вельтона. Наставник стоял неподалёку. И внимательно наблюдал за происходящим. Кастер медленно выдохнул.

— Убери его с площадки, — наконец произнёс он, указав на Освальда. — Хродгар кивнул.

— Как прикажешь.

Он помог молодому дружиннику подняться и отвёл его к ограждению. Кастер остался стоять посреди двора. Его руки дрожали от раздражения. Он чувствовал на себе взгляды десятков людей. И ненавидел это ощущение.

— Ты едва не совершил большую глупость. — Вельтон произнёс эти слова, когда дружинники вновь занялись тренировкой. Кастер стоял возле оружейной стойки, пытаясь успокоиться.

— Я всего лишь хотел показать ему, как следует защищаться.

— Нет. — Резорский покачал головой.

— Ты хотел наказать его за то, что он выставил тебя в дурном свете. — Кастер резко повернулся.

— Он не способен удержать щит!

— Тогда научи его.

— Я пытался!

— Ты бил его. — Молодой Хардсейм замолчал. Вельтон приблизился.

— Послушай меня внимательно, Кастер. Когда ты сражаешься один, твои ошибки принадлежат только тебе. Но когда под твоим командованием находятся люди, за каждую собственную глупость ты заставляешь расплачиваться других. — Кастер отвернулся.

— Ты говоришь совсем как отец.

— Потому что в данном случае он прав. — Юноша стиснул зубы. Вельтон некоторое время молчал. Затем продолжил:

— Вчера ты победил Рассела. И я горжусь тем, что сумел научить тебя сражаться достаточно хорошо, чтобы одержать такую победу. — Кастер невольно поднял глаза. Слова наставника застали его врасплох. Вельтон редко говорил подобное.

— Но, — продолжил старый воин, — если ты думаешь, что теперь каждый дружинник обязан уважать тебя лишь потому, что на твоей груди висит волчий клык, ты глубоко ошибаешься. — Кастер медленно опустил взгляд на реликвию.

— Я заслужил его.

— Заслужил. — Вельтон кивнул.

— Но уважение людей придётся заслуживать каждый день. — Некоторое время они молчали. Затем Кастер негромко произнёс:

— И что ты предлагаешь? — Вельтон посмотрел на тренировочную площадку.

— Для начала перестань требовать от молодых воинов того, чему их ещё никто не научил.

Кастер вернулся к дружинникам спустя некоторое время. Освальд сидел возле ограждения, осторожно разминая ушибленное плечо. Увидев приближение молодого Хардсей-

ма, он немедленно попытался подняться.

— Сиди, — коротко приказал Кастер. — Юноша замер. Кастер некоторое время смотрел на него. Затем повернулся к остальным.

— Слушайте внимательно. Мы начнём сначала. — Дружинники переглянулись.

— На этот раз без полного столкновения. Сначала отработаем движение щитов и смену позиций.

Хродгар одобрительно кивнул. Кастер заметил это, но ничего не сказал. Он разделил воинов на небольшие группы, приказав опытным дружинникам обучать молодых. Сам же принялся наблюдать за их действиями, время от времени останавливая тренировку и исправляя ошибки. Поначалу всё происходило медленно. Слишком медленно, на его вкус. Молодые дружинники путались в командах, сталкивались плечами и то и дело забывали прикрывать соседей. Однако теперь Кастер старался не срываться на крик после каждой ошибки. Он показывал движения. Объяснял. Иногда заставлял повторять одно и то же по несколько раз. И постепенно начал замечать перемены. Щиты поднимались одновременно. Дружинники перестали мешать друг другу. Строй двигался значительно увереннее. Когда Хродгар вновь приказал своему отряду перейти в наступление, противники сумели выдержать первый натиск. Затем второй.

И лишь после третьего столкновения их защита начала распадаться. Кастер неожиданно улыбнулся.

— Вот теперь уже лучше! — Несколько молодых воинов облегчённо переглянулись. Хродгар рассмеялся.

— Гляди-ка, господин! Оказывается, они не совсем безнадёжны! — Кастер усмехнулся.

— Не торопись радоваться. До настоящих воинов им ещё далеко.

— А кто сказал, что настоящими воинами становятся за одно утро? — Молодой Хардсейм ничего не ответил. Он вновь посмотрел на дружинников. Возможно, старый северянин был прав. Но признавать это вслух Кастер не собирался.

К вечеру тренировка завершилась. Дружинники медленно расходились по двору, устало переговариваясь между собой. Некоторые направлялись к кострам, другие спешили в казармы, мечтая поскорее снять тяжёлые доспехи и вытянуть ноги возле очага. Кастер остался возле оружейной стойки. Он чувствовал себя совершенно измотанным. Правая рука болезненно ныла, рёбра вновь напоминали о вчерашних ударах, а горло пересохло от многочисленных приказов. Но теперь усталость сопровождалась странным удовлетворением. Сегодня он впервые увидел, как люди начинают действовать лучше благодаря его собственным распоряжениям. Не из страха. Не из желания избежать наказания. А потому, что постепенно понимали, чего от них требуют.

— Неплохо для первого дня.

Кастер обернулся. Рядом стоял Хродгар. Старый воин держал в руках две небольшие кружки с элем. Одну он протянул молодому Хардсейму. Кастер некоторое время смотрел на неё. Затем принял.

— Решил подкупить собственного командира? — Хродгар рассмеялся.

— Если бы хотел тебя подкупить, принёс бы целую бочку. — Кастер невольно улыбнулся. Они сделали по несколько глотков. Некоторое время молчали. Затем старый дружинник негромко произнёс:

— Ты сегодня здорово разозлился. — Кастер нахмурился.

— И что?

— Ничего. — Хродгар пожал плечами.

— Просто хотел сказать, что понимаю. — Юноша удивлённо посмотрел на него. Северянин усмехнулся.

— Когда я впервые получил под командование десяток молодых болванов, мне тоже хотелось перебить половину из них. — Кастер рассмеялся.

— И что же ты сделал?

— Избил одного. — Улыбка молодого Хардсейма исчезла. Хродгар некоторое время смотрел на кружку.

— Парень был совсем зелёным. Путался в приказах, не умел держать строй и постоянно ронял оружие. Однажды я разозлился и ударил его так сильно, что он несколько дней не мог поднять руку. — Кастер молчал.

— Через месяц мы отправились в поход. Во время первого

же сражения тот парень оказался рядом со мной. — Старый воин тяжело выдохнул.

— Когда враги прорвали строй, он должен был прикрыть мне спину. Но испугался. Отступил. — Кастер нахмурился.

— И что произошло? — Хродгар посмотрел на него.

— Меня ранили. А его убили. — Некоторое время они молчали. Ветер шевелил края меховых плащей. Где-то неподалёку раздавался стук кузнечного молота.

— Думаешь, он отступил потому, что боялся тебя? — наконец спросил Кастер. — Хродгар покачал головой.

— Не знаю. — Он сделал глоток.

— Возможно, боялся врагов. Возможно, просто не успел понять, что происходит. — Старый воин посмотрел на молодого Хардсейма.

— Но я точно знаю одно: вместо того чтобы научить его сражаться, я потратил время на то, чтобы доказать, кто здесь главный. — Кастер опустил взгляд. Он невольно вспомнил Освальда. Его растерянное лицо. То, как юноша пытался подняться после очередного удара. И собственную ярость.

— Ты считаешь, что я поступил так же? — Хродгар пожал плечами.

— Пока нет. — Он улыбнулся.

— Тебя вовремя остановили. — Кастер усмехнулся.

— Ты слишком много себе позволяешь.

— Знаю. — Старый северянин рассмеялся.

— Но теперь ты мой командир. Придётся терпеть.

Кастер покачал головой. Затем вновь сделал глоток эля. Некоторое время они стояли молча. И впервые за весь день молодой Хардсейм почувствовал, что разговаривает с Хродгаром не как сын конунга с подчинённым, а как один воин с другим. Поздним вечером Кастер вернулся в свои покои. Слуга уже приготовил воду для умывания и развёл огонь в небольшом очаге. На столе стояли хлеб, холодное мясо и кувшин с элем. Юноша устало опустился на скамью. Он снял волчий клык и положил его перед собой. Некоторое время разглядывал потемневшую реликвию. Ещё вчера ему казалось, что победа над Расселом изменит всё. Что люди начнут смотреть на него иначе. Что отец наконец увидит его достоинства. Но теперь Кастер постепенно понимал: получить власть значительно проще, чем заставить других признать её. Он вспомнил Хродгара. Его спокойный голос. Слова о погибшем молодом дружиннике. Затем — Освальда. И собственное желание наказать его лишь за то, что тот допустил ошибку. Кастер нахмурился. Он не испытывал раскаяния в привычном смысле этого слова. Ему по-прежнему казалось, что слабость заслуживает презрения, а человек, неспособный защитить себя, едва ли может рассчитывать на снисхождение.

Но теперь он впервые задумался, что иногда жестокость оказывается не проявлением силы, а свидетельством неспособности добиться желаемого иным способом. Эта мысль ему не понравилась. Кастер раздражённо взял кружку. Сде-

лал большой глоток. Затем вновь посмотрел на волчий клык. Впереди его ожидал Франбург. Настоящие сражения. Настоящие враги. И возможность доказать, что вчерашняя победа не была случайностью. Он медленно улыбнулся. Какими бы ни оказались предстоящие испытания, Кастер не собирался отступать. Даже если ради победы ему однажды придётся заплатить значительно большую цену, чем несколько ушибов и разбитых губ. За окном завывал ветер. В гавани продолжали стучать молоты. Скаггерак готовился к походу. И вместе с ним к чему-то неизведанному готовился молодой наследник рода Хардсеймов.

Изукрашенный трон пустовал в огромном зале, где когда-то каждый день великие воины выпивали, сидя за длинными столами, царит кромешная тишина, хоть он и заполнен воинами, которые празднуют конец турнира. Она пугала до безумия, впрочем, конунгу не привыкать. Даже в безмолвие он услышит голоса умерших. Фридрих медленно входит в зал длинного дома, понимая, что это один из последних мгновений, проведенных здесь. Он проходит сквозь толпы пирующих воинов, проводит кончиками пальцев по столику, приближаясь к пустеющему трону.

Вечер сгустился, и в зале замка, украшенном роскошными тканями и сверкающими канделябрами, конунг нехотя провел пиршество в честь победителя турнира. Зал наполнился шумом и гулом, ароматы изысканных блюд и драгоценных вин проникали в каждый уголок помещения. Все

присутствующие, одетые в пышные наряды, поднимали тосты и смеялись, но сердце Фридриха Хардсейма было далеко от этого праздника. Под самое утро, когда звезды еще блестели на небесной своде, войска Фридриха выстроились на пристани. В темноте, под лунным светом, солдаты в стальных доспехах и с оружием в руках ожидали начала долгожданного похода. Северяне горели огнем мести и жаждой пролить кровь ненавистных Южан, чтобы отдать честь Богу Зимы. В их сердцах пылала неугасимая страсть, и они были готовы пойти на самые крайние меры, чтобы защитить свою землю.Невзирая на неожиданную победу своего нелюбимого сына в турнире, Фридрих все же сдерживает слово конунга. Он решает не только взять с собой своего наследника Кастера, но и первенца Рассела. Никакие слухи или мысли его народа не могут остановить его решимость. Он знает, что должен взять Рассела с собой, ведь именно ему он собирается вручить свое наследие после своей кончины. Афрод, верный спутник Фридриха, как всегда, оставался рядом с властителем, дабы услышать его последние наставления перед отъездом.

Однако, Фридрих понимает, что не может оставить бремя власти на плечах бездельника Эйрика. Он обращается к Хранителю, мудрому старцу, который всегда был рядом в трудные моменты. Фридрих просит его о помощи, чтобы Афрод смог взять на себя часть ответственности и помочь управлять королевством в его отсутствие. Хранитель Разло-

ма, с благоговением и глубоким пониманием, соглашается поддержать своего властителя и быть рядом с Эйриком, чтобы помочь ему взять на себя свою будущую роль.

— Ты должен сберечь Скаггерак, Афрод. — Устало произносит старый конунг, укладывая ладонь на его плечо. Ветер развивал поседелые волосы Фридриха, а глаза уже наполнялись тоской. Его рука превратилась в кулак, ведь он готов повстречать свою судьбу. В округе – кипела суматоха, воины перекладывали свои вещи в драккары, готовясь к отправке.

— Несомненно, мой старый друг. — Улыбнулся Афрод. — Сберегу до твоего приезда, вот увидишь, Эйрика я еще перевоспитаю на нормальный лад. Не беспокойся, конунг. Возвращайся поскорее с лаврами и трофеями. Мы будем ждать тебя здесь! — Воскликнул Афрод, грустно улыбнувшись. Он бы тоже желал отправиться бороздить по морям, снова вступить в бой и вновь получить незабываемые ощущения, но долг Хранителя – не позволял ему сделать это. Оставалось только с печалью вспоминать минувшие события, которые изредка встают комом в горле.

— Знаешь, Афрод. У меня плохое предчувствие. — Фридрих тяжело вздохнул, а взор падал на собирающихся старших сыновей.

— Откуда такие мысли? — Поинтересовался Хранитель, нахмурив брови.

— Мне снился сон. Такой долгий. Казалось, я живу в нем столько времени. Там, я не отличал реальности. Я ви-

дел мужчину, незнакомого. Во всем сером и холод будто бы пронзал меня, понимаешь? Я уже давно не испытывал страха, но сейчас… — Он чуть помедлил с продолжением, тяжко вздыхая. — Сейчас мне в действительности страшно. Пусть даже мне известно, что все произошедшее – моя судьба, но все же. Страх поглощает меня. Страх за будущее Скаггерака. Не знаю, к чему все эти знамения. — Конунг перевел взгляд на седовласого Хранителя, делая долгую, муторную паузу после каждого сказанного слова. Хранитель долгое время придавался молчанию, погружаясь в свои мысли. В голове Афрода прозвучали слова маленького принца, отчего эта таинственность также вовлекла Хранителя в долгие раздумья.

— Мне кажется, что все это просто тревожный сон. Даже не думай об этом, вскоре все наладится. Вас ждет легендарный поход, легендарные завоевания и тогда – ты отпустишь все эти мысли, я тебя в этом уверяю. — Ответил Хранитель, покуда позади послышался голосок одного из младших сыновей.

— Удачного похода тебе, отец. И вам, братья. — Эйрик говорил спокойно, но загадочность в его глазах, оставляя место для думки. Он взглянул вначале на конунга, а уже затем на Кастера и Рассела, которые предались безмолвию. Фридрих откликнулся на слова юнца, разворачиваясь к нему лицом.

— Удача – это хорошо. — Кивнул головой Фридрих. — Но для тебя есть особое задание. Покажи свои способности

правления, сын мой. Докажи, что ты достоин этого. Некоторые люди не доверяют тебе из-за твоих похождений и развлечений, заставь их ошибаться в этом, как и меня. Афрод будет помогать тебе. — Фридрих перекинул свой взгляд на хранителя и слабо улыбнулся.

— Хорошо, отец. Я обещаю тебе. — Принц Скаггерака обнял своего отца, хлопнув по плечу, а после проследовал в сторону, как раз там, где находился один из старших братьев. — Кастер же прошёлся к конунгскому драккару, юноша приметил себе местечко возле мачты. Сложив свои вещи и заточенный в ножнах меч, Хардсейм сошёл на пристань, заметив Эйрика, который медленно направлялся в его сторону.

— Братец, рад что ты наконец проявишь себя в бою. Надеюсь, ты не подохнешь от Франбуржсого меча или же от метко летевшей стрелы, что вонзается в твое сердце. — Эйрик лукаво ухмыльнулся, а затем также оттягивая каждый шаг, пошёл дальше. Кастер бросил свой яростный взгляд на брата, обострив скулы. Теперь, его братья для него не существуют, быть может, вскоре свершится переворот, который будет означать одно - Эйрик станет правителем Скаггерака.

— Не переживай, Эйрик, я ещё вернусь и тогда мы кто получит стрелу в сердце. — Также ядовито ответил молодой Хардсейм.

Чёрный плащ старого конунга развивался на холодном ветру, тусклый серый свет падал на лицо калеки. Он в крайний раз глядит на те земли, где родился. Те земли, за которые

муторное количество времени сражался, отдавая всего себя. В небесах витают вороны, словно сам Создатель наблюдает за прощанием Фридриха с родным Скаггераком. Конунг направился в сторону драккара, где уже заждались воины своего конунга и родные старшие сыновья. Фридрих усаживается в драккар, занимая свое место. Взглядом он прощается с Хранителем и младшими сыновьями. Варвары убирают швартовные концы, берутся за весла и постепенно отходят от пристани Скаггерака. Смешанные мысли терзали старого Хардсейма. Моментами, он ощущал, что хочет сойти с драккара, остаться дома, но больше - ничего не держит его. Уже ничего.

— Что случилось, отец, ты не рад предстоящему походу, о котором мы грезили столько времени? Ты столь опечален. — Вопрошает Рассел, покуда воины ухватываются за весла и начинают грести. Старший сын уселся подле своего отца, внимательно взирая на него. — Ты смотришь на пристань, будто видишь ее в последний раз.

— Быть может, так оно и есть на самом деле. — Сильный порыв ветра ударяется в спину старого конунга, словно подталкивает его вернуться обратно. Пение ветров – словно нашептывают одни заветные слова: — «Останься, Фридрих. Там тебя ничего не ждет, кроме верной погибели».

— О чем ты? — Недоумевает Рассел. — Нас ждет поистине великое путешествие. Мы преодолеем все. Я тебе обещаю, отец. Мы справимся. И вернемся домой! Или ты счи-

таешь, что не готов?

— Не знаю, к чему мне стоит готовиться. Пусть то великая слава, которой я уже сполна получил, будучи в твоем возрасте. Или же смерти, которой я не страшусь, как и всех испытаний, что сошлют мне Боги Зимы или Создатель. Но чувствую, что мои дела здесь окончены. Я более не вернусь в Скаггерак. Никогда. — Фридрих выдавил из себя печальную улыбку, взирая на отдаляющиеся родные земли. Эти слова слышал и Кастер, который загадочно наблюдал за опечаленным отцом. Ему лишь оставалось гадать, что же именно ждет его во Франбурге.

Подобно гигантским птицам, драккары покорно скользили по волнам, оставляя за собой белоснежные пены. Сияющие лучи солнца проникали сквозь тонкие облачка, раскрашивая небо в оттенки золота и розового. Приближаясь к горизонту, море казалось бескрайним океаном возможностей, жаждущим быть исследованным и завоеванным. На каждом драккаре, высоко поднятый флаг с изображением могучего ястреба развевался на ветру, свидетельствуя о силе и доблести этих отважных мореплавателей. Мужественные варвары стояли на палубе, их мускулистые тела напряжены, готовые к встрече с неизведанным. Мечи и щиты блестели на солнце, словно олицетворение их бесстрашия и решимости. По всей длине драккаров тянулись узоры из резьбы, выделяющиеся на темном дереве. Изящные драконьи головы, с гордо поднятыми головами и острыми клыками, украшали носы

судов, придавая им загадочность и мощь. Каждый драккар был уникален, отражая вкусы и предпочтения своего хозяина. На некоторых палубах можно было заметить деревянные статуэтки богов, покровительствующих викингам в их опасных путешествиях. Ветер играл со шелковыми парусами, создавая мелодичный шорох, который сливался с голосами варваров, исполняющих древние песни о славе и победе. Море качало драккары в объятиях своих волн, создавая ощущение непреодолимой силы и свободы. В то время как морской бриз приносил запах соленой воды и свежести, наполняя каждую клеточку варваров духом истинных воителей.

Теперь, Скаггерак останется в его памяти. В памяти будут и любимая жена, павшая десять лет назад и младшие сыновья, которых Фридрих будет навещать. Но только в глубоких снах. Старый конунг покидает то место, в котором прожил с самого детства. Но уже ничего не исправить. Ведь прошлое нельзя вернуть. Нельзя изменить. Лишь наслаждаться воспоминаниями и несовершенными мечтами.

Акт II. Союз спасения

Глава 7. Коронация

Астрос

«И погряз континент в непреодолимой Серости, что поглощает каждого на своём пути. Серые души избавились от своих оков и под властвованием Серого всадника ведут мир к погибели. Всё канет в вечность Серого мира. И никогда не познает света».

Астрос — величественный континент, чьи красоты неизменно поражали каждого, кто впервые ступал на его земли. Бескрайние зелёные сады простирались вдоль побережий, наполняя воздух благоуханием цветов. За ними открывались морские просторы, где бирюзовая гладь сливалась с небесным сводом, а закатное солнце окрашивало волны в багряные и золотистые оттенки. Эти пейзажи не раз вдохновляли художников, стремившихся запечатлеть хотя бы малую часть великолепия родного края.

Не уступали природе и города Астроса. Узкие улочки пролегали между старинными каменными домами, на площадях возвышались мраморные памятники прославленным героям, а древние мосты соединяли берега рек, над которыми некогда проливалась кровь защитников этих земель. Одна-

ко истинной гордостью континента оставались крепости. Их высокие стены, возведённые ещё во времена предков, хранили память о многочисленных осадах и сражениях. Не одно поколение воинов отдало свои жизни, защищая эти твердыни от неприятеля.

Жители Астроса чтили собственную историю. О подвигах павших рассказывали детям, имена великих полководцев передавались из поколения в поколение, а старинные предания продолжали жить даже там, где от прежних времён остались лишь развалины. Впрочем, не только красотами славился Астрос. Купцы, прибывавшие сюда из дальних земель, нередко дивились непостоянству местного климата. Ещё утром над побережьем могли бушевать ветра, а тяжёлые тучи извергали на землю потоки дождя. Море вздымалось, обрушивая волны на песчаные берега, но уже к полудню облака расступались, уступая место жаркому солнцу. К вечеру же вновь наступала прохлада, и жители городов выходили на улицы, наслаждаясь свежестью морского ветра.

Столицей Астроса был Кроутер — один из прекраснейших и наиболее защищённых городов континента. Его окружали высокие крепостные стены, а многочисленные сторожевые башни позволяли издалека замечать приближение неприятеля. На протяжении многих лет Кроутер отражал набеги варваров с Северной Души. Память о павших защитниках по-прежнему жила среди горожан, и многие из них мечтали о дне, когда северянам наконец воздастся за пролитую

кровь.

Но сегодня мысли жителей были заняты иным. В Кроутере готовились к коронации. На престол должен был взойти Кейн Шторм — старший сын короля Ричарда Шторма, погибшего шесть лет назад. Для одних юный наследник олицетворял надежду на благополучное будущее, для других оставался неопытным мальчишкой, которому предстояло принять на себя бремя власти.

Его отец пользовался уважением далеко за пределами Астроса. Ричард Шторм не раз отражал нападения северных варваров, однако прославился не только военными победами. В отличие от своих предшественников, он стремился положить конец многолетней вражде с Франбургом. Там, где прежние короли видели лишь неприятеля, Ричард пытался найти союзника. Именно таким его помнили подданные: суровым воином, мудрым правителем и человеком, который до последних дней стремился уберечь свои земли от новой войны. Но для Кейна он прежде всего оставался отцом.

Накануне коронации

К вечеру над Кроутером сгустились тяжёлые облака. С моря потянуло холодным ветром, и улицы, ещё недавно наполненные торговцами и прохожими, постепенно опустели. За крепостными стенами слышался шум волн, разбивавшихся о каменистый берег. Во дворце продолжались приготовле-

ния к коронации. Слуги переносили церемониальные одеяния, советники обсуждали порядок завтрашнего торжества, а стражники проверяли караулы. В Соборе Архирахелей уже готовили алтарь, на котором предстояло возложить корону на голову нового правителя. Кейн Шторм не принимал участия в этих хлопотах. Он покинул свои покои, когда в коридорах стало заметно тише, и направился в ту часть дворца, куда редко заглядывали придворные.

Королевская усыпальница находилась под старым крылом замка. К ней вела узкая каменная лестница, освещённая настенными факелами. Чем ниже спускался Кейн, тем сильнее ощущался запах сырости и холодного камня. У входа дежурили двое стражников. Увидев наследника, они склонили головы.

— Ваше высочество. — Кейн остановился перед массивными дверями.

— Оставьте меня одного.

Стражники переглянулись, но спорить не посмели. Двери медленно отворились. За ними простирался просторный зал, погружённый в полумрак. Вдоль стен располагались каменные гробницы прежних королей Астроса. На каждой были высечены имена, годы правления и слова, призванные сохранить память о деяниях покойных. Кейн прошёл мимо нескольких надгробий, почти не глядя по сторонам. Он знал дорогу. В дальнем конце усыпальницы находилась гробница Ричарда Шторма. Юноша остановился перед ней. На камен-

ной плите покоился высеченный герб династии. Под ним было выбито имя человека, которого Кейн любил больше всех на свете. Он протянул руку и коснулся холодной поверхности. Шесть лет. Столько времени минуло с того дня, когда Ричарда опустили в эту гробницу.

Кейну казалось, что он должен был привыкнуть к его отсутствию. Научиться жить без отцовского голоса, без наставлений, без вечеров, проведённых за рассказами о походах и сражениях. Но всякий раз, когда он приходил сюда, прежняя боль возвращалась.

— Завтра меня назовут королём, — тихо произнёс он. — Слова растворились под каменными сводами. Кейн опустил взгляд.

— Матушка говорит, что я готов. Советники говорят, что настало время. Даже Рахели твердят, что такова воля Создателя. — Он невесело усмехнулся.

— Только меня самого никто не спросил, хочу ли я этого. — Юноша замолчал. Вдали потрескивал факел.

— Помнишь, как я просил тебя взять меня в поход? — продолжил Кейн. — Ты всегда отвечал, что мне ещё рано. Что однажды придёт время, когда я пойму, какой тяжёлой бывает власть. — Он медленно провёл пальцами по высеченным буквам.

— Кажется, это время пришло.

Кейн опустился на колени. В памяти всплыло лицо отца — усталое, но улыбающееся. Он вспомнил, как Ричард одна-

жды вернулся из очередного похода и, несмотря на ранения, долго сидел с сыновьями, рассказывая о далёких землях. Тогда Кейн не понимал, почему мать так сердится на супруга за эти истории. Ему казалось, что война состоит из славных побед, а смерть всегда обходит храбрых стороной.

Теперь он знал, насколько ошибался.

— Я боюсь, отец. — Произнести это вслух оказалось труднее, чем он ожидал.

— Боюсь, что не сумею защитить Астрос. Что люди станут проклинать моё имя. Что однажды они скажут, будто после твоей смерти династия Штормов утратила своё величие. — Кейн сжал кулаки.

— А больше всего боюсь, что они окажутся правы.

Ответа не последовало. Он и не ожидал его услышать. Но где-то в глубине души всё ещё жил тот двенадцатилетний мальчишка, который верил, что отец способен найти выход из любой беды. Кейн поднялся.

— Я не знаю, каким королём стану, — прошептал он. — Но постараюсь не опозорить твоё имя.

Он ещё некоторое время стоял перед гробницей, а затем направился к выходу. У самых дверей юноша остановился и оглянулся. Ему вдруг захотелось вернуться, остаться здесь до утра, спрятаться среди мёртвых от мира живых, который завтра потребует от него слишком многого. Но он заставил себя открыть дверь. Наверху его ожидала корона.

На следующее утро Кроутер проснулся раньше обычно-

го. Едва первые лучи солнца коснулись крепостных башен, как на улицах послышался скрип телег, крики торговцев и звон кузнечных молотов. Над площадями развевались знамёна Штормов, а у Собора Архирахелей собирались горожане, желавшие увидеть нового короля. Торговцы спешили воспользоваться праздничной суетой. Уличные пекари раскладывали горячий хлеб, продавцы тканей выставляли лучшие товары, а дети с любопытством разглядывали украшенные цветами повозки. Для многих жителей этот день должен был стать началом новой эпохи. Однако радость разделяли не все.

У одной из лавок, неподалёку от соборной площади, стояли двое мужчин. Один — пожилой воин с поседевшей бородой и заметным шрамом на щеке. Другой — молодой торговец, державший в руках свёрток ткани.

— Говорят, ему всего восемнадцать, — произнёс торговец, поглядывая на собор.

— Так и есть, — ответил старик.

— И что же он знает о правлении? Я в его годы едва научился вести счета, а ему целый континент доверяют. — Старый воин усмехнулся.

— Думаешь, Ричард родился с короной на голове?

— Ричард был великим королём.

— Не сразу. — Торговец недоверчиво посмотрел на собеседника.

— Я служил его отцу, — продолжил ветеран. — А потом

и самому Ричарду. Видел, как он ошибался, как терял людей, как возвращался из походов едва живым. Не всё, о чём нынче рассказывают на площадях, было славной победой.

— Но он защищал нас от северян. — Лицо старика помрачнело.

— Защищал. — Он на мгновение замолчал.

— Я видел деревни после их набегов. Видел дома, от которых оставались одни угли. Видел людей, потерявших всё, что у них было. И если северяне однажды вернутся, мне будет всё равно, сколько лет сидящему на троне королю. Главное, чтобы он сумел собрать войско и не бросил нас на произвол судьбы. — Молодой торговец опустил глаза.

— Думаешь, они снова придут?

— Они всегда возвращались. — Старик посмотрел в сторону крепостных стен.

— Вопрос лишь в том, когда. — Неподалёку раздался звон колоколов. Толпа оживилась.

— Пора, — произнёс торговец. — Не хочу пропустить церемонию.

— Ступай. А я ещё немного постою.

— Почему? — Ветеран пожал плечами.

— Хочу вспомнить, каким был его отец.

Молодой человек направился к собору, оставив старика возле лавки. Тот ещё некоторое время смотрел на знамёна, колыхавшиеся над улицей. Когда-то под такими же знамёнами он уходил на войну. Теперь под ними предстояло править

мальчишке, которого он помнил совсем ребёнком. Старый воин тяжело вздохнул.

— Не подведи нас, Шторм, — негромко произнёс он.

Колокола продолжали звонить. В это время во дворце Кейн сидел перед окном своих покоев, неотрывно разглядывая отцовский перстень. Он почти не спал. Впереди его ожидал день, которого он страшился последние шесть лет. В памяти юноши до сих пор жили воспоминания о его возвращениях с полей сражений. Особенно отчётливо Кейн помнил один из тех дней, когда Ричарда доставили во дворец с наконечником стрелы, застрявшим в груди. Рахели — лекари, учёные и духовные служители, чьи знания высоко ценились как в Астросе, так и во Франбурге, — сделали всё возможное, чтобы спасти короля. Однако вскоре стало ясно, что рана оказалась смертельной. Началось заражение крови, и спустя три дня мучений Ричард Шторм испустил последний вздох.

Кейну тогда было всего двенадцать. Он помнил, как отчаянно желал проснуться и обнаружить, что всё случившееся было лишь дурным сном. Как прислушивался к каждому звуку за дверью, надеясь вновь услышать знакомые шаги. Как не мог понять, почему человек, сумевший пережить столько сражений, оказался бессилен перед одной-единственной раной.

Оскар и Уиллас были ещё слишком малы, чтобы в полной мере осознать случившееся. Кейн же запомнил каждую

подробность похорон: белоснежные розы, возложенные на безжизненное тело отца, холодный воздух королевской усыпальницы и тяжёлую каменную плиту, навсегда отделившую Ричарда от мира живых. В тот день он потерял не только отца, но и человека, которому стремился подражать. Ещё при жизни Ричарда Кейн любил проводить вечера рядом с ним, слушая рассказы о далёких походах, кровопролитных битвах и королях минувших времён. Тогда всё казалось простым. Доблестные воины одерживали победы, мудрые правители оберегали свои народы, а зло неизменно получало по заслугам. Лишь повзрослев, Кейн начал понимать, что действительность была куда суровее отцовских рассказов.

После смерти Ричарда Астрос погрузился в траур. На площадях Кроутера звучали погребальные молитвы, а жители ещё долго вспоминали своего короля, гадая, кому теперь предстоит защищать их земли. Кейн не считал себя достойным этого бремени. Страх не оправдать надежд подданных и запятнать память отца заставил его отказаться от немедленного восшествия на престол. Управление государством приняла Флоренция Шторм, вдова Ричарда, ставшая королевой-регентом до совершеннолетия старшего сына. Прошло шесть лет.

Теперь Кейну исполнилось восемнадцать, и время регентства подходило к концу. После долгих сомнений он согласился принять корону, принадлежавшую его предкам. Но согласиться оказалось куда легче, чем встретить назначенный

день. Утренний свет проникал сквозь высокие окна королевских покоев. За стенами дворца Кроутер уже пробуждался: на улицах слышались голоса торговцев, по каменным мостовым проезжали повозки, а над городом время от времени раздавался колокольный звон. Горожане готовились к торжествам, которые должны были ознаменовать начало нового правления.

Сам же будущий король не находил в этом дне ничего радостного. Кейн сидел в кресле, обитом алым шёлком, и неотрывно смотрел на перстень, украшавший его безымянный палец. Когда-то это украшение принадлежало Ричарду. Шесть лет назад юноша собственноручно снял его с холодной руки отца и с тех пор почти никогда с ним не расставался. Послышался тихий скрип двери. В покои вошла Флоренция. Её пышное бежевое платье, расшитое золотистыми узорами, мягко скользило по мраморному полу. Поблагодарив служанок коротким кивком, королева отпустила их и приблизилась к окну. Она раздвинула белоснежные шторы, впуская в комнату больше света, после чего обернулась к сыну.

— Ты плохо выглядишь. Не спал всю ночь? — Кейн не ответил. Лишь большим пальцем медленно провёл по поверхности отцовского перстня. Флоренция нахмурилась.

— Народ не должен видеть своего будущего короля в таком состоянии. Они заметят твою слабость, Кейн. А те, кто желает воспользоваться ею, не станут медлить. Мы стоим на

пороге больших перемен, и сейчас ты не можешь позволить себе сомневаться.

— Я… не знаю, матушка, — едва слышно произнёс юноша. — Он опустил голову, избегая её взгляда.

— Что, если я не справлюсь? Что, если разочарую отца?

Флоренция некоторое время молчала. Она любила сына, но слишком хорошо знала, насколько беспощадным бывает королевский двор. Шесть лет она удерживала власть, выслушивала требования лордов, принимала решения, от которых зависели тысячи жизней. И теперь ей предстояло передать государство юноше, который всё ещё боялся собственной короны.

— В таком случае я пойду и обрадую Оскара, — наконец произнесла она. — Думаю, он с удовольствием займёт твоё место на церемонии.

Не дожидаясь ответа, королева направилась к выходу. Дверь закрылась. Кейн остался один. Он запустил пальцы в тёмные волосы и тяжело выдохнул. Слова матери больно задели его, хотя он прекрасно понимал, зачем она их произнесла. Перед глазами вновь возник образ Ричарда — сильного, уверенного, не знавшего страха. Таким его запомнил сын. Таким его помнил весь Астрос. Ты должен сделать это. Кейн крепче сжал перстень. Докажи, что достоин его имени. Но даже эти мысли не приносили облегчения.

— Отец… — прошептал он, глядя на потемневший металл. — Я стараюсь. Правда стараюсь…

По его щекам медленно покатились слёзы. В священных стенах Собора Архирахелей постепенно собирались высокопоставленные лорды, королевские советники, духовные служители и немногочисленные простолюдины, которым посчастливилось получить разрешение присутствовать на церемонии. Под высокими сводами разносился приглушённый гул голосов. Слуги зажигали последние свечи, стражники занимали места у массивных дверей, а приглашённые гости негромко переговаривались, ожидая появления будущего короля. Оскар Шторм, средний сын покойного Ричарда, уже довольно долго сидел на одной из деревянных скамей. Время от времени он оборачивался к главному входу, надеясь увидеть старшего брата. Но Кейн всё не появлялся.

Церемонию должен был провести Архирахель Никон — один из высших духовных служителей Астроса. Несмотря на молодость, он сумел достичь положения, которого многие Рахели добивались на протяжении всей жизни. Никон стал самым юным обладателем столь высокого титула, и сегодняшняя коронация должна была стать первой в его служении.

Юный Архирахель тщательно готовился к обряду. Он несколько раз проверил расположение церемониальных предметов, осмотрел алтарь и распорядился, чтобы служители ещё раз убедились в готовности храма. Его беспокойство было вполне объяснимым: любая ошибка могла обернуться позором перед королевской семьёй и старшими Архирахе-

лями.

Тем временем среди прибывших гостей появился Уиллас Шторм. Младший сын Ричарда умел возникать там, где его меньше всего ожидали. Ещё в детстве он отличался хитростью и изобретательностью, нередко обманывал воспитательниц, подставлял прислугу и устраивал братьям неприятности, после которых неизменно выходил сухим из воды. С годами его проделки становились всё менее безобидными. Сегодня Уиллас надеялся, что Кейн так и не решится явиться на коронацию. Тогда право на престол могло перейти к Оскару, которым младший принц рассчитывал управлять куда легче. Впрочем, даже если старший брат примет корону, это ещё не означало, что он сумеет её удержать.

Уиллас стоял среди лордов с кубком вина в руке. Он неспешно оглядывал собравшихся, изредка поднося напиток к губам, и выглядел так, словно предстоящая церемония не имела для него особого значения. Заметив младшего брата, Оскар поспешно поднялся со скамьи.

— Я уже заждался, сссобака, — проворчал он, приблизившись к Уилласу. — Надеюсь, наш любимый старший брат не опомнится и не придёт сюда. У нас ведь совсем другие планы, не так ли?

В голосе Оскара слышалось беспокойство. Он то и дело поглядывал на вход, словно опасался, что Кейн появится именно в тот момент, когда они заговорят о нём. Уиллас, напротив, оставался невозмутимым.

— Не переживай, братец. Думаю, Кейн всё-таки взойдёт на престол, — произнёс он, передавая Оскару кубок. — Но недолго ему на нём сидеть.

— Как это понимать?

— Как слышишь. И не задавай лишних вопросов. У меня и без того голова раскалывается после вчерашней гулянки. — Он поморщился и потёр висок.

— И что же за повод был для гулянки? — не унимался Оскар, отпивая вино.

— Повод весомый. Но, боюсь, это не твоего ума дело. — Уиллас усмехнулся и направился к свободной скамье.

— И на твоём месте я бы столько не пил. Кто знает, возможно, тебе ещё предстоит занять отцовский трон. А ты от одного кубка уже едва держишься на ногах.

Оскар недовольно поджал губы. Он хотел возразить, но младший брат уже отвернулся, ясно давая понять, что разговор окончен. Оставалось лишь сесть рядом и ждать. Вскоре собор наполнился до отказа. Когда за массивными дверями раздался размеренный топот королевской стражи, разговоры начали стихать. Несколько лордов поднялись со своих мест, за ними последовали остальные. Двери распахнулись. На пороге появился Кейн Шторм. От входа до самого алтаря тянулся длинный ковёр из красного шёлка. По обе стороны стояли приглашённые гости, и каждый из них обратил взгляд на юного наследника. Кейн на мгновение замер. Ему казалось, что все собравшиеся способны разглядеть его

страх. Под тяжестью чужих взглядов даже несколько шагов давались с трудом. Но он заставил себя двинуться вперёд.

Архирахель Никон кивнул служителям, и под сводами собора зазвучала музыка. Глубокие звуки органа смешались с нежными переливами арф, а с верхних галерей донеслось пение мальчиков, находившихся под опекой Рахелей. Кейн медленно шёл к алтарю. Его окружали люди, возлагавшие на него надежды. Среди них были те, кто ещё помнил победы Ричарда Шторма, и те, кто уже сомневался, способен ли его сын повторить хотя бы малую часть отцовских достижений. Юноша чувствовал себя скованным невидимыми цепями. Каждый шаг приближал его к власти, которой он столько лет боялся.

И всё же где-то в глубине души теплилась мысль, что отец сейчас наблюдает за ним. Быть может, из иного мира, недоступного живым. Быть может, с той самой высоты, где, по словам Рахелей, обретают покой души достойных. Я не должен его разочаровать. У алтаря ожидал Никон.

— Дорогие жители Астроса! — громко произнёс Архирахель.

Последние разговоры смолкли. В первых рядах стояла Флоренция. Увидев старшего сына, она едва заметно выдохнула. Ещё утром женщина опасалась, что Кейн не найдёт в себе сил явиться на церемонию. Теперь он стоял перед всем Астросом. Флоренция вспомнила последние дни жизни Ричарда. Даже измученный болью, её супруг говорил о спо-

собностях старшего сына, о его уме и характере. Он верил, что однажды Кейн станет достойным правителем. Королева хотела разделять эту веру. Но с каждым годом сомнения всё сильнее терзали её.

— В этот священный день, — продолжил Никон, — мы взываем к Создателю и просим благословить того, кому суждено принять власть над нашими землями. Да избавит он народ от непроглядной мглы, да укажет путь к светлому будущему и да правит долго и справедливо!

Архирахель повернулся к алтарю, на котором покоилась золотая корона, украшенная драгоценными камнями и древними узорами. Кейн опустился на одно колено. Никон осторожно поднял корону обеими руками. Сердце юноши билось так сильно, что он почти не слышал окружающих звуков. Перед глазами мелькали воспоминания: отцовские рассказы, его улыбка, тяжёлые доспехи, которые Ричард снимал после возвращения из походов. А затем прозвучали слова, произнесённые им перед последним сражением. «Ты станешь королём». Кейн закрыл глаза. В следующее мгновение он ощутил, как на голову опустилась корона.

— Встань же, Кейн Шторм, король всего Астроса! — провозгласил Никон. — Юноша медленно поднялся. Перед ним стояли сотни людей. На мгновение воцарилась тишина, а затем собор наполнился торжественными возгласами.

— Да здравствует новый король!

— Да правит он долго!

— Да здравствует Кейн Шторм!

Голоса сливались в единый гул, отражаясь от каменных стен и высоких сводов. Кейн смотрел на своих подданных, не зная, что должен чувствовать. Страх никуда не исчез, но теперь к нему примешивалось нечто иное. Люди приветствовали его. Они верили, что он сумеет защитить их, как когда-то защищал Ричард. И эта вера, пусть ненадолго, придала юноше сил. Он поднял зелёные глаза к расписному потолку собора. Там, среди изображений прежних властителей Астроса, он разглядел великого Гринвальда Шторма, короля Алистера и многих других представителей своей династии. Наконец его взгляд остановился на изображении Ричарда. Отец, я знаю, что ты меня слышишь. Поверь, я справлюсь. Я выдержу всё, что выпадет на мою долю. Научусь быть достойным королём, даже если для этого придётся пройти через страдания. И когда-нибудь, когда мы встретимся вновь, ты будешь гордиться мной.

Обещаю. Обещаю… Последние возгласы ещё разносились под сводами собора, когда Кейн спустился с возвышения. Корона непривычно давила на голову. Юноше казалось, что каждый шаг должен быть выверен, каждое движение — исполнено достоинства. Он пытался держаться прямо, как некогда держался его отец, но всё ещё чувствовал себя чужим среди этого великолепия. Первой его поздравила Флоренция. Она склонилась в почтительном реверансе, хотя во взгляде её было куда больше материнской нежности, чем

придворной учтивости.

— Да хранит тебя Создатель, ваше величество. — Кейн едва заметно улыбнулся.

— Матушка…

— Теперь ты король, — тихо напомнила она. — Привыкай.

Следом приблизились советники и лорды. Одни выражали искреннюю радость, другие произносили положенные слова с таким видом, словно исполняли неприятную обязанность. Кейн старался отвечать каждому. Он уже начал уставать от бесконечных поклонов, когда перед ним появился Уиллас. Младший брат был одет в тёмный камзол с золотой вышивкой. Его волосы были аккуратно уложены, а на лице сияла широкая улыбка.

— Ваше величество! — торжественно произнёс он. — Кейн удивлённо посмотрел на него. Уиллас опустился на одно колено.

— Позволь первым из твоих братьев поздравить тебя с восшествием на престол. — Несколько придворных обернулись.

— В этот день весь Астрос обрёл нового правителя, — продолжил принц достаточно громко, чтобы его слышали окружающие. — И я искренне надеюсь, что твоё царствование будет столь же славным, как правление нашего отца. — Кейн смутился. Он не привык слышать от Уилласа подобные слова.

— Благодарю тебя, брат. Поднимись. — Уиллас поднялся и крепко обнял его.

— Я всегда буду рядом, Кейн, — прошептал он.

На мгновение юный король почувствовал облегчение. Быть может, он напрасно опасался, что братья станут завидовать ему. Быть может, семья действительно останется той опорой, без которой ему не справиться.

— Я рад это слышать, — ответил Кейн. — Уиллас отстранился и снова улыбнулся.

— Нас ждут великие дела, братец.

Вокруг послышались одобрительные возгласы. Несколько лордов обменялись довольными взглядами: единство королевской семьи выглядело хорошим предзнаменованием. Лишь Флоренция не разделяла общего воодушевления. Она слишком хорошо знала младшего сына. Уиллас никогда не говорил так много добрых слов без причины. Принц заметил её взгляд и почтительно склонил голову.

— Матушка.

— Уиллас, — сдержанно ответила королева.

Он улыбнулся ещё шире. Позднее, когда торжества продолжились за пределами собора, Уиллас нашёл Оскара в одной из боковых галерей. Средний брат стоял возле окна и наблюдал за праздничной толпой.

— Ты прекрасно выступил, — произнёс Оскар, не оборачиваясь.

— Неужели?

— Даже я на мгновение поверил, что ты действительно рад его коронации. — Уиллас рассмеялся.

— А разве я не должен радоваться? Наш дорогой брат наконец получил то, чего так долго боялся.

— Ты говорил, что он недолго просидит на троне.

— И что?

— А теперь клянёшься ему в верности перед всем двором. — Уиллас приблизился к окну. Внизу горожане приветствовали нового короля. Кто-то размахивал знаменем, кто-то поднимал кубок, выкрикивая имя Кейна.

— Посмотри на них, Оскар, — произнёс младший принц. — Сегодня они готовы носить его на руках. А завтра, если в их домах не окажется хлеба, будут проклинать.

— К чему ты клонишь?

— К тому, что любовь народа непостоянна. И куда полезнее, когда люди считают тебя верным братом своего короля, а не его завистливым соперником. — Оскар нахмурился.

— Ты хочешь обмануть всех?

— Я хочу, чтобы меня слушали. — Уиллас обернулся к нему.

— А для этого совершенно необязательно сидеть на троне.

— Но ты ведь сам говорил…

— Я много чего говорил, братец. — Он похлопал Оскара по плечу.

— Не торопи события. Пусть Кейн насладится своим

праздником. — Оскар посмотрел на него с недоверием.

— А если он окажется хорошим королём? — Улыбка Уилласа на мгновение исчезла.

— Тогда нам придётся быть терпеливее.

Он направился к выходу, оставив брата возле окна. Оскар хотел окликнуть его, но передумал. Впервые за этот день он задумался, понимает ли вообще, чего добивается Уиллас. А младший принц, уже спускаясь по лестнице, вновь улыбался встречным лордам и принимал поздравления по случаю коронации старшего брата.

Первые недели правления оказались для Кейна куда тяжелее, чем он предполагал. Едва завершились торжества, как во дворец начали поступать жалобы из окрестных поселений. На торговых дорогах появились вооружённые разбойники. Они нападали на обозы, грабили крестьян и исчезали прежде, чем королевские отряды успевали добраться до места преступления. Поначалу Кейн надеялся, что местные властители сумеют самостоятельно навести порядок. Однако нападения продолжались. Однажды утром король собрал совет.

В просторном зале за длинным столом расположились казначей, военные советники и несколько влиятельных лордов. Перед Кейном лежали донесения из пострадавших деревень. Он уже успел прочесть их дважды. В одном говорилось о разграбленном обозе с зерном. В другом — о нападении на крестьянские дома. Третье сообщало о нескольких

погибших, пытавшихся защитить своё имущество.

— Почему эти люди до сих пор свободно разъезжают по нашим землям? — спросил Кейн. — Один из советников поднялся.

— Ваше величество, разбойники действуют небольшими отрядами. Они хорошо знают лесные дороги и редко остаются на одном месте.

— Но ведь у нас есть солдаты.

— Разумеется, государь. Однако содержание дополнительных патрулей потребует немалых расходов. — Казначей раскрыл расчётную книгу.

— Королевская казна и без того несёт значительные траты. Коронация, предстоящий праздник Гринвальда Шторма, содержание гарнизонов…

— Я знаю о расходах, — перебил Кейн. — Он говорил резче, чем намеревался. Казначей замолчал. Один из лордов, сидевший по правую руку от короля, недовольно хмыкнул.

— Ваше величество, не следует преувеличивать опасность. Разбойники существовали всегда. Крестьяне привыкли жаловаться при первой же неприятности. — Кейн поднял глаза.

— При первой же неприятности?

— Именно так. Если отправлять королевское войско по каждой жалобе, скоро некому будет защищать сам Кроутер.

— В донесениях говорится об убитых.

— Смерть нескольких простолюдинов ещё не означает,

что государству угрожает бедствие. — За столом повисла тишина. Кейн медленно положил письмо на стол.

— Сколько человек должно погибнуть, чтобы вы сочли это бедствием? — Лорд нахмурился.

— Ваше величество, я лишь пытаюсь объяснить…

— Тогда объясните мне, почему жители Астроса должны платить подати короне, если корона не способна защитить их от нескольких вооружённых негодяев.

Советник отвёл взгляд. Кейн почувствовал, как кровь приливает к лицу. Он не собирался вступать в спор. Ещё утром он надеялся, что опытные люди предложат ему готовое решение. Но теперь казалось, что никто из присутствующих не желает брать на себя ответственность.

— Есть и другой способ, государь, — заговорил военный советник. — Кейн повернулся к нему.

— Говорите.

— Можно направить несколько карательных отрядов. Схватить подозреваемых, публично казнить наиболее опасных. Остальные испугаются и разбегутся.

— А если среди схваченных окажутся невиновные?

— В столь смутные времена ошибки неизбежны.

Кейн нахмурился. Ему вспомнились рассказы отца о войнах с северянами. Ричард нередко говорил, что жестокость бывает необходима, но человек, привыкший прибегать к ней без раздумий, рано или поздно перестаёт отличать врагов от собственных подданных. Король опустил взгляд на донесе-

ния. Перед ним лежали три возможных решения. Оставить всё как есть. Потратить деньги, которых и без того недоставало. Или позволить солдатам вершить расправу над всеми, кто покажется подозрительным. Ни одно не обещало лёгкого исхода.

— Сколько людей потребуется, чтобы усилить охрану основных дорог? — наконец спросил Кейн. — Военный советник задумался.

— Несколько десятков всадников для постоянных разъездов. Возможно, больше, если нападения продолжатся.

— А для защиты деревень?

— Придётся распределить часть гарнизонов. — Казначей немедленно вмешался:

— Ваше величество, это повлечёт дополнительные расходы! — Кейн поднял руку.

— Я слышал вас.

Он встал из-за стола. Советники замолчали. Король некоторое время смотрел на карту окрестностей Кроутера. Красными отметками на ней были обозначены места последних нападений.

— Направьте вооружённые патрули на торговые дороги, — произнёс он. — Укрепите охрану деревень, которые пострадали больше остальных. Пусть местные властители предоставят сведения о подозрительных отрядах и местах, где те могут скрываться.

— А задержанных? — спросил военный советник.

— Доставлять для разбирательства. Я не желаю, чтобы под видом борьбы с разбойниками солдаты грабили собственный народ. — Один из лордов недовольно покачал головой.

— Государь, подобная мягкость может быть воспринята как слабость. — Кейн посмотрел на него.

— Возможно. — Он помолчал.

— Но если я прикажу казнить первого встречного только ради того, чтобы показаться вам сильным, разве от этого стану лучшим королём? — Лорд ничего не ответил. Казначей тяжело вздохнул.

— И всё же, ваше величество, средства…

— Подготовьте расчёт расходов. Мы рассмотрим, от каких трат можно временно отказаться.

Кейн вновь сел. Его руки слегка дрожали под столом. Он только что отдал первый приказ, который не был заранее подсказан матерью или одобрен всеми советниками. И теперь боялся, что совершил ошибку. К вечеру Флоренция узнала о решении сына. Она нашла Кейна в его покоях. Тот сидел за столом, изучая донесения.

— Говорят, сегодня ты заставил советников немало поволноваться, — произнесла королева. — Кейн поднял голову.

— Если ты пришла сказать, что я поступил глупо, то можешь не утруждаться. Мне уже достаточно об этом говорили. — Флоренция остановилась.

— А сам ты как считаешь?

— Не знаю. — Он отложил письмо.

— Возможно, следовало послушать казначея. Или приказать схватить разбойников и казнить их, как предложил военный советник.

— Но ты поступил иначе.

— Да.

— Почему? — Кейн задумался.

— Потому что эти люди наши подданные. Если мы не защитим их, кто тогда защитит? — Флоренция долго смотрела на сына.

— Хороший ответ. — Кейн удивился.

— Значит, ты согласна со мной?

— Не во всём. Казначей прав: деньги не появляются из воздуха. И тебе ещё предстоит решить, чем пожертвовать ради собственного приказа. — Она приблизилась к столу.

— Но ты впервые принял решение, не ожидая, пока кто-нибудь сделает это за тебя. — Кейн опустил взгляд.

— А если оно окажется ошибочным?

— Тогда тебе придётся исправлять последствия.

— И только?

— А ты думал, королям позволено не ошибаться? — Она едва заметно улыбнулась.

— Твой отец совершил немало ошибок, Кейн. Некоторые обходились ему дорого. Но он никогда не позволял страху перед ними окончательно лишить себя воли. — Кейн по-

смотрел на отцовский перстень.

— Мне ещё далеко до него.

— Разумеется, — ответила Флоренция. — Ты ведь только начал.

Впервые за долгое время её слова не показались ему упрёком. В последующие дни королевские патрули вышли на дороги. Солдаты сопровождали торговые обозы, осматривали лесные тропы и усиливали караулы возле пострадавших поселений. Постепенно число нападений стало сокращаться. До полного спокойствия было ещё далеко. Советники продолжали спорить о расходах, а некоторые лорды открыто осуждали решение молодого короля. Однако из деревень начали поступать первые благодарственные письма. Кейн читал их с непривычным чувством. Он понимал, что сделал совсем немного. И всё же впервые после коронации ему показалось, что власть может означать не только страх и бесконечные обязанности. Иногда она позволяла помочь тем, кто сам не способен себя защитить. Но едва положение на дорогах начало улучшаться, как появились новые трудности.

Часть лордов покинула столицу, демонстрируя недовольство правлением Кейна. Архирахели требовали должным образом подготовить празднества в честь Гринвальда Шторма. Казначей вновь заговорил о нехватке средств. И однажды утром во дворец прибыл гонец из Франбурга. Он привёз письмо, скреплённое печатью Люксена Розенталя.

— Ваше величество! — В дверь настойчиво постучали.

— Ваше величество!

Кейн неохотно открыл глаза и повернул голову на звук. Сквозь высокие окна в покои проникал утренний свет, заставляя его щуриться. Ему снился отец. Во сне Ричард был жив, улыбался и держал на руках совсем ещё маленького Уилласа. Они находились вместе, словно шесть минувших лет никогда не существовали. Кейн тяжело вздохнул. С тех пор как он принял корону, спокойные ночи стали редкостью. Государственные дела отнимали столько времени, что порой он засыпал прямо за письменным столом. У открытой террасы лежали разбросанные документы. Несколько листов колыхались от лёгкого ветра, а перо, упавшее на пол, валялось возле ножки кресла. Стук повторился.

— Войдите, — наконец произнёс король. — Дверь приоткрылась, и на пороге показался лакей с запечатанным письмом в руках. Кейн сразу заметил королевскую печать Франбурга.

— Что это? — спросил он, потирая глаза.

— Послание от короля Люксена Розенталя, ваше величество!

Лакей поклонился и протянул письмо. Кейн взял его, внимательно разглядывая печать. Почти сразу в коридоре послышались шаги. В покои вошла Флоренция. Судя по её спокойному виду, она уже знала о прибытии гонца. Королева приветствовала сына лёгким реверансом и одним взглядом велела стражникам закрыть двери.

— С добрым утром, сын мой.

— Если бы оно действительно было добрым, — невесело усмехнулся Кейн, усаживаясь за письменный стол.

— А что же случилось? — Флоренция заняла кресло напротив него.

— Пришли вести из Франбурга. Надеюсь, они не принесут мне новых неприятностей. — Королева некоторое время смотрела на письмо в его руках.

— Когда-то твой отец очень желал заключить союз с Франбургом, — заговорила она. — И я понимала его стремление. Но Люксен Розенталь тогда не хотел и слышать о мире. Он был молод, полон сил и жаждал войны. Впрочем, годы заставили его многое переосмыслить. Возможно, теперь он пытается исправить собственные ошибки. — Кейн потянулся к кувшину с оставшимся с вечера вином, наполнил кубок и сделал несколько глотков.

— Думаешь, у меня получится то, чего не смог добиться отец?

— Получится, если ты наконец возьмёшь себя в руки.

Флоренция произнесла это без раздражения, но достаточно твёрдо. Кейн сломал печать и развернул письмо. Он быстро пробежался глазами по строкам. С каждым прочитанным предложением его лицо становилось всё серьёзнее.

— Но для этого мне придётся покинуть Астрос, — произнёс он.

— И что же? Разве короли прежде не покидали своих зе-

мель?

— Покидали. Но я едва успел разобраться с тем, что происходит здесь.

— Твой отец верил в тебя, Кейн. И ты должен научиться верить в себя. Следуй примеру предков, но помни, что решения теперь предстоит принимать тебе самому. — Она немного помолчала.

— Так что пишет Люксен? — Хотя Флоренция уже знала о готовящемся предложении, ей хотелось услышать ответ сына.

— Он желает заключить союз, — Кейн опустил письмо на стол. — Брачный союз. Наши континенты должны объединиться посредством моего брака с его дочерью. — Королева улыбнулась.

— Вот и прекрасно. Теперь тебе придётся задумываться не только о государственных делах, но и о продолжении династии.

— Именно это меня и тревожит, — возразил Кейн. — Я ещё не успел принять все заботы Астроса, а теперь должен заключать союз и жениться на женщине, которую никогда не видел. Брак по расчёту… Я всегда презирал подобное. — Флоренция поднялась с кресла.

— Ты ведь знаешь, что мы с твоим отцом тоже поженились не по любви. Наш брак был заключён ради интересов государств и знатных родов. Но со временем мы полюбили друг друга. И эти чувства живут во мне до сих пор. — При

упоминании Ричарда её голос ненадолго смягчился.

— Не всё в жизни складывается так, как нам хотелось бы, сын мой. Особенно если на твоей голове корона. — Кейн молчал.

— Обсуди предложение с советом, — продолжила Флоренция. — А затем объяви о своём решении народу. — Она направилась к выходу, но у самой двери остановилась.

— И приведи себя в порядок. Не пристало королю встречать советников в таком виде.

Двери распахнулись, пропуская трёх служанок с приготовленными одеяниями. Флоренция покинула покои. Кейн ещё некоторое время сидел неподвижно, разглядывая письмо Люксена. Затем поднялся, подошёл к тлеющему камину и бросил лист в угли. Бумага медленно почернела, свернулась и вспыхнула. Служанки помогли королю переодеться. Пока они поправляли складки его одежды и затягивали завязки, Кейн мысленно возвращался к словам матери. Брак по расчёту. Союз двух континентов. Мечта отца. Он не знал, какое из этих обстоятельств тревожило его сильнее. Когда приготовления закончились, Кейн покинул покои и направился к залу совета.

На стенах дворцовых коридоров висели портреты прежних королей. Проходя мимо них, юноша невольно замедлил шаг. Ему казалось, что каждый из предков смотрит на него с немым ожиданием. Впереди собрались советники — люди, многие из которых служили ещё Ричарду. Кейн глубоко

вдохнул и переступил порог. Ему предстояло принять решение, способное изменить судьбу Астроса.

Прошёл месяц со дня коронации. За это время Кейн успел убедиться, что королевская власть не имеет ничего общего с тем величием, которое он представлял себе в детстве. Кроутер по-прежнему оставался прекрасной столицей, однако за его крепостными стенами нарастало беспокойство. В окрестных деревнях участились нападения разбойников. Их появление казалось особенно странным: прежде эти земли считались достаточно безопасными, а теперь крестьяне опасались покидать дома после захода солнца.

Кейн распорядился усилить патрули и направить вооружённые отряды на наиболее опасные дороги. Меры принесли первые результаты: число нападений заметно сократилось, торговцы вновь начали пользоваться прежними путями, а жители окрестностей постепенно возвращались к привычной жизни. Но спокойствие оказалось обманчивым. Многие лорды, недовольные восшествием Кейна на престол, покинули Кроутер и разъехались по своим владениям. Некоторые делали это под благовидными предлогами, другие даже не пытались скрывать презрения к молодому королю.

Недовольство высказывали и Архирахели. Приближался праздник в честь Гринвальда Шторма, одного из величайших правителей Астроса, а необходимые приготовления до сих пор не были завершены. Кейну казалось, что неприятности возникают быстрее, чем он успевает с ними справляться.

Советники спорили о расходах, лорды требовали новых привилегий, посланники приносили жалобы из отдалённых земель. Теперь к этому прибавилось ещё и предложение Люксена Розенталя. Король сидел во главе длинного стола, слушая очередной доклад. Боль в висках становилась всё сильнее. Перед ним лежали бумаги, испещрённые записями, но строки постепенно сливались в одно неразборчивое пятно. Он хотел лишь одного — вернуться в свои покои, закрыть двери и хотя бы на несколько часов забыть обо всём. Однако подобной роскоши короли позволить себе не могли. Кейн резко поднялся.

— На сегодня достаточно. — Советники переглянулись.

— Но, ваше величество… — начал один из них.

— Я сказал, достаточно, — повторил король, массируя висок.

Не дожидаясь возражений, он покинул зал. По дороге ему встретилась Флоренция. Женщина остановилась, собираясь что-то сказать, но Кейн прошёл мимо, не проронив ни слова. Впереди его ожидал тронный зал. Здесь уже собрались высокопоставленные лорды и придворные, желавшие услышать распоряжения нового правителя. При появлении Кейна разговоры стихли. Король окинул присутствующих усталым взглядом и занял золотой трон. Среди собравшихся находились и его братья.

Оскар стоял рядом с Уилласом и что-то взволнованно ему говорил. Младший принц, напротив, выглядел совершенно

беззаботным. Его внимание то и дело привлекала молодая служанка, которая украдкой поглядывала в его сторону.

— И что нам теперь делать? — тихо спросил Оскар, оглядываясь по сторонам. — Кейн стал королём. А как же мы? — Уиллас закатил глаза.

— Не беспокойся об этом. Я уже разобрался с нашей проблемой.

— И каким же образом?

— Тебе действительно интересно?

— Разумеется!

— Не думаю, что ты сумеешь во всём разобраться, братец. Так что лучше не забивай голову ненужными мыслями. — Оскар нахмурился.

— Представь себе, я следующий наследник после Кейна. Поэтому будь добр, объяснись. — Уиллас раздражённо вздохнул.

— Ладно. Так уж и быть. — Он чуть приблизился к брату, понизив голос.

— Ты ведь сам видишь, что Кейн ещё не сумел укрепить свою власть. Народ ему не доверяет, лорды разъезжаются по своим землям, а он ничего не может с этим поделать. Недовольство растёт. Некоторые советники уже начали искать того, кто способен отстаивать их интересы.

— И они обратились к тебе?

— Не все, разумеется. Но достаточно многие. Я заручился поддержкой нескольких влиятельных лордов. А осталь-

ные ещё успеют определиться. — Оскар удивлённо посмотрел на младшего брата.

— И что же ты собираешься делать?

— Тебе пока ничего делать не нужно. Сиди в своих покоях, не высовывайся и, самое главное, не мешай мне. — Уиллас бросил взгляд на Кейна, который пытался придать лицу суровое выражение, столь привычное для покойного Ричарда.

— Только бы он отправился во Франбург, — добавил принц почти шёпотом.

— Откуда тебе известно, что Кейн собирается во Франбург? — Уиллас усмехнулся.

— У меня повсюду глаза и уши, мой дорогой братец. Думаешь, я не знаю о гонце, прибывшем с Востока? — Он помолчал, наблюдая за старшим братом.

— Впрочем, есть ещё одна неприятность.

— Какая?

— Матушка. Она наверняка попытается нам помешать. А значит, придётся подумать и о ней. — Оскар заметно напрягся.

— Что ты имеешь в виду?

— Обсудим позже. Сейчас у меня нет никакого желания отвечать на твои бесконечные вопросы. — Уиллас похлопал брата по плечу.

— Лучше послушай нашего нового короля.

Он отошёл, растворившись среди придворных. Вскоре

Оскар заметил, как младший брат приблизился к той самой служанке и вместе с ней покинул зал. Оскар остался один. Ему не нравилось, что Уиллас постоянно скрывает свои намерения. Однако ещё больше его тревожила мысль, что младший брат действительно сумел добиться поддержки, о которой он сам ничего не знал. Тем временем Кейн поднялся с трона.

— Лорды Астроса, — начал он, обращаясь к собравшимся. — Сегодня я намерен сообщить вам о вестях, прибывших с Востока. — Придворные притихли.

— Король Франбурга Люксен Розенталь желает заключить союз с нашим континентом. Тот самый союз, к которому стремился мой отец, Ричард Шторм.

Кейн сделал короткую паузу. Он видел, как некоторые лорды переглядываются. Франбург долгие годы оставался соперником Астроса, и далеко не все были готовы принять подобное сближение.

— Я долго размышлял над этим предложением, — продолжил король. — И пришёл к решению, которое считаю необходимым для будущего наших земель. Через несколько дней я отправлюсь во Франбург, чтобы лично встретиться с Люксеном Розенталем и обсудить условия союза. — По залу прокатился негромкий гул.

— Я отправлюсь туда не только как король Астроса, но и как сын Ричарда Шторма. Я хочу завершить дело, которое он начал при жизни. — Кейн обвёл присутствующих взглядом.

— На этом всё.

Он вновь опустился на трон. Лорды принялись перешёптываться. Одни встретили известие с осторожным одобрением, другие не скрывали недовольства. Несколько человек покачали головами, словно решение молодого правителя лишь подтвердило их опасения. Среди них стоял Оскар. Значит, Уиллас говорил правду. Мысль эта не давала ему покоя. Вскоре к Кейну подошла Флоренция.

— Я горжусь тобой, сын мой, — произнесла она с улыбкой. — Ты поступил мудро, приняв приглашение Люксена. — Кейн устало посмотрел на мать.

— Не могу сказать, что чувствую себя мудрым.

— Со временем придёт и это. — Флоренция приблизилась.

— Поверь, они ещё не знают, каким характером, стойкостью и умом ты обладаешь. Двадцать лет назад я стояла в этом же зале и смотрела на твоего отца, окружённого недовольными лордами. Тогда ему тоже приходилось доказывать, что он достоин короны.

— Но отец всегда знал, что делать.

— Нет, Кейн. Просто он не позволял остальным видеть свои сомнения.

Женщина поцеловала сына в щёку. Кейн слабо улыбнулся и направился к выходу. Флоренция проводила его взглядом, а затем посмотрела на Оскара. Она давно замечала перемены в поведении младших сыновей. Особенно её тревожил

Уиллас, чьи амбиции становились всё очевиднее. Если ему удастся склонить Оскара на свою сторону, положение Кейна может оказаться куда опаснее, чем он предполагает. И королева прекрасно понимала, что во время его отсутствия ей придётся быть особенно осторожной.

В день отъезда королевский дворец вновь наполнился суетой. Слуги переносили дорожные сундуки, лакеи проверяли приготовленные вещи, а стражники ожидали распоряжений у дверей. За окнами простирался Кроутер, над крышами которого поднималось утреннее солнце. Кейн стоял возле окна своих покоев. Ему предстояло впервые покинуть родные земли в качестве короля. Эта мысль вызывала странное чувство: с одной стороны, он желал исполнить мечту отца, с другой — боялся оставить Астрос без собственного присмотра. Дверь тихо открылась. В комнату вошла Флоренция. Её платье мягко шелестело по мраморному полу. Подойдя к сыну, королева положила ладонь ему на плечо.

— Мой дорогой мальчик, — негромко произнесла она. — Ты становишься правителем в непростое время. Но я верю, что сумеешь справиться с трудностями и принести нашим землям благополучие. — Кейн повернулся к матери.

— Наверное, ты права. — Он попытался улыбнуться.

— Только иногда мне кажется, что все вокруг ждут от меня гораздо большего, чем я способен дать.

— А ты перестань думать о том, чего ждут остальные. Подумай о том, что должен сделать сам. — Некоторое время

они молчали. В коридоре послышались шаги слуг, переносивших последние сундуки.

— Ну что? Как настрой? — спросила Флоренция. — Кейн вновь посмотрел в окно.

— Знаешь, матушка, я всё-таки побаиваюсь. Если бы ты отправилась со мной, всё могло бы сложиться иначе. По крайней мере, мне было бы спокойнее.

— Боюсь, это невозможно, сын мой. Кто-то должен присматривать за Астросом в твоё отсутствие. — Она усмехнулась.

— Твои братья едва ли справятся с подобной задачей. Оба готовились к государственной службе, а ведут себя порой как последние разгильдяи.

— Возможно, ты права.

— Не возможно, а совершенно точно. — Флоренция присела в кресло.

— С Оскаром я ещё побеседую. Надеюсь, мне удастся наставить его на верный путь. А вот с Уилласом всё куда сложнее. — Кейн повернулся к ней.

— Что с ним?

— Он никого не слушает. И самое неприятное — некоторые его выходки начинают находить одобрение среди народа. Уиллас прекрасно умеет нравиться людям, когда ему это необходимо. — Королева нахмурилась.

— Прежде он хотя бы опасался моего гнева. Теперь же понимает, что власть принадлежит тебе, а не мне. Поэтому

со временем тебе самому придётся разобраться с его поведением.

— Но как я смогу это сделать, находясь на другом континенте?

— Пока я сумею его сдерживать. Однако и моё влияние не безгранично. — Флоренция поднялась и поправила складку на плече сына.

— Поэтому постарайся вернуться как можно скорее. — Кейн опустил взгляд.

— Я постараюсь, матушка. Обещаю.

Она кивнула. На мгновение Флоренции захотелось обнять его, как в те времена, когда он был маленьким мальчиком и приходил к ней после страшных снов. Но перед ней стоял уже не ребёнок, а король, которому предстояло самостоятельно решать судьбу государства. Королева лишь ласково коснулась его щеки и направилась к выходу. Кейн остался один. Он ещё некоторое время смотрел на Кроутер. Где-то среди этих улиц жили люди, которые верили в него. Были и те, кто желал его падения. И теперь все они оставались позади. Когда слуги закончили приготовления, король покинул покои. Во внутреннем дворе его ожидала карета. Спустя несколько десятков минут Кейн прибыл на королевскую пристань.

У причалов стояли корабли, над которыми развевались знамёна Астроса. Моряки готовили снасти, солдаты проверяли вооружение, а грузчики переносили на борт последние

ящики с провизией и подарками для франбуржского двора. На пристани уже собрались члены королевской семьи. Не было лишь Уилласа. Младший принц не счёл нужным провожать старшего брата и остался во дворце. Флоренция подошла к Кейну и крепко обняла его.

— Береги себя, любимый, — прошептала она, целуя сына в лоб. — Будь таким же умным, как твой отец. И помни: мы все будем ждать твоего возвращения.

Она поправила его тёмные волосы. На мгновение Кейн показался ей удивительно похожим на Ричарда. Не столько внешностью, сколько тем выражением лица, которое появлялось у покойного короля перед отъездом в очередной поход. Флоренция почувствовала знакомую тревогу, но не позволила ей отразиться на лице. Неподалёку грузчики неловко опустили ящик с хрустальными изделиями, предназначенными в подарок Люксену Розенталю. Раздался громкий стук, и Кейн невольно обернулся. Рядом стоял Оскар. Братья некоторое время молчали, не зная, с чего начать разговор. Наконец Кейн заговорил первым.

— Это лишь серые земли, брат… — задумчиво произнёс он. — Иногда я спрашиваю себя, ради чего мы столько лет сражаемся. Ради того, чтобы бесконечно жить во вражде? — Он посмотрел в сторону моря.

— Надеюсь, этот союз пойдёт на благо обоим государствам. Очень надеюсь. — Оскар слабо улыбнулся.

— Не у меня тебе следует искать ответ, дорогой брат. —

Он приблизился и обнял Кейна. Тот ответил на объятие.

— Я люблю тебя, Оскар. — Средний брат ничего не произнёс.

— Если всё это окажется западнёй Люксена, — продолжил Кейн, — прошу, не оставляй Уилласа. Направляй его по жизни так, как хотел бы отец. Он ещё так молод и порой слишком глуп, чтобы понимать последствия собственных поступков.

Оскар медленно отстранился. Слова Кейна заставили его задуматься. Ещё совсем недавно он вместе с Уилласом обсуждал, как лишить старшего брата власти. Теперь же Кейн, не подозревая об их намерениях, просил его позаботиться о младшем. Оскар отвёл взгляд.

— Удачи тебе, Кейн, — произнёс он после короткой паузы. — В твоё отсутствие я присмотрю за братом и помогу вести дела.

Король кивнул. Он ещё раз посмотрел на мать, затем повернулся к ожидавшему его фрегату. Корабль возвышался над пристанью, готовый к дальнему плаванию. Белые паруса пока оставались убранными, а на палубе выстроились солдаты, назначенные сопровождать короля во Франбург. Кейн поднялся по трапу. Его встретили поклонами. Он прошёл к борту и обернулся. Флоренция стояла среди провожающих. Рядом с ней находился Оскар, который не сводил глаз с уходящего корабля. Вскоре моряки отдали швартовы. Паруса наполнились ветром, и фрегат медленно отошёл от приста-

ни.

Кейн долго смотрел на удаляющийся Кроутер. Сначала город казался таким же величественным, как прежде, но постепенно крепостные стены теряли очертания, башни превращались в едва различимые силуэты, а затем и вовсе скрылись за морской дымкой. Фрегат медленно удалялся от королевской пристани. Белые паруса наполнились ветром, и корабль, покачиваясь на волнах, направился к открытому морю. На палубе ещё можно было различить фигуру Кейна Шторма, стоявшего у борта. Флоренция не сводила с него глаз. Она провожала Ричарда в походы столько раз, что давно перестала их считать. Всякий раз он обещал вернуться, улыбался, обнимал её и поднимался на корабль, словно впереди ожидало обыкновенное путешествие. И почти всегда возвращался. Пока однажды его не привезли умирающим. Королева невольно сжала пальцы.

— Матушка? — Рядом стоял Оскар. Флоренция не сразу отозвалась.

— Что, сын мой?

— Нам пора возвращаться. Ветер усиливается. — Она посмотрела на море. Фрегат уже значительно удалился от пристани. Ещё немного — и разглядеть Кейна среди моряков станет невозможно.

— Да, пожалуй.

Они направились к ожидавшей карете. На пристани продолжалась обычная жизнь. Грузчики переносили товары,

торговцы спорили о цене, матросы перекликались с соседних кораблей. Для них отплытие королевского фрегата было лишь одним из событий дня. Для Флоренции же оно означало начало нового испытания. Она остановилась.

— Где Уиллас? — Оскар замедлил шаг.

— Остался во дворце.

— Я заметила, что его нет.

— Он сказал, что не видит смысла приходить. — Флоренция нахмурилась.

— Разумеется. — Некоторое время они шли молча.

— В последнее время вы с братом проводите много времени вместе, — произнесла королева. — Оскар пожал плечами.

— Мы всегда были близки.

— Не настолько. — Он бросил на неё быстрый взгляд.

— Что ты хочешь этим сказать? — Флоренция остановилась и повернулась к сыну.

— Я хочу знать, чем занимается Уиллас.

— Тем же, чем и прежде.

— Не пытайся меня обмануть, Оскар. — В её голосе прозвучала привычная властность, заставившая принца невольно выпрямиться.

— Я прекрасно знаю своего младшего сына. И вижу, что он всё чаще встречается с лордами, которые не желают признавать власть Кейна. — Оскар отвёл глаза.

— Уиллас просто общается с придворными.

— Уиллас никогда ничего не делает просто так. — Королева некоторое время смотрела на него.

— Ты ведь понимаешь это?

Оскар не ответил. Он вспомнил слова младшего брата о советниках, о недовольных лордах, о необходимости дождаться отъезда Кейна. Вспомнил и то, как Уиллас говорил о матери. «Она наверняка попытается нам помешать».

— Матушка, — наконец произнёс он, — тебе не следует беспокоиться. — Флоренция невесело улыбнулась.

— Когда мои сыновья начинают говорить подобное, я беспокоюсь ещё сильнее. — Она отвернулась к морю. Фрегат превратился в белую точку на горизонте.

— Кейн слишком доверчив, — тихо сказала королева. — Он видит в вас прежде всего братьев. И мне хотелось бы, чтобы вы помнили об этом. — Оскар опустил голову.

— Я помню.

— Тогда не заставляй меня однажды усомниться в твоих словах.

Флоренция направилась к карете. Оскар остался стоять на пристани. В памяти вновь прозвучал голос Кейна: «Я люблю тебя, брат. Если всё это западня короля Люксена, прошу, не бросай Уилласа». Он посмотрел на море. Всё утро Оскар пытался убедить себя, что поступает правильно. Что Кейн слишком слаб для престола, что Уиллас знает, как исправить положение, что рано или поздно власть всё равно должна перейти к более достойному. Но теперь эти мысли не прино-

сили прежней уверенности. Он вспомнил объятие старшего брата. И впервые задумался, какую цену придётся заплатить, если замыслы Уилласа действительно осуществятся.

— Ваше высочество! — окликнул его один из стражников. — Королева ожидает вас. — Оскар вздрогнул.

— Иду.

Он бросил последний взгляд на горизонт. Корабль Кейна уже исчез из виду. Оскар направился к карете, не замечая, как холодный ветер треплет его волосы. А где-то далеко за морем юный король Астроса держал путь к Франбургу, надеясь осуществить мечту покойного отца. Он покидал родные земли ради мира. Не подозревая, что в его отсутствие борьба за власть лишь начинается.

Впереди лежал Франбург. Там его ожидала встреча с Люксеном Розенталем, переговоры о союзе и брак, которого он никогда не желал. Кейн понимал, что ему ещё многому предстоит научиться. Одного королевского титула было недостаточно, чтобы заслужить уважение других правителей. Ему потребуются терпение, твёрдость и мудрость, которыми так славился его отец. Он перевёл взгляд на бескрайнее море. Я сделаю всё, что смогу. Ветер трепал его волосы, солёные брызги оседали на одежде, а за кормой постепенно исчезали родные берега. Кейн Шторм отправлялся навстречу мечте Ричарда. И ещё не знал, какую цену придётся заплатить за попытку её осуществить.

Глава 8. Серость мира

«И Серый мир окутает улицы Франбурга. И в ядовитом тумане, ты увидишь эти глаза. Глаза, что светятся Серым огнем. И в тот час, когда Серое солнце скроется навсегда – ты узнаешь, что такое страх.»

На самом большом континенте Лимскола, который был увенчан горами, развернулись судьбы жителей. Лимы, проживающие здесь, наслаждались превосходной жизнью, полной изобилия и досуга. Однако богатство и власть, как известно, могут развращать души. К сожалению, не все лимы смогли устоять перед этим натиском. Этот континент славился своей культурой, которая была вторым именем Лимскола. Даже крестьянские дети, особенно те, кто жил неподалеку от столицы Франбурга - Гелоргом, были развитыми и образованными. Лимскол прославился своими победами во множестве войн. Еще одной из особенностей этого континента были его величественные горы, которые словно пронзали белоснежные облака своими вершинами. Везде росли деревья, и поэтому воздух здесь всегда был чистым и свежим. Однако были и недостатки. Например, Лимы не знали развлечений, кроме кровавых сражений. Каждую неделю происходили бои, даже если они были незначительными, но всегда сопровождались бесконечным проливанием крови. Особенно страдали рабы, которые попадали на арену за

свои провинности перед хозяевами. Новости распространялись по Лимсколу быстро, и так, например, известия о новом короле Астроса быстро разлетелись по всему Франбургу.

Здешний правитель, король Люксен Розенталь, был глубоко обеспокоен этими событиями. Он уже был в преклонном возрасте и не желал войны между Астросом и Франбургом, особенно после заключения договора о брачном союзе между Кейном Штормом и его дочерью Эмилией Розенталь. Люксен мечтал о том, чтобы запечатлеть себя в истории Лимскола и стать легендарным королем Франбурга, но его погоня за славой не принесла ему успеха. Он провел много времени в походах и участвовал в великих войнах с северянами, а теперь он не мог найти свое место, так как будущее Франбурга полностью зависело от него самого. Он не имел настоящего наследника, только трех дочерей и пьяницу-сына, которого он выслал в храм Рахелей и лишил наследия.

Люксен не мог спать ночами, размышляя о будущем союзе и возможных последствиях. И даже сейчас, после ужина, он сидел в своих покоях и беседовал с бастардом - Алексом, которому ещё не позволял носить свою фамилию. Но это была не просто беседа, а скорее выражение гнева и отчаяния, в особенности под влиянием сладкого вина. Люксен рассказывал сыну о своих проблемах, которые уже были за пределами его возможностей решить.

— И теперь на моем веку появилась проблема. Флоренция обещала. Обещала ведь! Эмилия должна была выйти за

принца Кейна Шторма, но теперь он стал королем. — Отпив немного алой жидкости, Люксен поставил золотой кубок на небольшой стеклянный столик. Властитель Франбурга взглянул на своего сына, томно выдохнул и раскинул руки в стороны.

— Так разве это не хорошо? Эммочка может стать королевой. Такой бы союз нам не помешал бы. Союз, который раз и навсегда изменит судьбы наших континентов. — Сидя в кресле, напротив опечаленного отца, проговорил Алекс, скрестив руки на груди. Время от времени, он брался за голову и запускал пальцы в свои темные волосы. Конечно, самой сути проблемы он не понимал. Так как был молод и не имел достаточного опыта, нежели чем сам Люксен.

— Тебе не понять. — Кивнул головой седовласый король. Ранее всем управляла Флоренция. Она в свою очередь придерживалась прежним задумкам покойного короля Астроса - Ричарда Шторма. А теперь, будь проклят этот Кейн, ведь он сможет решать сам. Этот щенок может отменить наш союз. И развязать войну! Вдруг он безумец? — Люксен метался из сторону в сторону, кипя от напутствующего гнева.

— Тогда нужно брать инициативу на себя. Отправим ему приглашение, устроим теплый, соответствующий прием, пока он не познал все прелести правления. Проведем наши любимые гладиаторские бои, а уже после надавим на него. — Спокойным тоном голоса произносит Алекс, пожимая плечами. — Успокойся, отец. По крайней мере, мы должны по-

пробовать, нежели чем сидеть без дела и из раза в раз гневаться перед сном. — Алекс потирал свои глаза. Он уже был готов отправиться спать, но отец постоянно отвергал его просьбы, заставляя сидеть с ним.

— Да, ты прав. — Кивнул головой Люксен. — Стоит попробовать. Властитель Франбурга немедленно покинул свои покои. Серебристые пряди волос старого короля покачнулись, когда он медленно подошел к массивной дубовой двери, отделанной резьбой, которая словно оживала под его прикосновением. Тщательно вытащив из кармана золотую ключницу, он аккуратно повернул ключ в замке и с легким скрипом дверь распахнулась.

Внутри помещения царила полумрак, прерываемый лишь тусклым светом, проникающим сквозь густые шторы. Воздух был пропитан запахом старых пергаментов и древних книг, создавая атмосферу мудрости и таинственности. Король подошел к массивному деревянному столу, на котором лежали различные свитки и пергаменты и вызвал писаря.Писарь, одетый в темный одеяние с золотыми вышивками, вышел из тени, поклонился глубоко перед королем и взял перо в свои руки. Его каллиграфический почерк был безупречен, словно каждая буква была тщательно проработана с любовью и вниманием. Он начал записывать каждое слово короля, внимательно следя за каждым движением пера. Каждая фраза, каждое предложение, словно оживали на белом листе бумаги, приобретая свою уникальную форму и смысл.

Писарь не торопился, он вкладывал в каждое слово частичку своей души, придавая им особое значение. Когда последнее слово было записано, писарь аккуратно сложил письмо, протянул его гонцу, который стоял рядом, ожидая своего поручения. Гонец принял письмо с почтительным поклоном и быстро направился к выходу. В его глазах отражалось волнение и ответственность, ведь на его плечах лежала задача доставить это важное послание на соседний континент. Пергамент с приглашением к Асстровскому королю был отправлен в путь, чтобы доставить свое важное послание и начать новую главу в истории Франбурга и Астроса.

После долгого, муторного разговора, Алекс наконец-то покинул покои короля и двигаясь по узким, украшенным знаменами коридорам, набрел на мачеху. Резольда изогнула бровь в знак удивления, увидев Алекса. Ее темные волосы, аккуратно заплетенные в сложную прическу, подчеркивали ее благородную красоту. Величественная манера, с которой она держалась, говорила о ее высоком положении в королевском дворе.

— Алекс. — Произнесла она с холодным приветствием, — Какие «неожиданные» события привели вас сюда?

Молодая женщина, величественная и прекрасная, носила имя Резольда Розенталь. Она была избрана второй женой короля, ибо первая супруга, благородная и изящная, не смогла подарить ему долгожданного наследника. Вслед за этим несчастным обстоятельством, отец Люксена, мудрый и ува-

жаемый старец, неизменно решительно объяснил своему сыну, что ему следует найти другую супругу. Таковы были отцовские прихоти, которые король вынужден был исполнить, хотя его сердце все еще горело искренней любовью к первой жене.

— Мне нужно было переговорить с отцом. — Произнес юноша, пристально, будто бы сквозь миры, вглядывался в глаза женщины. — Резольда нахмурила лоб, ее серые глаза искрились от недоверия. — Поэтому я и был здесь.

— Послушай сюда, бастард. Ты думаешь, что после кончины Люксена встанешь на престол? Так спешу тебя разочаровать, этого никогда не будет, ведь я истинная королева Франбурга и только мои дети будут править. А теперь, отправляйся в свои покои и не смей обсуждать политику с Люксеном. Иначе, тебе придется горько. — Произнесла Розенталь, с каждым проговоренным словом, приближаясь к юнцу, не сводя с него своего взгляда. После чего, отправилась в покои к королю.

В то утро, когда над Гелоргом ещё не рассеялся лёгкий туман, Эмилия вместе с сёстрами отправилась в королевский сад. Здесь, за высокими каменными стенами, можно было хотя бы ненадолго забыть о бесконечных разговорах придворных, политических союзах и тех обязанностях, которые ожидали детей Люксена Розенталя. Алэйна бежала впереди, стараясь не наступать на влажную траву, и вдруг остановилась возле куста белых роз.

— Эмма! Кэт! Смотрите! — В ладонях девочки трепетала небольшая бабочка. Её крылья казались почти прозрачными в утреннем свете.

— Осторожнее, — сказала Эмилия. — Ты можешь повредить ей крылья.

— Я посажу её в коробочку. У меня в комнате будет настоящая бабочка.

— А как же она станет летать? — Алэйна нахмурилась.

— Я буду выпускать её иногда.

— Иногда? — переспросила Кэтрин, присаживаясь рядом. — Представь, если бы нас выпускали из покоев лишь тогда, когда кому-нибудь захочется.

— Но я буду любить её! — Эмма осторожно разжала пальцы сестры.

— Разве любовь означает, что кого-то непременно нужно посадить в клетку? — Бабочка ещё мгновение оставалась на детской ладони, затем взлетела и скрылась за розовыми кустами.

— А если её съест птица? — с тревогой спросила Алэйна.

— Тогда ей следовало родиться птицей, — усмехнулась Эмилия и, увидев обиду в глазах сестры, поспешно обняла её. — Прости. Я сказала глупость. Не всё на свете можно предвидеть, даже если очень хочется.

— Ты иногда говоришь как отец, — заметила Кэтрин.

— Это самое жестокое оскорбление, какое ты могла мне нанести. — Кэт рассмеялась, но вскоре улыбка её сделалась

задумчивой. Она вновь заговорила о Габринеле Сэворском, от которого уже давно не приходило писем.

— Если бы он знал, сколько раз ты произнесла сегодня его имя, — поддразнила Эмма, — то немедленно вернулся бы из плавания.

— Ты говоришь так лишь потому, что сама ждёшь Джейсона.

— Джей мой друг.

— Разумеется, — невинно согласилась Кэтрин. — Алэйна переводила взгляд с одной сестры на другую.

— А Джейсон женится на Эмме? — Эмилия чуть не споткнулась.

— С чего ты взяла?

— Он сказал, что ты самая красивая.

— Джейсон способен говорить и более нелепые вещи, — ответила принцесса, хотя щёки её слегка порозовели.

— Значит, не женится?

— Алэйна, — мягко произнесла Кэтрин, — не каждый, кто любит человека, непременно становится его мужем.

Девочка задумалась, словно впервые услышала подобную мысль. Они ещё долго бродили среди деревьев, спорили о пустяках и вспоминали детские проделки. Эмма смеялась вместе с ними, не подозревая, что вскоре этот обыкновенный день покажется ей драгоценнее всех придворных празднеств.

✦ ✦ ✦

В просторном коридоре замка господствовали покои Эмилии, старшей дочери Люксена Розенталя. В этом величественном пространстве, она занимала место на удобном стуле, волнение пронизывало каждую клеточку ее существа. Подол платья из золотистого бархата, с шелковым шлейфом, легко скользил по ее изящным пальцам, словно волшебные нити, рассекая воздух. Белокурые кудри, словно заснеженные вершины, покрывали молочно-белые плечи, а сверху, в сложной прическе, украшенной тиарой из жемчуга и белого кварца, они создавали неповторимую атмосферу благородства. Глаза девушки были устремлены вдаль, куда солнце уходило за горизонт, словно золотой шар, погружающийся в объятия безбрежного моря. В комнату зашли еще две девушки, глядя на которых можно было без труда понять, что они напуганы и переживали за Эмму. Одной на вид было лет девять, никак не больше, она крепко держала за руку принцессу постарше, которая всеми силами пыталась сохранить самообладание и взять себя в руки. Завидев сестёр, Эмилия бросилась к самой старшей из присутствующих.

— Кэт, умоляю, скажи, что происходит. — Взмолилась Эмма и взяла сестру за руки. — Кэтрин посмотрела на нее и повела к дивану. Две девушки уселись на нем, а самая младшая сидела в кресле с высокой спинкой.

— Отец собирается отдать тебя замуж за нового короля Астроса - Кейна Шторма. — Кэтрин умолкла и грустно улыбнулась. Эмма издала протяжный стон, больше походивший

на вой.

— Но, мы не можем просто так сдаться. — Воскликнула Эмма и подскочила на ноги. — Я хочу быть свободной…Как вы…

— Понимаю. Но мы не можем повлиять на отца, он не слушает нас. Мы ничего не можем сделать. — Кэтрин вздрогнула и закрыла глаза. Алэйна, младшая из сестёр, стала белее мраморной плиты, поняв, о чем говорят ее сестры.

— Я бы придалась оковам смерти, нежели чем стану женой Кейна! — Решительно сказала Эмма, направляясь к туалетному столику. Подойдя к нему, девушка выдвинула тумбочку и достала оттуда ожерелье, ничем не примечательное, таких было много, и оно было бы таким, если бы не жидкость, которую было невидно, из-за изумрудно зелёного цвета камня.

— Прекрати, Эм. Ты говорила ранее, что сможешь пережить это. — Кэт посмотрела на сестру.

— Я на всякий случай. Не уверена, что хочу ощутить это на своей шкуре — Эмма сморщилась. — И возможно, это не для меня. Все три девушки сидели в тишине. Эмилия устроилась на стуле, который стоял перед туалетным столиком, дёргая украшение, что свисало на ее лебединой шее. Гнетущая тишина изредка нарушалась празднованием Франбуржцев, но шум был отдаленным и время от времени утихал. Каждая думала о своем. Кэт думала о муже, который отправился на переговоры с Ауроном Де Магнуссоном, далеко от

нее и не смог бы хоть как-то помочь. Даже приехать не способен, сейчас на его плечах лежит судьба Франбурга, ему незачем терять время на нее. Эмилия думала о ненавистных ей людях, живущих на севере, что возможно снова вторгнутся в родные земли, да и в Астросе жизнь Эммы не имела никакого смысла. Теперь же, отец будет еще сильнее давить на нее, отдавая замуж незнакомому ей юноше. Еще более угнетало то, что она словно заточена в клетке, подобно птице, которая находится в покоях девушки. Ее будущее неизвестно, как и неизвестно то, будет ли она жить вообще. Кэт стойкая и сильная, ее трудно сломить, но все же возможно. А Алэйна - слабая и не сформированная личность, которая толком даже не обрела характер. И только одна Эмма имела непоколебимость и гордость, которая позволяла ей как можно дольше противиться негативному воздействию со стороны других.

Эмилия не пожелала ограничиваться слезами в собственных покоях. Узнав о намерениях Люксена, она отправилась к нему, не дожидаясь разрешения на аудиенцию. В малом зале совета пахло воском и сырой бумагой. Король сидел за столом, заваленным донесениями, и разговаривал с секретарём. Увидев дочь, он жестом отпустил служащего.

— Ты чем-то обеспокоена?

— Вы прекрасно знаете чем. — Люксен вздохнул.

— Если речь о Кейне Шторме, решение уже принято.

— Тогда выслушайте хотя бы ту, чью жизнь собираетесь изменить. — Король поднял глаза.

— Следи за тоном, Эмилия.

— А каким тоном мне следует благодарить вас за то, что вы отдаёте меня незнакомцу?

— Кейн — король Астроса. Его отец был человеком чести. Такой союз укрепит Франбург.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.